

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Настоящая черная
ВЕДЬМА

Annotation

Черных ведьм и, соответственно, меня бесит все! Бесят вопли местных девиц, требующих сварить им приворотное зелье, бесит наглый белый маг, который ведет себя не по регламенту, но больше всего бесит вот этот субъект — новый мэр Бриджуотера, который в день прибытия самым беспардонным образом потребовал от меня собрать чемоданы и покинуть «его город»! И мало того, что «милым дитем» обозвал, так еще и решил, что меня, потомственную черную ведьму, нужно воспитывать и защищать.

Все, господин мэр, это война!

-
- [Елена Звёздная](#)
    -
    - [Эпилог](#)
-

Елена Звёздная

Настоящая черная ведьма

С чего началась эта история? Так если припомнить, то, пожалуй, с вопля сестер Блошич, дочерей почтенного торговца Блошича:

— Нам нужно приворотное зелье!

А я терпеть не могу делать приворотные зелья. Бесят они меня. И вопли оголтелых девиц бесят тоже. Меня вообще все бесит, я же ведьма, причем черная и потомственная, так что положение обязывает. Выдала девицам два пузырька с сильно действующим слабительным, заменив этикетки «Послабляющее» на «Привораживающее», и собственно дозу препарата увеличила втрое. А чего? Я, между прочим, мужику пользу принесу, у него после такой дозировки не то что кишечник, мозги разом прочистятся.

Но это оказалось только начало.

Часа не прошло, как в мою лавку, носящую весьма непрозрачное название «Лавка черной ведьмы», ломанулся весь «цветник» нашего Бриджуотера. Кого тут только не было! И госпожа Данкан — почетная старая дева города, пережившая девицей три помолвки, десять сбежавших еще до сего акта кандидатов в мужья и одного почти женившегося после принятия моего зелья священника, который у алтаря все же опомнился, никак высшие силы сжалились, сослался на свои обеты и ретировался. И сестры Невелис — все четверо в отца пошли, чем весьма кузнец и гордился, но его могучесть, коренастость и волосатость, на мой взгляд, как-то не слишком девиц красили. Кстати, не только на мой взгляд — мужская часть Бриджуотера придерживалась того же мнения, в результате сестры до сих пор в девках. Но всех затмила матушка Торникай, рванувшая к торговой стойке, где и устроилась, вывалив достоинство, выкормившее всех ее девятерых дочерей собственно на стойку, от чего та жалобно заскрипела, напомнив мне, что пора бы и ремонт сделать. Кстати, жалобно скрипела не только стойка, пол тоже отозвался надсадным стоном, от чего вся толпа сделала синхронный шаг назад, обоснованно опасаясь провалиться в подпол, а о моем подвале ходили страшные слухи, соответственно, туда никто не хотел.

Кроме, похоже, матушки Торникай.

— Уважаемая госпожа ведьма, — начала она без предисловий

колоритным басом.

Кстати, дочерям передался такой же и голос, и характер, ничего удивительного, что от них даже портовые грузчики улепетывали.

— А сварите-ка мне зелье! — выдала Торникай.

Скривившись так, словно на завтрак у меня были лимоны, а вовсе не два хрустящих пирожка с ягодами, решительно ответила:

— Не сварю.

— Это еще почему? — возмутилась почтенная.

Хороший вопрос, очень. Глубоко вдохнув, со всем почтением ответила:

— А потому что, госпожа Торникай, зелье для похудения не запивают пинтой пива три раза в день, заедая все это пирогами с мясом, жареными ребрышками и цельным тортом со взбитыми сливками!

Мадам поморщилась, после махнула рукой, которая сделала бы по объему честь любой мужской ноге, в смысле бедренной части... да что там мужской — упитанные быки могли смело завидовать подобным объемам конечностей, и выдала:

— Ну что вы, госпожа ведьма, это все дело прошлое, а я и так хороша!

Угу, поговаривают, господин Торникай спать предпочитает на чердаке и не спускается с него на первый этаж, пока госпожа Торникай бродит по второму, так как опасается, что не выдержит пол и рухнет прямо на несчастного мужика, который по объему раз в пять меньше супруги. Жаль его, если честно, частенько он ко мне за успокоительным заходит, сядет в сторонке и вздыхает так жалобно...

— Приворотное мне нужно! — рывкнула матушка Торникай так, что я, задумавшаяся о ее бедном муже, вздрогнула от неожиданности.

Демонстративно прочистив ухо, глянула на мадам, и прямо спросила:

— В город новый холостяк приезжает, да?

У госпожи Торникай согласно затряслись все три подбородка. Остальная толпа тоже радостно и возбужденно закивала.

— Один? — уточнила я.

Кивки усилились.

Кто мне скажет — где логика?! Мужик-то один, а их тут уже штук двадцать в мою лавку набилось, и вот вопрос — делить они его как будут?! Короче, мужика заранее жалко. Потом припомнила сестер Блошич, собственно выданное им слабительное, и... мужика стало еще жалче. С другой стороны, слабительные у меня безвредные, а лишнее прочищение желудка еще никому не мешало, так что... В конце концов, я злая ведьма и никаких угрызений совести у меня нет!

— Так, — постукивая черными накладными ногтями по торговой стойке, недобро начала я, — зелий приворотных у меня нет.

— Так сварите! — возопила матушка Торникай, подаваясь вперед и жадно оглядывая полки за моей спиной.

Да, проблема. Они же так просто не свалят, да и к окрестным черным ведьмам не пойдут — Грехен из ума выжила, ну так там возраст располагает, стольник разменяла уже, у Мадины после последнего эксперимента по отращиванию волос клиентов нет — а кому понравится, если на лысине начнет трава расти, да не какая-нибудь, а ядовито-синяя, а к Люсинде побоятся, та недавно с мужем развелась, так что в ней явно конкурентку видят. Но и мужика жаль как-то, уж даже и не знаю, с чего... Хотя нет, знаю — вот как замечу алчное выражение лунообразной физиономии госпожи Торникай, так тут же всех холостых жалко становится.

— Ладно, — я поморщилась, едва стойка опять затрещала, — сделаем так — ночью сварю зелье, утром приходите.

Столько радости было. А меня чужая радость бесит. Да вообще все бесит. Особенно трещина, оставшаяся на стойке после ухода массы госпожи Торникай. Тьма, эта женщина становится опасной для окружающих, и собственно окружающие это уже понимают — ничего удивительного, что как только мадам выходит на улицу, все извозчики стремительно исчезают, а потом на пару с лошадьми перепугано из-за деревьев и углов домов выглядывают.

А так больше проблем не было — слух о том, что приворотное только к утру сготовят, видимо, по всему городку расползся. Так что заходили старички Варовски, взяли капель для зрения, им, ювелирам, зрение нужно отменное. Ближе к вечеру заскочил купец Оргун, взял мужского зелья — видать, опять супруга за город укатил... Купец так радовался, так радовался, ручку пытался поцеловать... Нет, не скажу ему, что госпожа Оргун этих зелий втрое больше с собой набрала, да ко всему прочему еще и противозачаточного пять пузырьков.

Ночью «варила» приворотное. Оно ж как — жителям городка подавай в основном специфичные зелья, а у меня, между прочим, специализация по витаминным. Так что полночи я рисовала этикетки вроде «Неземная страсть», «Феерия любви», «Страсть с первого взгляда» и тому подобное, а после быстренько, где-то за полчаса, наклеила их на пузырьки с витаминными настойками. А что — и вреда никакого, и эффект, глядишь, какой-никакой будет. В конце концов, от витаминов еще никому плохо не было, а тут и для красоты, и для крепости ногтей, и для сияющей

здоровьем кожи, и для волос — был у нас обыкновенный мужик, станет красавец!

* * *

В итоге утром едва не проспала рассвет, вставать было лень. Но у меня всего одно увлечение, и мне вовсе не хотелось, чтобы о нем кто-то знал. Встала, потянулась и пошла одеваться. Из лавки вышла, как и всегда, в полной тишине — город еще спал, фонтаны спали, фонарщики гасили фонари. Кстати, вот сейчас, когда фонтан на центральной площади не работал, мне была видна городская мэрия. Точнее даже так — моя лавка находилась как раз напротив мэрии, но фонтан всегда закрывал обзор. Собственно, благодаря ему у меня и лавка в таком месте. У нас как — раз ты черная ведьма, изволь пожаловать на окраину города, а то и вовсе за городскую стену, черных никто не любит. Но два года назад я получила наследство от двоюродного дедушки, который в Бриджуотере был аптекарем. Довольно неплохим, кстати, раз сумел купить дом, выходящий на центральную городскую площадь. Дедушку Гэбриэла я не помнила, но наследство пришлось весьма кстати — я как раз закончила магистериум и искала, куда бы податься. Бриджуотер в этом плане был идеален — портовый городок на окраине королевства, население, где все друг друга знали, и доходное место для моей лавки. Так что по приезде я сменила вывеску «Аптека» на «Лавка черной ведьмы», лично выкрасила здание в черный цвет, дабы соответствовало, накупила у местной ребятни трупик летучих мышей, у чучельника — чучело черной кошки, над вывеской изобразила зеленые кошачьи глаза и оказалась вполне довольна новым местом жительства. Недовольным был мэр, прискакавший в одном ботинке в тот же день, как я закончила малярные труды и выразивший свое возмущение. Не повезло ему. Все дело в том, что ведьма я потомственная, а гены на землю не падают, соответственно, характерец у меня не то что бы отвратительный, но... Да ладно, поганый у меня характер и профессии очень даже соответствует. Через три дня заметно полысевший мэр приполз с извинениями и выдал бумаженцию, свидетельствующую о том, что городской совет разрешил черной ведьме Аэтелль Герминштейн содержать черномагическую лавку в указанном месте городка Бриджуотер.

Жизнь прекрасна!

Оглянувшись еще раз на предмет своей гордости — черный двухэтажный домик в самом центре города, я посочувствовала

окружающим ярко-оранжевым постройкам — по поводу вкуса их владельцев и, напевая что-то веселое, махнула рукой сонно проезжавшему мимо извозчику. Последний довез меня до городской стены, почтительно косясь на черный ведьминский плащ. Там, через калитку под уважительными взглядами стражников, которые свято верили, что иду я кого-нибудь приносить в жертву, я вышла в лес, свернула на знакомую тропинку и, убедившись, что вокруг никого нет, сняла плащ и запрятала его в дупло.

А затем, глубоко вдохнув напоенный лесными ароматами воздух, сорвалась на бег.

Да, люблю бегать. Нравится мне это. И просыпающийся на рассвете лес, и изгибистые тропки, и сонно потягивающиеся при моем появлении медведи, и рысенок с погрызенным ухом, который по утрам всегда пытается догнать, и озеро, куда ведет крутой склон, и вообще бегать. И потому каждое утро, едва сереет небосклон, я приезжаю на окраину леса и позволяю себе час-полтора носиться среди деревьев как оголтелая, презрев соответствующее статусу черной ведьмы поведение. Ко всему прочему по утрам я вовсе и не ведьма — волосы каштановые, непослушные, вьющиеся, на носу веснушки и глаза ну самые что ни на есть обыкновенные серо-голубые. Это потом я вымажу волосы черным, и они станут прямые, кожу выбелю, превратив почти в подобие фарфоровой маски, глаза и брови подведу черным, веки — зелеными тенями, что придает и взгляду зеленоватый оттенок, в уши вставлю тяжелые серьги, на себя напялю длинное платье и шляпу черную остроконечную, на пальцы — табун кричащих серебряных колец, и, собственно, здравствуйте, я ваша черная ведьма.

Утренний забег прошел чудесно. Мокрая и разгоряченная, я вернулась на свою секретную полянку, достала из дупла плащ, закуталась, скрывая рубашку, брюки и охотничьи ботинки и даже лицо практически и вернулась в город.

Стражники проводили жадными взглядами, выискивая на черном подоле кровавые пятна, извозчик нетерпеливо ждал — не из вежливости, из любопытства скорее. И едва забралась в двуколку, изволил поинтересоваться:

— Как все прошло, госпожа ведьма?

— Замечательно, — беззаботно ответила я.

— А кого-сь сегодня замучили смертью безвременной? — трогая с места, продолжил расспрашивать мужик.

Меня, к слову, чрезмерное любопытство тоже бесит. Меня вообще все

бесит, я же говорила.

— Да так, — отозвалась небрежно, — тут в прошлый раз один извозчик разболтался не к месту...

Мужик вздрогнул, спина его стала прямая как палка, но таки спросил:

— И... чего?!

— Ничего, — злобно протянула я.

Выпрямившись еще сильнее и заметно начав вздрагивать, извозчик уточнил:

— Ничего от него не осталось, да?

Нет, он реально думает, что я мужика убила? Судя по всему, да. Ну так у нас, черных ведьм, принцип такой — если о вас незаслуженно говорят гадости — заслужите.

— Ни-че-го, — по слогам кровожадным шепотом повторила я.

До конца пути перепуганный извозчик более не издал ни звука. Приехав на площадь, отказался от оплаты и попросил забыть, как он выглядит. Мстительно солгала, что у нас, черных ведьм, идеальная память на лица... Мужика перекосило.

Довольная собой, пробежкой, утром и в целом жизнью, весело направилась к собственной лавке, планируя душ, завтрак и весьма прибыльный по причине продажи псевдоприворотного зелья день. Но обогнув две проезжающие мимо кареты, я заметила, что возле моей лавочки стоит группа мужчин и что-то бурно обсуждает. Подходя ближе, узнала в присутствующих господина мэра, который из-за моей мстительности так и остался с проплешиной на макушке, самых уважаемых членов совета и одну незнакомую мне морду лица. Морда была высока, на голову выше присутствующих, широкоплеча, узкобедра, темноволоса, имела внушительный нос, правильные черты и квадратный подбородок. В общем и целом, должна признать, морда оказалась весьма привлекательна, а выправка свидетельствовала о военной карьере. То есть фактически мне очень даже понравилась. Не понравилось другое — чем ближе я подходила, тем отчетливее становилось видно недовольное выражение морды при взгляде на мою чудеснейшую лавку, и это недовольство некоторые не сочли нужным скрывать. То есть хамим! Стоим перед лавкой самой настоящей потомственной черной ведьмы и откровенно хамим! Где пиетет?! Где испуганная бледность?! Где выдвленная через силу вежливая улыбка?! Это вообще как называется?

Решительно направилась к морде, дабы сообщить, насколько та в конкретный данный момент неправа, но едва подошла...

— Госпожа Герминштейн весьма уважаемая и почитаемая всем

городом, господин мэр, — произнес собственно... наш мэр.

Ведьма остановилась, обалдело прислушиваясь.

— Лавка черной магии в центре города недопустима, господин Браден, — глубоким приятным баритоном произнесла привлекательная морда, с недовольством разглядывая связку сушеных летучих мышек над моей дверью.

И так он их рассматривал, что плешку в густой черной шевелюре заслужил однозначно. К слову, и шевелюра у некоторых излишне густая... Но это ничего, проредим!

— Но, господин мэр, — заюлил похоже уже наш бывший мэр, — знаете, это...

— Я в принципе не могу понять, как вы это допустили! — отчеканил, судя по всему, новый мэр. — Лавка черной ведьмы не просто в городе, а фактически напротив мэрии! Или сейчас вы попытаетесь меня убедить в том, что из-за фонтана не видно?!

Господин Браден, уже открывший было рот, тут же его закрыл, и стало понятно, что именно этот аргумент он и собирался озвучить. Морда перевела мрачный взгляд с моих летучих мышек собственно на мэра, а затем его суровый взгляд заметил меня.

В следующий миг с мордой случилась метаморфоза — насупленные брови расправились, сжатые губы растянулись в вежливой и довольно приятной улыбке, темные глаза нацелились на мои глаза, и волнующий баритон озвучил:

— Милое дитя, вас так заинтересовала наша беседа?

Что??? «Милое дитя»?! Я?! Потомственная черная ведьма?! У меня нервно веко задергалось.

— Простите, я что-то не то сказал? — искренне встревожилась морда.

Присутствующие разом заинтересовались «милой дитятей», повернулись в мою сторону и...

Мгновенно синхронно отшатнулись всей толпой, стремительно бледнея и изображая знаки защиты.

Ну наконец-то, слава Тьме.

Морда удивленно глянула на сопровождающих, которые как-то совершенно неосознанно сгрудились за его спиной, после вновь на меня, на мою лавку, на черный ведьминский плащ, снова на меня.

— Да, я ведьма! Лично для вас — госпожа ведьма! — гордо представилась я, натягивая капюшон, который во время моей заинтересованности излишне сполз назад, открывая мое лицо.

А я, между прочим, еще не накрашена.

Судорожно выдохнув, морда нахмурилась и в свою очередь представилась:

— Новый мэр. Для вас — господин мэр.

— Очень неприятно познакомиться, я бы даже сказала — отвратительно, — сложив руки на груди, заявила чиновнику.

— Взаимно. — Кто-то окончательно охамел.

Все, мэр, одной шевелюрой ты не отделаешься.

— Но я рад, — продолжила самоубийственная морда, — что мне не пришлось вызывать вас в мэрию для беседы и я могу здесь и сейчас сообщить, что не потерплю лавку черной магии в своем городе.

Меня вызвать? Угу. Он не потерпит... ха-ха.

— И потому жду от вас оценки данного имущества, которое мэрия выкупит у вас уже сегодня. К слову, можете паковать чемоданы.

Живут же на свете наивные морды...

— Простите, — я ехидно улыбнулась, — а вы чемоданы уже распаковали?

Вскинув бровь, неуверенно ответил:

— Нет. Я прибыл на рассвете.

Коварно ухмыльнувшись, искренне посоветовала:

— Не распаковывайте.

Морда вскинула и вторую бровь, после враждебно поинтересовалась:

— Вы мне угрожаете?

— Что вы, — не могу перестать улыбаться, — просто дружеский совет в качестве подарка к вашему приезду.

— То есть угроза, — правильно понял новый глава города.

Догадливый. Люблю таких. И внешне весьма неплох, а таких вообще все любят, особенно незамужние девицы... И тут вспомнились мне события минувшего вечера.

— Господин мэр, а вы женаты? — невинно поинтересовалась, окидывая вновь прибывшего изучающим взглядом и уже догадываясь, на кого объявило охоту все бриджуотерское сообщество незамужних дев и их мамаш.

— А это имеет значение? — разозлилась основательно влипшая, но еще не ведающая об этом жертва матримониальных устремлений.

подавив искренний злорадный смех, я обошла мэра и направилась в любимую лавку, обронив на ходу:

— Решающее значение, весьма решающее значение.

В ответ донеслось:

— Что вы имели в виду, госпожа ведьма?!

Он же не думал, что я отвечу, правда?!

* * *

У меня был прекрасный завтрак из двух наскоро приготовленных яиц и бутерброда с сыром, так как на блины сегодня времени не имелось. Я потратила его с куда большей пользой, надписывая этикетки для пузырьков, которые собиралась раздать самым, самым, самым настойчивым дамам. Матушке Торникай, к примеру. Девять дочерей — это сила. И потому я заготовила специально для их вооружения слабительное, зелье для наращивания волос, зелье для наращивания ногтей, снотворное зелье, опьяняющее зелье, отбеливающее зелье и зелье для набора веса. И главное — никаких угрызений совести, морда нарвался сам, и я планировала мстить весьма основательно и всеобъемлюще. Ко всему прочему из окна моей спальни на втором этаже было превосходно видно, как к мэрии приближается карета сестер Блошич... Определенно, сегодняшний день господин наглая, непочтительная и охамевшая морда проведет в маленьком, замкнутом и весьма дурно пахнущем помещении.

А сегодня в полдень, насколько я понимаю, должно быть представление мэра народу Бриджуотера...

Через час заскочила госпожа Торникай — получила зелья, рассыпалась в благодарностях, щедро все оплатила и упрыгала, создав небольшое землетрясение. После потянулась вереница жаждущих устроить личную жизнь, что резко уменьшило количество зелий, которые простояли два года не востребованными. Замучилась пыль с пузыречков вытирать. К обеду дошло до того, что пришлось бегать в погреб открывать ящики с дядюшкиными настойками и спешно на коленке писать для них новые этикетки.

В полдень все ждали представления мэра.

Весьма дольная собой черная ведьма устроилась на маленьком балкончике, примыкающем к спальне, за столиком с чашечкой чая и кусочками сыра с плесенью, дабы понаблюдать за всеобщим разочарованием. В отличие от присутствующих, наблюдательная я засекала момент, когда бледные сестры Блошич растерянно улепетывали из мэрии, и сделала соответствующие выводы. Судя по тому, что мэр не вышел знакомиться с народом, выводы были абсолютно верны.

* * *

К вечеру примчались сестры Блошич, потребовали денег за зелье, которое вообще не сработало. Сделав большие глаза, спросила, почему они решили, что не сработало. Сестры переглянулись. Предложила обеим прочесть, чего там, на пузырьречках было написано мелким почерком. Достали, прочли: «Ждать начала действия через четверть часа, затем принять повторную дозу».

— Повторную дозу дали? — поинтересовалась классическая черная ведьма, постукивая черными накладными ногтями по стойке и откровенно любуясь собственным изображением в зеркале.

— Нет, — сникли сестрички.

— Ну и чего стоим, кого ждем? — спросила я.

Блошич ускакали в направлении мэрии. А я говорила, что поваром у мэра их родной дядька работает?

Да, кто-то проведет и ночь тоже в маленьком помещении, проклиная все на свете.

Ночью, закончив пересчет оставшихся зелий и расставив на опустевшие витрины новые «Приворотные», глянула на мэрию. Там, на втором этаже, где находились жилые помещения, одиноко горела свеча... Злорадно похихикав, легла спать. К слову — сильно сомневаюсь, что кто-то сегодня успел распаковать чемоданы.

* * *

А ночью в мою дверь постучали.

Сонно зевнув, я повернулась на другой бок и собралась поспать. В двери постучали снова, на этот раз не в пример громче и настойчивее. А потом и вовсе так, словно планировали дверь к чертям выбить.

Что за хамство?!

Поднявшись с постели, взяла свечу и пошла открывать, намереваясь жестоко отомстить пробудителю. Пока спускалась, в двери барабанили все настойчивее. Короче, кажется, теперь не только стойка, но и фасад в ремонте нуждаются. Ругаясь сквозь зубы, подошла, распахнула сотрясающуюся от ударов дверь.

На пороге стояла морда.

Побледневшая такая, с темными кругами под глазами, заострившимся

носом, посиневшими губами и в белом банном халате.

В моем направлении ткнули пальцем и прорычали:

— Вы!

— Склероз? — недружелюбно поинтересовалась я, наслаждаясь видом пострадавшей морды. — Между прочим, мы уже знакомы.

Морду перекосило. Мэр полез в карман халата, извлек знакомый мне пузырек, на котором еще вчера было написано «Сильнодействующее слабительное», а ныне красовалось «Огненная страсть», и взревел:

— Ваше?!

Брезгливо взяв пузырек двумя пальцами, осмотрела и вернула со словами:

— Нет, я таким не пользуюсь, предпочитаю естественные отношения.

Из груди морды раздалось глухое угрожающее рычание, из живота гораздо более угрожающее урчание, и я испугалась. За свой нужник, естественно.

— Знаете, — протянула осторожно, — вам бы желательно домой бы... в смысле в мэрию. А то рискуете не добежать.

Повторное урчание в животе полностью было со мной согласно.

А морда нет.

— Вы! — прошипел, краснея, господин мэр. — Это госпожа Блошич купила у вас!

Пожав плечами, сразу предупредила:

— В нужник не пущу.

— А мне уже не нужно! — взревел мэр.

— Да? — скепсис скрывать не стала. Затем повторно взяла бутылочку, обратила внимание на то, что в ней болтались лишь весьма скудные остатки зелья, и, возвращая «Огненную страсть», честно сообщила: — Нужно. Поверьте мне как специалисту — после такой дозы у вас это «нужно» продлится как минимум до рассвета. Доброй ночи.

Морда хотел было что-то сказать, но в этот момент в животе вновь заурчало, и новоявленный градоправитель не сумел выдать из себя ни звука, боясь оконфузиться. То есть вербально он безмолвствовал, но глаза, но выражение лица, но сжимающиеся кулаки...

— Пока-пока, — пропела крайне довольная собой ведьма, закрывая дверь перед носом натужно краснеющего посетителя.

К слову, уходил он, гордо чеканя шаг, и ускорился только после того, как миновал фонтан, в надежде, что я уже не увижу. Зря — черная ведьма сидела на чердаке, у маленького пыльного окошка и все увидела.

Жизнь прекрасна.

Из-за ночного происшествия я проспала рассвет и пробежку, а потому настроение утром было преотвратное и все бесило. Едва успела после завтрака надеть ведьминскую униформу, зашел господин Оверн, заместитель главы городского совета. Пробубнил что-то про постановление мэра, сунул бумажку на выселение... под моим внимательным взглядом бумаженцию забрал, скомкал, засунул в карман, после жалобно спросил мазь от суставов.

В обед зашел новый священник, спросил, не желаю ли я поучаствовать в аутодафе. Согласилась при условии, что сжигать будем священника. Мужик почему-то отказался и не изменил своего решения даже после того, как я расписала, как это все будет тепло и весело. После моего рассказа Доминус побледнел и поспешил откланяться. Жаль, хотелось развлечься.

Вечером состоялось представление мэра населению города. Морда был бледен, заметно пошатывался, но таки прочитал речь про то, что потерпит, а что нет, в своем городе. Собственно, как и следовало ожидать, черных ведьм мэр терпеть был не намерен. Это он зря. Я-то жалостливая, ну Люсинда тоже, может, его пожалеет как объект возможных матримониальных планов, а вот Мадина такого не прощает... Но как я ни рассматривала толпу, Мадины видно не было, что странно. Люсинду заприметила сразу — та сидела в уличном кафе на самом удобном месте и слушала речь, потягивая коктейль, кстати, мне махнула приветственно. Старая Грехен, шаркая ногами, прошла мимо собрания, сама прошла, а вроде как слегла уже, крепкая старушенция, но вот Мадины не было. Странно. Надо бы зайти, провести.

К слову, после заявления морды о нетерпеже черных ведьм энтузиазма у жителей поубавилось, зато артель гробовщиков заметно оживилась, походу сегодня-завтра пойдут снимать мерки.

А потом новый градоправитель сделал ход конем и объявил невероятное:

— В связи с военным положением, на которое переходит королевство, в город вступают два полка, а к городскому порту будет пристроен военный форт.

Площадь погрузилась в напряженное молчание.

— Черт! — выругалась черная ведьма, едва не поперхнувшись чаем.

Люсинда обернулась, посмотрела на меня. Грехен, еще не ушедшая с площади, тоже остановилась.

Тьма, жизнь перестает быть томной! И мне тут только не хватало гарнизона с солдатами и офицерами! Черт!

Толпа жителей радостно загудела, мамаша Торникай и вовсе грохнулась на колени и вознесла хвалу небесам, ее тучные дочери принялись радостно приплясывать... Мда, девятерым из прибывших военных сильно не повезет в жизни.

Расходились все в радостном возбуждении, обсуждая предстоящие изменения в быту портового городка. Злая ведьма, медленно допивая чай, смотрела на морду, который стоял на балконе мэрии, упираясь руками в поручень и мрачно сверля взглядом собственно ведьму. Отсалютовала чашкой. Некоторые нервные психанули, развернулись и ушли. Жаль его. Это вчера была смена повара, который дядька сестер Блошич, а сегодня на смену сестра мамаша Торникай заступает...

Кстати да, ночь же впереди.

Перед закрытием лавки повесила на дверь объявление: «Неуважаемый мэр, выломаете мне дверь, отремонтировать будете всей мэрией». И подпись «Госпожа черная ведьма». После чего довольная собой легла спать.

* * *

Разбудил меня странный звук — кто-то зло жевал рядом. Открыв глаза приподнялась, всмотрелась в массивную волосатую фигуру, которая когтями кромсала мой хлеб и жрала мое копченое мясо, заедая это все лично мною законсервированными солеными огурчиками, и потрясенно спросила:

— Охамел?!

— Двери на месте, — прорычал морда, в один укус уничтожая половину балыка, который я заготовила для похода к Мадине.

К слову, выглядел ночной визитер весьма примечательно — волосы и борода до плеч, из-под халата были видны чрезмерно волосатые ноги, руки так же густо покрыты растительностью, ну и когти внушительные — что на руках, что на босых с остатками тапков ногах. Короче, судя по всему, сестрица матушки Торникай успела опробовать только два зелья — для роста волос и роста ногтей. Эффектом, кстати, можно было смело гордиться, ибо эффект был налицо.

— Я сейчас доем, — жуя, сообщила мне зверская обозленная морда, — а после вас убью!

— Слушайте, — я повернулась на бок и подперла голову рукой, чтобы

удобнее было обозревать картинку, — а чего это вы решили трапезничать в моем доме, мм-м? У меня, между прочим, еда дорогая.

— Не беспокойтесь, — ответил господин монстроподобный мэр, — я вам свою принесу! И выпечку, и супы, и мясо в винном соусе, и...

— Спасибо, не нужно, не обеднею, — представив, что может находиться в свежей выпечке и остальной стряпне сестры мамыши Торникай, решительно заверила я.

Глухо прорывав еще что-то, мэр, устроившийся на краю моей кровати, продолжил ужинать. И аппетит у него был зверский.

— А быстро вы в себя пришли, после такой-то дозы слабительного, — задумчиво отметила я.

Морда перестал жевать и взбешенно уставился на меня.

— Кстати, чемоданы как, не распаковали еще? — поинтересовалась невинно.

Хмыкнув, мэр прожевал что во рту было, сглотнул и зло произнес:

— Госпожа ведьма, вы же понимаете, что я это так просто не оставлю!

— Понимаю, — сладко зевнув, протянула.

— Хотите жить в Бриджуотере, извольте следовать правилам и селиться на окраине, а не в центре! — продолжил гневную тираду.

— Да-да, — издевательски подтвердила я.

Мэр хватанул зубами мясо, прожевал, сглотнул и добавил:

— Завтра в город прибывает белый маг.

А вот это уже интересно. Перестав демонстративно позевывать, посмотрела внимательнее.

— Надеюсь, вы понимаете, что это значит? — яростно сузил глаза мэр.

— Конечно, — я расплылась в самой что ни на есть довольной улыбке, — белый маг в моем городе! О Тьма, вот это подарок! — села на постели, поправила волосы, после сорочку, после грудь, чтобы в кружевной лиф легла попризывательнее, после... — Так, а что это вы на меня смотрите и совсем мое мясо жрать перестали? — спросила у морды.

Мэр сглотнул толком не прожеванное.

— Уже наелись? — недружелюбно поинтересовалась я.

Он недобро прищурил глаза под мохнатыми бровями.

— Ну раз поели, катитесь отсюда подобра-поздорову. — Мои глаза полыхнули зеленым огнем.

Обычно этого хватает с головой и все растворяются в пространстве, но не этот тип. Мохнатая морда, почесав бороду, нагло спросил:

— А не слишком ли вы вызывающе себя ведете, госпожа ведьма? Между прочим, перед вами разъяренный, по вашей милости излишне

волосатый и когтистый мужчина, которого небеса вовсе не обделили силой. И вы — совершенно беззащитная зарвавшаяся девчонка!

Скептически изогнув бровь, я спокойно спросила:

— Морда, а кто тебе сказал, что я беззащитна?

Дохрай заklubился зеленоватым дымом возле моей постели, принимая свой истинный облик — монстра. Зеленого, громадного, мускулистого монстра, чьи когти были куда внушительнее, чем у мэра. И косматый градоправитель побледнел.

— Кстати, — я посмотрела на свои ногти, демонстративно потерла их о рукав, чтобы заблестели, — убивать вы меня, господин мэр, не собирались. Напугать, призвать к порядку, впечатлить в конце концов, но не убивать. Потому что приди вы с желанием моей смерти, Дохрай изничтожил бы вас еще на пороге.

Мэр не шевельнулся, пристально глядя на меня. Глянул на хранителя дома, после вновь на меня и совершенно спокойно, вовсе даже не дрожа, произнес:

— Но вне дома вы беззащитны.

Надо же какая осведомленность.

— Рискнете проверить? — любопытствовала ехидно.

Градоначальник повышенной волосатости медленно поднялся, гордо развернулся и ушел, бросив на пороге:

— Мы еще побеседуем, госпожа ведьма.

Зевнув, я смахнула оставленные им крошки с одеяла, повернулась на другой бок и постаралась снова заснуть, приказав сонно:

— Дохрай, дверь запри.

* * *

Рассвет не пропустила. Отбегав по лесу в свое удовольствие, вернулась на полянку, достала плащ, надела, вышла из лесу, прошла к городу, миновала калитку и услышала сдавленное от одного из стражников:

— Затаились бы вы, госпожа ведьма.

Удивленно обернулась — все шестеро стражников с опущенными забралами подтверждающе закивали. Смотрю на них, сержант Уртис торопливо добавил:

— На рассвете маг прибыл, белый, военный, по вашу душу, госпожа ведьма. Опасный такой, на белом коне, доспехи белые. Из ордена.

Ведьма призадумалась.

— И не один, — добавил капрал Добмак.

— А вы сегодня кого уморили, госпожа ведьма? — робко поинтересовался солдат из новобранцев.

— Стражника одного, из особо говорливых, — не задумываясь, ответила я.

Караул вытянулся как по струнке.

Солдатик предупреждению не внял и дрожа спросил:

— А... останки?

— Съела, — ответила голодная ведьма. — Зажарила и съела.

Новобранец рухнул как подкошенный.

— Это он от удивления, — сержант Уртис пнул обморочного ногой, не особо заботясь о сохранности солдатских ребер.

— Удивился, как в вас столько мяса влезло, — добавил капрал Добмак.

— Черная магия, — протянула я, припоминая, где у меня завалялось сообразное ситуации регламентированное платье с самым глубоким декольте.

Вообще я сегодня собиралась сходить проведать Мадину, но белый маг — это, скажу я вам, достойный повод изменить планы. К слову — черные ведьмы рождаются исключительно от белых магов, угу. И белые об этом в курсе, поэтому бегают от нас как от чумных, но... численность черных ведьм неуклонно растет, что говорит о двух вещах — настойчивости, нам свойственной, и собственно о том, что белые маги плохо бегают. Кстати, возраст у меня уже подходящий, соответственно, дочка вовсе не помешает, а совсем даже наоборот.

— Бе-е-елый ма-а-аг, — произнесла я с придыханием, — и главное — сам пришел, даже искать и в столицу летать не пришлось.

Стражники разом отшатнулись, лежащий солдатик отполз.

— Шикарное начало дня, просто шикарное, — и, напевая, я отправилась искать себе извозчика.

К слову, он меня ждал. Вчерашний. На сиденье двуколки обнаружились пирожок, букетик цветов и бутылочка с чаем.

— Забывательное зелье? — усаживаясь, поинтересовалась у мужика.

Извозчика передернуло всего, но кивнул. Ясно, у Люсинды брал, а та с него оплату натурой потребовала. Нет, сама Люсинда очень даже ничего и в пятьдесят пять, но от ее темперамента уже двенадцатый муж сбежал, вот и отрывается на несчастных клиентах.

— Ладно, ко мне поехали, дам восстанавливающее зелье.

Мужик обернулся, взглянул поначалу с недоверием, после уже оценивающе.

— Я тебе не Люсинда, — предупредила сразу.

Почему-то тяжело вздохнул, отвернулся, приказал лошади «Трогай», и мы поехали.

* * *

А перед моей лавкой меня ждали! И кто ждал! Целая толпа ждала! И мэр тоже ждал! Но это все мелочи — там был маг! Настоящий белый маг! Весь в белом, и плащ тоже белый, и волосы золотые до плеч, не то, что у некоторых, опять коротко стриженные. И у белого мага была статья, разворот плеч... ну, в этом он тем самым некоторым немного уступал, но золотые эполеты, белый мундир и золотая кираса делали свое дело, представляя мага в наиболее внушительном виде.

— Ой, госпожа ведьма, а может, вы сегодня где-нибудь спрячетесь? — встревожился за меня почему-то извозчик.

— Да вы что, там же такой мужчина! — воскликнула вся довольная я.

Маг-то был молодой, едва ли сорок стукнуло, суровый, роскошный такой, просто ух!

— Так, госпожа ведьма, они же вас убивать будут, — понизив голос, попытался донести до меня извозчик.

Хмыкнув, я покачала головой и коварно протянула:

— Это они так думают, наивные.

К слову, пока подъехали, толпа увеличилась. И не могу сказать, чтобы все жаждали моей крови, напротив — единственная помидора, которая вылетела из толпы, попала, и видимо совершенно случайно, так как я еще не доехала даже, в белого мага. Тот картинно вскинул руку, щелкнул пальцами, и его окружило сияние защитного поля. В толпе раздался разочарованный вздох, новое начальство оглянулось на толпу и рыкнуло:

— Разошлись!

И толпа отошла. Ага. Шагов на семь.

В этот момент подъехали мы с извозчиком. Мужик, видимо опытный, поставил двуколку между лавкой и толпой, видимо думая, что я сбегать буду.

Но я не успела.

Только двуколка остановилась, как морда, причем уже безволосая и даже с ногтями нормальными, хмуро спросила:

— Госпожа ведьма, а где это вы шьетесь по ночам?! — И тон такой негодующе-обвинительный.

Нет, определенно хамеем.

Придерживая пальчиками капюшон, чтобы не дай Тьма не свалился перед целым белым магом, являя меня не в образе, я снизошла до ответа:

— По ночам, господин мэ́р, когда вы не вламываетесь ко мне в стремлении поесть задарма, я сплю. А вот утром уже промышляю убиением девственниц, распитием крови младенцев и собственно оргиями, да-да.

И вокруг так тихо стало. Тихо-претихо... даже слышно, как в порту орут грузчики и чайки.

— Госпожа ведьма! — прорычали взбешенно.

— Никуда не уходите, сейчас вернусь, — крикнула я, убегая в лавку.

На пороге остановилась, вспомнив, что чего-то собиралась сделать. Обернулась. В поле зрения попал извозчик. Точно!

Вернулась, схватила мужика за рукав, умчалась в лавку вместе с ним, и едва дверь за нами закрылась, начала с вопросов:

— Сколько обычно спите в сутки?

При этом лично я улепетывала в спальню, оставив собственно мужика внизу у лестницы.

— Э-э... ну дык по молодости всю ноченьку, а сейчас, почитай, пять часов, если выпадет, так уже слава небесам.

Ботинки полетели по ступеням вниз, рубашка, штаны остались на полу в спальне, я в полотенце ринулась в душ, крикнув оттуда:

— Что вы обычно едите?

Судя по голосу, мужик подошел ближе к лестнице и теперь говорил, запрокинув голову:

— Так похлебку, кашу, супы...

— Мясо вам нужно, — крикнула я, — овощи, зелень. И с пивом не усердствовать.

В этот момент полилась холодная вода, вместо теплой, я взвизгнула и занялась собой.

Выскочила из душа через три минуты мокрая, взбодренная больше некуда и уже собиралась задать следующий вопрос, как услышала внизу голос мэ́ра:

— А что это вы тут делаете?

— Так это, — извозчик, судя по раздававшемуся тихому скрипу на пару ступенек, поднялся, а теперь спускался быстренько, — так госпожа ведьма меня лечить изволит.

— В своей спальне? — Кто-то, судя по голосу, взбесился.

— Ну дык... че-е-ерная ма-а-агия, — подобострастно протянул мужик.

— Пошел вон! — рявкнул морда.

— Э, господин мэр! — возмутилась я. — Нечего в моей лавке распоряжаться! Господин извозчик, одну минуточку, я сейчас спущусь.

Но минутой тут дело точно не ограничится, это я поняла, как только открыла сундук. Тьма, да где же оно?! В белье, чулках и туфлях на самом высоком каблуке — я отчаянно рылась в этой зловредной магической штуковине, которая вечно прятала то, что мне нужно. Я ругалась, вышвыривала гримуары и фолианты, обнаружила змею, секунды три смотрела на нее потрясенно, прежде чем понять, что это муляж, вышвырнула, неудачно попав в стакан с водой, который грохнулся и разбился.

Почти сразу вслед за звоном прозвучал вопрос:

— Госпожа ведьма, а чем вы там занимаетесь?

— Платье ищу, — буркнула я, занырявая в недра сундука.

И ведь ржет сейчас, гад, точно знаю, что ржет. Штука это старинная, мне от бабки досталась, так вот она рассказывала, что сундук однажды ее жениха спрятал. И все бы ничего, отдал потом, да дело было в день свадьбы.

— Сожгу, скотина! — окончательно взбесилась я.

Сундук подумал, скрипнул отодвигаемой панелькой, и на ворох вещей вывалилось оно — мое лучшее платье!

Радостно взвизгнув, я стукнула сундук напоследок, вскочила, прижимая черную бархатную ткань к груди, и... Не, ну морда совсем охамел!

Он, собственной персоной, стоял в дверях моей спальни и пялился на ведьминское белье!

— Господин мэр, — у меня от неожиданности даже слова нашлись, — вам жить надоело?

Морда отрицательно покачал головой, медленно поднимая взгляд от моих туфель на высоком тонком каблуке до собственно края черных кружевных чулок, где и завис.

— Тогда позвольте узнать, — я когда злая, дико вежливая становлюсь, — что вы тут, мать вашу, делаете?!

И дабы не терять время на некоторых, продолжающих зависать на уровне края чулок и начала подвязок, торопливо платье напялила. Черный бархат до бедер обтянул мое тело как перчатка, дальше ткань ниспадала, прикрыв даже туфельки. Повернувшись к зеркалу, я поправила декольте, которое заканчивалось почти на середине живота, и грудь в нем смотрелась ну очень аппетитно.

От двери раздался сдавленный стон, а затем хриплое:

— Что это за наряд, мать вашу?!

Обернувшись через плечо, поморщилась и как маленькому объяснила:

— Господин мэр, это стандартный наряд для охоты на белого мага. Все по регламенту — платье, кружевное белье, черные чулки, туфли на каблуке. Осталось только легкий макияж и волосы зачернить.

Из всей моей тирады морда ухватился только за одну фразу, которую и повторил в священном ужасе:

— Для охоты на белого мага?!

Раздраженно топнув ногой, я подбежала к зеркалу, схватила щетку, нанесла на нее краску и начала расчесывать волосы, превращая каждую прядь своих непокорных вьющихся каштановых кудряшек в черный, более длинный, прямой, блестящий локон, нервно поинтересовалась:

— Господин мэр, а как, по-вашему, размножаются черные ведьмы, а?

Он не ответил, и пришлось продолжить:

— Для размножения нам нужен маг, причем непременно белый. Только от белых магов рождаются потомственные черные ведьмы. К слову, у меня уже возраст подходящий, как раз собиралась по осени в столицу слетать, найти себе мага, а тут от вас такой шикарный подарок.

Мэр издал нечто нечленораздельное и сухо спросил:

— А то, что белые маги истребляют черных ведьм, это вас не смущает?

— Да бросьте, — я отложила расческу, полюбовалась черным водопадом волос до пояса, подкрасила ресницы, подвела глаза, взялась за белила, — все, что нас не убивает, делает сильнее. Ко всему прочему меня не так легко истребить, как вам кажется.

— Уже понял, — прошипел мэр.

А затем, даже не извинившись, развернулся и вышел. Я сбежала за ним следом, цепляя на ходу серьги и кольца. Увидевший меня извозчик охнул, попытался сесть и, промахнувшись мимо стула, грохнулся на пол.

Есть эффект!

— Ух, госпожа ведьма! — потрясенно выдохнул мужик.

Мэр покинул лавку, хлопнув дверью так, что та покосилась и жалобно закрипела. Подмигнув извозчику, я обежала стойку, достала четыре бутылочки и пустой пузырек. Руки, несмотря на нервозность от предстоящего свидания с белым магом, не дрожали, я вообще всегда сосредоточена в момент составления зелья. Через минуту протянула подошедшему мужику пузырек темно-изумрудного цвета и зачитала инструкцию:

— Пять капель по утрам за завтраком.

Он обалдело закивал, не отрывая взгляда от декольте.

— Ясно, сейчас все напишу, — тяжело вздохнула я и быстро написала.

Быстро-то быстро, но когда я выбежала из лавки под восторженный вздох толпы, взгляду моему представились две спины. Одна принадлежала белому магу, который уезжал на север, видимо к дому Люсинды, а вторая — морде, который, рассекая толпу как крейсер волны, двигался к мэрии.

От возмущения я едва не выронила остроконечную шляпу, долженствующую завершать образ ведьмы на тропе охоты за белым магом, и... и...

— Пожалел господин мэр вас, — раздался бас матушки Торникай, — сказал, что тут сам разберется, а мага отправил к другим ведьмам.

Из моего горла раздался сдавленный писк, а после вопль:

— Что?!

Шляпу я таки потеряла. Она упала, покатилась по ступеням. Из толпы выбежал маленький мальчик, подобрал, быстренько отнес мне.

— Спасибо, — ответила несчастная черная ведьма, шмыгая носом.

И я бы его вернула, мага в смысле, но кодекс ведьминский запрещает добычу у коллеги отбирать!

В толпе сочувственно повздыхали.

— Так, госпожа ведьма, Люсинду ваш маг убьет и вернется же, еще сварите из его костей похлебочку-то, — попытался меня утешить булочник Гротен.

— Да кому нужны его кости! — возмутилась я, утирая слезы. — Мне маг нужен! Белый маг, я дочку хочу! А он к Люсинде! Так не честно! Он мой был! Я даже платье по регламенту надела!

— Э-э... — протянула матушка Торникай.

— Тяжела ведьминская доля, — сочувственно закивал торговец Богут.

А я... я вытерла злые слезы и психанула. В конце концов, это все мэр! Чертов морда! И пользуясь тем, что он собственно далеко уйти не успел, разъяренная ведьма заорала на всю площадь:

— Господин мэр, все, это война, ясно?!

Он остановился, медленно обернулся ко мне. Толпа, возбужденная и теперь уже очень довольная, разошлась, образуя широкий коридор и затаивая дыхание, чтобы все лучше слышать. А наглая морда взял и ехидно спросил:

— И что, чемоданы не распаковывать?

Ну все!

— Что-то, я смотрю, вам мои чемоданы покоя не дают, госпожа

ведьма, — продолжил мэр. — И к слову, чтобы вы понапрасну не тревожились — уже распаковал, вещи по полкам разложил. А вот вам советую вещички собрать, потому что вашу развратную особу я в своем городе не потерплю.

— Развратную особу?! — не веря в услышанное, переспросила я.

— А вы бы на себя в зеркало посмотрели, госпожа ведьма, стыдоба и разврат, а не наряд у вас, — заявил он.

У меня от возмущения шляпа опять из рук выпала.

— Да это регламентированный кодексом наряд для охоты на белого мага! — заорала я.

Градоначальник развел руками и ехидно спросил:

— А что, вы здесь где-то видите белого мага?

— Нет! — возопила я. — Вы же его уже к Люсинде услали!

— Вернется еще, — нахмурился вдруг мэр.

— Да с ее темпераментом он после этого месяц к производству потомства будет негоден! — У меня от возмущения дыхания не хватало. — Верните мне мага, вы... вы... сволочь бесчувственная!

Хмыкнув, мне указали на удаляющуюся спину, восседающую на галопирующем конском зад, и предложили:

— Догоняйте, госпожа ведьма.

Нормально, да?!

— Я не могу. — У меня опять глаз задергался.

— Серьезно? — изумились почти искренне. — Гордость проснулась?

— Да какая гордость! — Мне реветь хотелось. — По ведьминскому кодексу я не могу отнимать белого мага у коллеги!

Коварной усмешке морды могли бы позавидовать даже акулы. Но мэр этим не ограничился.

— Всегда полагал, что черные ведьмы совершенно независимы, а у вас и одежда по регламенту, и зачатие по кодексу. Какая-то вы ненастоящая ведьма, госпожа Герминштейн.

Рядом со мной сверкнула молния. Довел! Убью!

Но мэр отвернулся и потопал в мэрию! Не оглядываясь больше!

Из толпы донеслось детское робкое:

— Госпожа ведьма, будете мстить?

— Да, — прошипела взбешенная я.

— Чего нести? — уже взрослый заинтересованный голос.

— Дрова, котел, ведро воды... — Глаз все равно дергался. — А я сбегая, переоденусь.

Когда вернулась в уже закрытом платье, ботинках и шляпке вовсе не

парадной, народ уже все приготовил. То есть мужики забежали в мою лавку и выволокли огромный котел, который лично для меня был неподъемным, мне его Грехен к открытию лавки подарила, и дров натаскали, и ведро воды терпеливо дожидалось, и держатель для котла, который подарила Мадина... Эх, завтра обязательно к ней зайду.

Стоило мне показаться на пороге, как мужики сноровисто котел на держатель установили, дети под котелок дров напихали, женщины просто стояли в ожидании чуда.

— Может, немного дождь пойдет, — предупредила я.

Народ уже знал и молча продемонстрировал заготовленные зонтики. Вот, сразу видно, что уважают черную магию и ко всему готовы, не то, что этот... Зло глянула на мэрию.

В небе прогремел гром, небосвод начал стремительно темнеть.

— И это чтобы рыба пошла, — попросил господин Ронум, капитан одного из рыболовецких баркасов.

— Ладно, — устало согласилась я.

Местные уже знали, что после большого колдовства остаточная энергия высвобождается и ее куда-то девать нужно. В прошлый раз про посевы просили, сейчас вот, видать, между собой договорились и про рыбу решили попросить. Мне несложно и им приятно.

Начали.

Я глубоко вдохнула и вскинула вверх левую руку, правой призывая метлу. Она у меня древняя, еще от прабабки досталась, потому и пользуюсь редко. Небо отозвалось воронкой из черных туч, в которой засверкали молнии, метла медленно подлетела и позволила сжать свой черенок.

И волшебство началось!

От удара молнии вспыхнули дрова под котелком, и почти сразу забулькала, вскипев, вода, но это было только началом.

— Этаргана, хэаргера, самштарра! — провозгласила я.

И пританцовывая под ритм вспыхивающих в чернеющем небе молний, из лавки потянулись зелья, декокты, сборы, шесть крылышек летучих мышей, десять лягушачьих лапок, порошок из змеиной кожи. Да-да, немного по-детски, но не убивать же мне его.

— Ассара эт маршенг! — раздалось заклинание.

И все ингредиенты, сделав круг над кипящим котелком, устремились в варево. Огонь вспыхнул сильнее!

Я тебе покажу «ненастоящая ведьма», ты у меня еще запакуешь свои чемоданы, морда наглая!

И когда кипение достигло апогея, я вскинула вверх метлу и молча, без

единого звука направила зелье в заревевшую от напряжения воронку! Грянул гром! Завыл ветер! Полился дождь! Пригнулись деревья! Вспыхнули огнем тучи!

И все было кончено.

Ветер рассеял остатки облаков, и в небе вновь засияло яркое утреннее солнышко, тепло так стало, и присутствующие сложили уже не нужные зонты.

— Все? — спросил капитан Ронум.

— Ага, — отозвалась устало. — Идите, рыба до заката косяками ловиться будет.

Половину присутствующих как ветром сдуло.

— А это, мэр выживет? — любопытствовала матушка Торникай.

— А зачем он вам, все равно скоро целый гарнизон с офицерами прибудет, — напомнила о неизбежном.

— И то верно! — обрадовались в толпе.

— Так богат, молод, красив, — заныл кто-то знакомым голосом.

Присмотрелась — одна из сестер Блошич... А я что, я ее в прошлом году от такой болячки лечила, которая периодически потом выскакивает, так что...

— За усовершенствованными приворотными зельями приходи завтра, — сказала выдохшаяся черная ведьма, — а я спать, вымоталась. И обидно мне.

Обидно было до слез. А меня бесит, когда мне обидно! И вообще теперь нужно спать, я выложились.

Развернулась и ушла наверх. Народ Бриджуотера к вечеру затащил остывший котелок в лавку, и на этом все.

Потом приходила госпожа Дурвен, из хлебной лавки, что расположена по соседству. Принесла булочек с яблочным джемом, посидела, подождала, пока я, разбуженная запахом, спущусь.

Спустилась. Пока сонно растирала глаза, женщина торопливо сообщила:

— Господин мэр стражников отправил к Люсинде, приволокли мага белого... потрепанного...

Даже не удивлена, Люсинда своего не упустит.

— Тьма! — выругалась я, пнув лестницу.

— Не отчаивайтесь, госпожа ведьма, вы девушка молодая, еще найдете своего мага.

— Найду, — подтвердила я, — вот только теперь за ним придется в столицу летать.

— Может, этот оклемается? — предположила госпожа Дурвен.

Шмыгнув носом, устало сказала:

— Может, и оклемается.

— Чаю?

— Давайте.

Потом мы с госпожой Дурвен пили чай. Ужин мне готовить все равно не хотелось, так что очень кстати пришлись принесенные гостьей булочки. И хотя точно знаю, что выпечка в соседней лавке чудесная, вкуса первой булочки вообще не почувствовала, а вторую едва не выплюнула...

Потому что совершенно без предупреждения дверь распахнулась, и на пороге возник новый градоначальник! А на голове у него сидела жаба. Здоровенная такая. И злая, прямо как он.

Плюнув с досады, сказала:

— Знаете, господин мэр, приличные джентльмены, входя в помещение, головной убор обыкновенно снимают.

Морда издал глухой разъяренный рык.

Игнорируя заинтересованный взгляд госпожи Дурвен, меланхолично спросила:

— Змеи уже были?

Господин мэр молча достал из кармана черного гремучника, вышвырнул на улицу, и тот шустренько пополз прочь.

— А мыши? — продолжила я.

Прищурился.

— Ага, значит мышки еще впереди. — Я широко улыбнулась, сверкнув зубами.

Мэр тихо выругался, снял жабу с головы, вышвырнул на улицу, стремительно вошел в лавку и закрыл дверь. Жаба, видимо горевшая желанием вернуться на теплое место, попыталась было запрыгнуть обратно и попала в стекло, распластавшись всеми лапами.

— Вот Тьма, весь аппетит испортили! — выругалась я, отставляя уже надкушенную булочку. — И вообще, господин мэр, шли бы вы к себе в мэрию огребать по полной программе за мою испорченную личную жизнь!

В этот момент в окно застучали слетевшиеся к жертве летучие мыши.

— Сваливайте, — я указала на выход, — вас там уже ждут.

Мэр достал платок, вытер руки и зло спросил:

— Слушайте, госпожа ведьма, дался вам этот белый маг!

— Вон, — просто сказала я.

Госпожа Дурвен тихо хихикнула, она-то уже знала, что бывает с теми, кто с первого раза не понимает и из лавки не выходит. А морда еще не знал.

И когда появившийся черный смерч внезапно возник и вышвырнул его за двери, очень удивился.

А потом там, за дверью, раздавался писк и шуршание многочисленных крыльев, крики прохожих, команды стражников и много чего еще, а я преспокойно ела булочку и пила чай.

— Жестоко вы, — заметила госпожа Дурвен.

— Профессия обязывает, — хмуро ответила я.

— Еще чаю?

— Угу.

* * *

Мышки досаждали мэру до рассвета. А едва встало солнце, пришел в себя белый маг и собственно спас нанимателя. Так что когда я утром вышла из лавки, моему взору представилась обгаженная гуано площадь и мэрия, причем мэрию явно придется штукатурить заново. Сам виноват. И вот теперь, проходя мимо лавки черной ведьмы, морда наконец начнет бледнеть и проявлять знаки уважения. А то лавка ему моя не нравится, и платье по регламенту не нравится тоже, и... И в конце концов, пострадать сильно он не должен был, я даже змеям запретила его кусать.

— Госпожа ведьма, куда изволите? — подъехал ко мне извозчик.

Не вчерашний, а один из местных.

— На окраину, — забираясь в двуколку, ответила я.

* * *

На выходе из города стражи мне уважительно поклонились и, главное, никаких вопросов не задали. Разве что сержант вслед шепнул:

— А какой улов был, госпожа ведьма, за десять лет такого улова никто не припомнит.

Махнула рукой неопределенно и вышла за калитку в воротах.

Лес встретил меня пением птиц, которые на рассвете орали особенно громко, ароматами трав, запахом свежести. Сделав глубокий вдох, потопала на свою полянку, зевая по пути. Подошла к дереву, сняла плащ, засунула в дупло. Откинула небрежную косу на спину и сорвалась на бег.

Лес, светлеющий небосклон, птички, цветы — чудно!

И я бежала по извилистой тропинке между деревьями, подставляя

лицо ветру, улыбаясь всему свету, чувствуя в груди полет, и...

Петля, рывок, хруст!

Мир перевернулся, я вскрикнула от удивления больше, но затем и от страха завизжала.

И во имя Тьмы повисла!

В воздухе повисла! Ошалело крутя головой и осознавая, что в метре от меня собственно располагаются земля и тропинка, а моя правая нога находится в петле, и веревка тянется куда-то вверх, высоко. И я ко всему прочему еще и качаюсь!

Это что за хамство?!

Это... это... это... ловушка?!

— Доброе утро, госпожа ведьма, — раздалось совсем рядом, и меня придержали, предотвратив разброд и шатание черноведьминского тела.

А потом еще и повернули, чтобы я узрела высокие охотничьи сапоги, коричневые охотничьи брюки, широкий ремень и... и, собственно, на этом возможности моего обзора заканчивались. Хотя было бы ханжеством не признаться самой себе, что голос я узнала сразу — морда!

Мэр осознал, что видно мне в таком положении не много, и галантно присел на корточки, оказавшись со мной нос к носу.

— Надо же, — изучая мой нос, протянул морда, — у вас веснушки. Вот здесь, — он еще и ткнул мне в лицо пальцем, — прямо на кончике.

И от этого его тычка черноведьминское тело снова начало раскачиваться!

Мэр придержал меня за плечи и широко оскалился, являя ведьме всю гнусность своего характера.

— До этого поста в Бриджуотере, госпожа ведьма, я занимал весьма немаленькую должность в армии.

— Конюшни от навоза вычищали? — ехидно поинтересовалась я, испытывая стыд за тот визг, с которым меня и подвесило на дереве.

— Разведка, — пояснили мне спокойно.

— А-а-а, — как можно более ехидно протянула я, — исследовали наиболее безопасные места в тылу, чтобы, так сказать, пережить боевые действия в полной безопасности?

Вообще-то ему полагалось оскорбиться, но кто-то только заулыбался шире, сволочь.

— И как же мне с вами поступить, госпожа ведьма? — очень недобро поинтересовался новоявленный градоначальник, продолжая победно лыбиться.

Так, проблема. Я, конечно, черная ведьма, но без Дорхая мне темные

силы не вызывать, оттого и призывать их я могу только возле своего места жительства... Собственно, поэтому и существует закон, обязывающий черных ведьм селиться подальше от домов, то есть на окраине либо вовсе за городской чертой. Просто обычно закон исполняют, не вникая в суть, а морда, похоже, это знал.

— Ну же, госпожа ведьма, долго вы будете молчать?

И как бы ни неприятно было, но заговорить пришлось:

— И чего вы хотите?

Мэр криво ухмыльнулся и спокойно произнес:

— Вы переселитесь на окраину, госпожа Герминштейн, или вообще покинете город.

Ведьма подумала и продемонстрировала жест, который знали самые забулдыжные портовые грузчики, но никак не приличные девицы.

— Вот как? — Морда вскинул бровь. — Госпожа ведьма, а я бы на вашем месте не был столь нахален.

Добавила к воплощению жеста и вторую руку. Мне не жалко.

— К слову, — сообщили мне, прищурившись, — в некоторых королевствах, где мне довелось побывать, подобный жест означает недвусмысленное предложение заняться кое-чем интимным. Предлагаете мне себя в качестве любовницы, госпожа Герминштейн?

Молча убрала жесты, руки и вовсе в карманы засунула, и без разницы, что в висячем вниз головой положении это не слишком удобно.

— Расслабьтесь, ведьмами не интересуюсь.

Где-то рядом заржала лошадь.

— Спокойно, Самсон, — произнес, чуть повысив голос, мэр.

Улыбнулся мне и предложил:

— Продолжим переговоры?

— А это переговоры? — искренне изумилась я.

Морда пожал плечами, поднялся, раздался звук вынимаемой из ножен стали, и в следующее мгновение я повалилась на траву, основательно приложившись головой. А потом еще лежала, зажмурившись и пережидая, пока помутнение и потемнение не пройдут.

— Воды? — предложили вежливо.

— Катитесь к лешему, — зло ответила я.

Мэр рассмеялся, вновь присел на корточки и, разглядывая пострадавшую при падении меня, очень спокойно и даже почти дружелюбно начал говорить:

— Вы поймите, госпожа Герминштейн, времена вашего безраздельного правления в Бриджуотере завершились. Уже завтра в город

прибудут первые отряды военно-морских сил королевства и с ними вовсе не столь лояльный к магии священник. Хотя нет, священник уже прибыл. Неужели вы горите желанием сгореть на костре, госпожа ведьма?

— Пылаю просто, — прошипела, пытаясь сесть.

Морда придержал за плечо, помогая, но благодарность за это выражать не собиралась. И едва с сидением у меня срослось, продолжил:

— Я понимаю, вы молодая и неопытная, вам сколько — двадцать два-двадцать три?

Молча продемонстрировала неприличный жест.

— Предлагаете заняться этим прямо здесь? — съехидничал мэр.

— Нет, — торопливо убирая руку за спину, ответила я, — смертными мордами не интересуюсь.

Хмыкнув, продолжил:

— Я искренне надеюсь, что данной демонстрации будет достаточно, чтобы вы осознали, насколько беззащитны, госпожа ведьма. Мой вам совет — пакуйте чемоданы, в моем городе вам делать нечего.

С этими словами мэр поднялся, свистом подозвал лошадь и, едва гнедой скакун подбежал, единым движением взлетел в седло. Уезжал мэр не оглядываясь...

Молча поднявшись, я побрела к тайной полянке, все равно уже не до пробежки было. В голове звенело, перед глазами темнело, а еще кто-то был зол. Очень-очень зол! Твой город, говоришь?! Ну-ну!

Доковыляв до тайной полянки, достала из дупла плащ, надела, поковыляла в город.

У самых ворот увидела мэра. Он сидел на своей лошади и ждал меня. Молча продемонстрировала все тот же жест, из вредности.

— Не упрямитесь, госпожа ведьма, — укоризненно произнес градоначальник. — Просто поверьте на слово — будет, как я сказал, и никак иначе.

Прошла в ворота, для мэра их распахнули, молча миновала всадников, с трудом забралась в ожидающую двуколку. Извозчик даже вопросов не задавал, довез до лавки, взял деньги, уехал.

А я зашла, дверь закрыла и... и заревела, в общем.

Потому что испугалась я!

А кто бы не испугался?! Безопасный до сего дня лес, мои любимые утренние пробежки, и вообще — это было жестоко! И ловушки на черную ведьму — перебор! И я вся одна, маленькая, несчастная и беззащитная-а-а-а...

Но злая!

И потому, поднявшись, вытерла слезы и пошла писать объявление. Большое объявление! Масштабное!

И когда жители Бриджуотера проснулись, они узрели вывеску, затмившую собственно надпись «Лавка черной ведьмы», и эта вывеска гласила: «Распродажа приворотных зелий!». И приписка ниже: «Начнется на закате».

Так что завтрак у меня был на скорую руку, обед тоже не ахти, но зато к закату вся лавка сверкала и переливалась свеженькими, новенькими, сильнодействующими приворотными зельями, на которых значилось «Для мэра», «Для офицера», «Для солдата», «Для нового священника». И я не знала, что было в половине этих пузырьков, потому как пограбила остатки от запасов двоюродного деда, но вот мэру было уготовано все самое отборное — если выживет, я ему не завидую.

После заката началось паломничество всех незамужних дев Бриджуотера и их мамаш. Мэровские зелья скупили за час, потом пошли офицерские, дамы из постыдного квартала разобрали зелья для солдат и почему-то особо дрались за зелья «Для нового священника». Священника уже стало жаль.

* * *

В общем, устала я к вечеру как собака, а потому ужинать пошла к матушке Герби, в таверну «Три поросенка». Тут близко было, всего-то шесть лавок пройти — и вот уже огни вывески, официант, воскликнувший «Добро пожаловать, госпожа ведьма!», и теплое заполненное людьми помещение.

Едва я вошла, трое рыбаков тут же освободили мой любимый столик у окна, а стоило сесть, как матушка Герби сама, лично, принесла поднос с мясной похлебкой, свиной рулькой и сыром, в сухарях запеченным. Я подняла голову, собираясь ее поблагодарить, и только сейчас заметила — через два столика напротив сидели мэр и потрепанный жизнью белый маг! И оба, перестав есть, смотрели на меня. У первого так вообще вилка с наколотым на зубцы куском мяса застыла на полпути ко рту.

Психанув, продемонстрировала им тот самый жест, шокировав этим местную публику, встала и пересела так, чтобы сидеть к гадам спиной и чтобы аппетит не портили. Матушка Герби подошла с чаем, опасливо поставила на мой столик поднос и тихо спросила:

— Бесят, да?

— Дико, — согласилась я. Потом добавила: — И аппетит портят.

— Сволочи, — поддержала разговор хозяйка таверны.

Улыбнувшись, кивнула и приступила к ужину. Мне с этого места была превосходно видна луна — огромная, красноватая...

Красноватая?!

Перестав жевать, уставилась на небесный объект, пытаюсь понять, что мне во всем этом так сильно не нравится...

— Добрый вечер, госпожа Герминштейн, — раздался рядом приятный мужской голос.

— Доброго пути подальше от меня, господин маг, — не отвлекаясь от созерцания небесного тела, нервно ответила я.

Что-то не так в этом, что-то совсем не так. Что?!

— Да, а вы вежливая особа, — хмыкнул маг. — Госпожа Герминштейн, вы позволите присесть?

— Нет.

Невзирая на недвусмысленный отказ, белый маг внаглую отодвинул стул напротив и устроил свой беломагический зад за моим столиком, за что удостоился весьма неприязненного взгляда. Вблизи маг оказался симпатичным. Породистый такой. В белой расстегнутой на три верхние пуговицы рубашке, с зачесанными назад волосами, загорелый, белозубый. Привлекательный и об этом осведомленный. Бесит!

Все бесит!

— А вы совсем молоденькая, — продолжил маг. — Год-два как магистериум закончили?

Ничего не отвечая, молча щелкнула пальцами — зеленый огонек выразительно запылал над ладонью.

— Угрожаем? — улыбнулся белый.

Тяжело вздохнув, ответила предельно честно:

— Господин маг, я черная ведьма, мы не угрожаем, мы: первое — предупреждаем, второе — действуем.

Огонек сорвался в сторону зарвавшегося индивида. Предупреждение же уже было, да? А даже если и нет, то мы черные ведьмы, у нас стыд и совесть отсутствуют. И собственно с огромным удовольствием я пронаблюдала за тем, как огонь охватывает голову белого и в сиянии пламени появляются рога, вытянутая рожа, козлиные глаза и шерсть. Через мгновение белый выдал мрачное:

— М-м-ме-е-е-е-е.

Сверкнув улыбкой, вернулась к ужину, забыв о кровавой луне. Маг тяжело вздохнул, щелкнул пальцами — и вернул себе привычный облик.

Решила, что так и буду их звать — мэр-морда, маг-рожа.

— М-ме-е-е... хм, — голос рожа тоже вернул. — Нет, в принципе, я вас понял.

Молча подняла руку и щелкнула пальцами.

— Да понял я, понял! — вскинул ладони в защитном жесте белый.

— А по вам не скажешь, — с намеком протянула я.

— В общем, вы не в настроении, — подытожил рожа, поднимаясь.

Огонек сорвался без всяческого предупреждения. Нет, ну он же меня оскорбил, да? Какое вообще право имеет какой-то тугодумный дуб обсуждать мое настроение?!

Огонь охватил мага и через мгновение на его месте стоял дуб. Симпатичный такой, метра два в высоту, с листочками, желудями и в сапогах. Почему ноги остались прежними — Тьма их знает. Но утопывало явление природы, шумно шоркая подкованными железом каблуками. Уже где-то там, видимо рядом с мэром, маг вернул себе прежний вид, и я услышала:

— Навряд ли она, эта добрая.

Что?!

Это я добрая??? Это...

— Мэтр Октарион, вы уверены? — раздался голос морды. — Все же необоснованное применение магии мы с вами имели возможность наблюдать вот только что?

— Необоснованное? — хмыкнул белый. — Господин мэр, козлиная голова и дуб — это, по-вашему, необоснованное применение магии? Вы что, никогда с черными ведьмами не общались? Эта просто милая и приятная девочка, даже ни одного смертельного проклятия не использовала, зря вы на нее наговариваете.

Пальцы щелкнули сами. Нет, правда сами. И в следующий миг за моей спиной вместо морды и рожи сидели две дряхлые базарные бабки с букетом старческих недугов и парочкой смертельных проклятий. Нет, я все понимаю, но назвать меня «милой и приятной девочкой» — это, знаете ли, перебор. У меня, между прочим, репутация.

Подошла матушка Герби, принесла еще чай, тихо спросила:

— Смертельные проклятия не забыли?

— Не, каждому по два впаяла.

— Это правильно, а то, понимаешь ли, никакого уважения к черной магии, — покивала хозяйка таверны.

— Вот-вот, — согласилась я, беря чай.

И в этот миг началось землетрясение.

Небольшое, но ощутимое и для этих мест вовсе не свойственное. Я замерла, держа чашку и прислушиваясь к нарастающему ветру. После кинула взгляд в окошко — луна истекала кровью! Огромная, теперь кроваво-красная, она сочилась кровавым светом...

Прогредел гром!

И все исчезло.

Луна стала прежней, ветер стих, земля прекратила дрожать... вот только ощущение чего-то свершившегося и непоправимого сжало сердце. Забыв про ужин, я торопливо поднялась и вышла на площадь — нет, луна оставалась самой обычной. И ветер. И ночь... А сердце кровью обливалось.

Из таверны донесся голос белого мага:

— Никакой паники, это вовсе не предвестник катаклизмов.

Но народ выбегал из здания, и все ждали, чего я скажу. Это потому, что год назад я предупредила о сильном шторме и посоветовала закрыть ставни и снимать вывески. Кто послушался, обошелся без убытков, остальные сделали выручку стекольщикам...

— Нет, бури не будет, — тихо сказала я.

— А чего было-то? — спросил кто-то из мужиков.

И правда — что это было?

Ответ пришел сам, интуитивный и страшный.

— Это была смерть, — произнесла я едва слышно, — неправильная, безвременная, дикая и мучительная смерть.

А потом случилось то, что меня вообще дико бесит!

Так уж вышло, что мой двоюродный дед был немного белый маг, слабый и потому стал аптекарем, но факт остается фактом. Так вот, когда ведьма поселяется на постоянное место жительства, она вбивает в это место свой источник силы. Мы ведьмы, мы к земле привязаны, и без такой привязки черная слаба, как новорожденный котенок, а потому и делаем это как можно скорее, часто вообще бездумно. Вот и я источник силы установила, не удосужившись сначала поискать, куда свой деда вбил, он же как маг слабый был, а слабые белые тоже центруются. И так вышло, что практически в то же место и установила!

Теперь вот расплачиваюсь.

— Госпожа ведьма, вы куда? — раздалось мне в спину и даже, кажется, от морды.

Пошел он! Бесит!

Преодолев площадь, вошла в лавку, схватила зелья, даже не задумываясь какие, вышла. Свернула в проулок, прошла мимо домиков с освещенными фонариками окнами, подошла к лавке торговца тканью,

открыла ударом ноги. Бесит!

— Ой, госпожа ведьма, как вы вовремя! — обрадовался спешащий на звук едва не выломанной двери торговец.

— Тьма вас раздери! — прошипела вместо приветствия.

Хотя вообще-то я так подозревала, что двоюродный дед мне нарочно лавку свою завещал. Он об особенностях черноведьминских знал преотлично и понимал, что в первую очередь я буду силу центровать, а там в погребке было только одно очень удобное и расчищенное место... Гад!

Поднялась на второй этаж, без стука ворвалась в спальню, с ненавистью посмотрела на молодую женщину, которая встревоженно вглядывалась в уже синющего ребенка.

— Ой, госпожа ведьма... — пробормотала дочка торговца, — а он не дышит... кажется.

— Только «кажется»? — ехидно переспросила я. — Достали!

И швырнув на столик пузырьки с зельями, начала нервно срывать с пальцев кольца и накладные ногти, все это сунула мамаше со словами:

— Держи.

Ребенка схватила за ногу, вздернула вверх, дала по попке. Младенец захекал, а затем заорал во все детское горло, выплюнув маленький мускатный орех, после дитенка еще и вырвало.

И вот в этот эпический момент, когда я стою над кроватью, дитя орет и исходит рвотой одновременно, а мамаша зачарованно на все это взирает, — распахиается дверь и врывается морда с оружием наготове.

Дальше раздалось эпическое:

— Ведьма, осторожно положите ребенка и отойдите! Не вынуждайте меня применять оружие!

Все, это была последняя капля в мою чайную ложку терпения.

— Эмилья, будьте так любезны положить мои ногти на стол и разберитесь с придурком, — очень вежливо попросила я.

Я вообще когда злюсь, всегда вежливая.

Но женщина ничего сделать не успела — в комнату ворвался белый маг, перехватил запястье морды и, задыхаясь, что говорит не в пользу его физической формы, затараторил:

— Господин мэ, да она по зову белого источника шла, я же вам сразу сказал. Если бы не она, ребенок уже был бы мертв! Вы меня вообще слышите?!

Тьма, какой позор! Этот... явно по уровню магистр, чтоб его вши растаскали, определил источник! Позор! Тупо позор мне! Твою мать!

— Все, белый, ты труп, — очень спокойно сказала я.

Тот явно знал, что черные ведьмы слов на ветер не бросают, закашлялся, после виновато:

— Я прошу прощения, госпожа Герминштейн, обещаю, информация об этом не покинет стен данной комнаты и...

И в этот момент ребенка перестало тошнить и он заревел еще громче. Быстренько перевернула его, достала платок вытерла испачканную мордашку и, приговаривая: «А ты не тяни больше в рот всякую гадость, и тетя черная ведьма приходить не будет», — понесла к столу. Поставив ногу на стул, усадила ревущего ребятенка на колено, в распахнутый ротик влила пару капель успокоительного и ловко зажала носик, заставляя малыша все сглотнуть. А уже после оставила пузырьки с обезболивающим и пищеварительно-облегчительным зельями и, пока малыш забавлялся, трогая пальчиками мои серьги, быстренько все мамаше расписала, что давать, как и когда. Ну и после всего, положив дитенка на родительскую кровать, колыбелька была вся изгажена, сказала матери:

— Во-первых, верните ногти. — Мне почтительно протянули ворох фальшивых ногтевых пластин и магических ведьминских колец. — Во-вторых, еще раз недосмотрите за ребенком, вырву кишки и намотаю на шею! Ясно?

Эмилья радостно закивала.

Плюнув с досады, кое-как надела кольца, ногти так в карман запихала и удалилась из комнаты, гордо пройдя мимо рожи и потрясенной морды. Бесят!

Мэр, последовав за мной на улицу, окликнул:

— Госпожа ведьма!

Получил в ответ все тот же нехороший жест и отстал. Это ты еще подожди, это пока только начало. Я, сволочь, не успокоюсь, пока ты не свалишь из МОЕГО города вместе со своим белым всезнайкой!

* * *

Ночь выдалась нехорошая. Странная ночь. Я слышала стоны, все время просыпалась, кто-то плакал, но я никак не могла понять кто. В итоге встала, закуталась в шаль, спустилась вниз — никого не было, Дохрай спал не потревоженный, дверь была закрыта.

Выйдя на порог, постояла, подставляя лицо прохладному ночному ветру. Рассвет скоро. Но бегать я сегодня не пойду... опасно это.

Внезапно в воздухе что-то шевельнулось. Что-то призрачное, ставшее

заметно взгляду лишь при движении, что-то...

— Госпожа Герминштейн, стойте, где стоите! — раздался голос белого мага.

А он достал!

Молча и демонстративно сошла по ступенькам вниз.

— Вот упрямая девчонка! — выругался белый.

Щелкнула пальцами.

И в этот момент огромная черная призрачная кошка ринулась ко мне. В первый момент я даже не осознала, что происходит. Вспыхнул синий огонек призванной белым магии, прорывая купол ловушки, чудище мчалось ко мне, становясь все огромнее и кошмарнее... Откуда-то выскочила стража с факелами, придав освещение происходящему и делая призрака почти бесцветным, и...

И тут я осознала, что Дохрай не кинулся на мою защиту!

А значит...

— Стоять всем! — мой крик на стражников подействовал моментально.

Но не на белого мага, который со своей проклятой Тьмой силой собирался стреножить призрачного духа. Я бросилась к призраку, теряя тапочки и шаль, и выкрикнула, осознав, что не успею:

— Дохрай!

Мой зеленый дух-хранитель возник моментально, ослепив белого и дав мне несколько секунд, чтобы поймать теряющего силы призрака в объятия. И едва дух прикоснулся, я тотчас же узнала его. Узнала, и слезы потекли по щекам, а я опустилась на колени, обнимая того, кто сегодня потерял хозяйку и источник жизни.

— О, Мадина, это была твоя смерть, — рыдания сотрясали.

Откуда-то набежали еще стражники, Дохрай застыл рядом со мной массивным зеленым монстром, а я сжимала гибнущего Гардэма и с ужасом осознавала, что в эту ночь в Бриджуотере одной черной ведьмой стало меньше...

— Так это ведьминский хранитель, — раздался безумно раздражающий меня голос белого мага. — Ну вот, господин мэр, а вы опасались нападения на госпожу Герминштейн.

Так еще и морда здесь! Замечательно! Слов вообще нет.

— А это что за девица с кошкой обнимается? — удивился кто-то из стражи.

Конец моей репутации.

Со стоном поднявшись и осознав, что падая ободрала коленки, что

вообще не радовало, я скомандовала «Дохрай, прикрой!» и, держа Гардэма, направилась в лавку. Откровенно говоря, я не знала, что мне сейчас делать, просто очень больно из-за смерти Мдины было... А еще я понимала, что...

— Зачем дух к ней пришел? — раздался голос мэра.

— Умирать, — просто ответил белый маг.

Ненавижу! Как же я их обоих ненавижу, но... маг прав, дух пришел умирать, и от этого горше втрое. Тапочки и шаль подхватил Дохрай, он же двигался позади, прикрывая меня от взглядов, а я просто прижимала к себе духа, ненавидя в этот момент весь мир.

— И он теперь будет гибнуть? — уточнил морда.

— Да, — ответил почти счастливый маг. — Ведьма к своему источнику только одного хранителя привязать может.

Я остановилась.

Застыла, едва поднявшись на верхнюю ступеньку. Один источник — один хранитель, да, это так, но... Но!

— Господин маг, — я повернулась к присутствующим, — а можно вас на минуточку?

Сорочка на мне была ночная коротенькая, волосы ветер трепал, коленки, правда, ободранные, но так, в общем и целом, вид должен был быть привлекательный. И ничего удивительного, что не отрывая от меня взгляда, белый маг, закивав, торопливо направил стопы в мою сторону. Удивительно, что морда за ним последовал с настолько кривым лицом, что даже стражники отшатнулись. Ехидно улыбнувшись, заметила:

— А вас, господин мэр, никто не звал! — Морда остановился. Я мстительно добавила: — У вас и так дел по горло, к примеру, чемоданы паковать!

И, гордо развернувшись, вошла в лавку. Белый маг следом за мной.

— Дохрай, дверь! — приказала, отпуская Гардэма на пол.

В следующее мгновение я оказалась в крепких мужских объятиях, причем этим рожом не ограничился, подхватил на руки, чуть сдвинул так, чтобы мои коленки предстали его взору, и, легонько подув на них, залечил раны. И после этого, совершенно без перехода и каких-либо слов, страстным поцелуем прижался к моим губам! Хамло беломагическое!

Но это было не все!

Я еще не успела даже пальцами щелкнуть, как мне сломали дверь!

А затем раздался гневный голос морды:

— Мэтр Октарион, я не потерплю разврата в моем городе!

Маг, тяжело дыша, оторвался от моего рта, все еще приоткрытого от

изумления, вызванного охамением белого, и произнес сакральное:

— Что?

— Отпустите ведьму! — приказал мэр.

Решив, что с белым разберусь позже, я томно прошептала:

— Временно.

Понимающе хмыкнув, белый маг отпустил меня, словно невзначай пройдясь ладонью по всем изгибам ведьминского тела. Ничего, потерпим. Нам, черным ведьмам, когда что-то нужно, мы очень даже терпеливые.

— Господин мэр, — все так же томно и с придыханием произнесла я, — надеюсь, вы понимаете, что ремонт моей двери теперь на совести мэрии. И свободны, не мешайте молодой здоровой ведьме поднимать численность собственно черных ведьм. Мы с господином белым магом как-нибудь без свидетелей обойдемся, и свечу держать нам не надо — я все-таки не девочка, да и у господина мага, я уверена, уже имеется внушительный опыт в интимных делах.

Морда смотрел на меня так, что в какой-то момент в душе едва совесть не проснулась. Но я же черная ведьма, совести у меня отродясь не было.

— Доброй ночи, — очень вежливо сказала я, демонстративно обнимая белого мага.

Мэр не пошевелился.

— Дохрай.

Когда я уводила белого в подвал, в лавке рычал мой дух-хранитель и пытался что-то сказать мэр, но... Но кого вообще волнует, чего там желал поведать нам новый градоправитель. Меня не волновало вовсе. Белого мага, который под видом придерживания облапал все, что только можно было, и вовсе ничего, кроме молоденькой ведьмы, в данный момент не интересовало.

И зря.

Потому что едва мы спустились в подвал, мужик осознал, что это явно не спальня, и выдохнул:

— Где это мы?

Щелкнув пальцами и запирая дверь в погреб, устало приказала:

— Белый источник ищи, рожа охамевшая.

Потрясенный мэтр Октарион в изумлении уставился на меня, после глянул на запертую дверь, нервно сглотнул. Если он и правда такой спец, каким себя показал, обнаружив, что я ощущаю колебания белого источника, значит, знает — сила черной ведьмы в непосредственной близости от источника удесятеряется, и в данный момент мне совершенно ничего не стоит его убить. Да-да, а вы думаете, почему во всех сказках про

черных ведьм деткам строго-настрого запрещено входить в ведьминский домик. Магам, к слову, можно, но только в домик, а белый так неосмотрительно сунулся за мной в погреб...

— Время пошло, — коварно протянула я, глядя на мага.

— Слушай, девочка... — физиономию белого знатно перекосило.

— Я могу начать с выпивания твоей силы, — промурлыкала черная ведьма, чувствуя, что зря притопала сюда босиком, так и простыть недолго.

— Я дурак, да, признаю. — Белый тихо выругался. — Источник используешь, чтобы привязать духа?

— Не твое дело. — Мы, черные, вообще не любим делиться своими планами на будущее.

— Ну ты даешь! — Белый судорожно вздохнул. — Духа зови.

Я закрыла глаза и прошептала: «Гардэм».

Истончающийся призрачный кот явился незамедлительно. Мэтр Октарион еще раз посмотрел на меня, вздохнул и пошел работать. Причем почти все сам сделал — и круг начертил, и звезду вывел, и даже сцентрировал плазму. После уже была моя работа, но выгонять мага я не стала. При нем резанула вену, делясь жизненной силой с духом, при нем привязала Гардэма к белому источнику.

Потом, пошатываясь и не сговариваясь, мы с белым пошли к выходу. Перед дверью на миг остановились — там, в лавке, судя по звукам, шел бой.

— Надо же как господин мэр за ваше достоинство переживает, — задумчиво сказала я.

— Да? Мне кажется, его тревоги связаны исключительно с вашей честью, — хмыкнул маг. И неожиданно представился: — Арвейн.

— Аэтелль, — представилась в ответ, — но для вас исключительно...

— ...госпожа ведьма.

— Именно так.

Маг оказался догадливым, что было приятно.

— Ты не женат? — даже не знаю, почему и спросила-то, отодвигая засов вручную.

Арвейн не мешал, видимо знал, что выход только ведьма открыть может.

— Нет, — он рассмеялся, — мне раньше такие, как ты не встречались, а типичные черные ведьмы не в моем вкусе.

А я, значит, не типичная черная?!

— Огребешь! — предупредила вполне серьезно.

— Извини-извини, не хотел обидеть.

Смешной он.

Мы вышли из погреба, вошли в лавку, застукали эпический слом моей торговой стойки. И главное, даже претензии предъявить некому — стойку ломал Дохрай, и ломал он ее мордой, в смысле мэром. После такого хранителя даже расхотелось ругать за разгром.

— Кстати, а приворотные вы, госпожа ведьма, как я понимаю, не варите? — прошептал остановившийся за моей спиной маг.

— Бесят, — объяснила я.

— А-а, — протянул Арвейн.

— К чему был вопрос? — указывая Дохраю на выход, поинтересовалась у мага.

— Я же вижу, что нейтрализую, и пока среди всех зелий, что подливались господину мэру, не обнаружил ни одного приворотного.

Коварно ухмыльнувшись, тихо попросила:

— Ему не говорите.

— Боюсь, я обязан предоставить отчет о проделанной работе.

— Это будет ударом для мужского самолюбия, — констатировала не без удовольствия.

На этом Арвейн галантно раскланялся и покинул мой дом вслед за стражниками и господином мэром, которых вынес Дохрай. И едва за ними криво закрылась дверь, как из погреба показался здоровенный белый кот с ярко-синими глазами.

— Здравствуй, Гардэм, — тихо сказала я.

Дух кивнул, подплыл ко мне и уткнулся лбом в мой живот. Жалко его. Он с Мадиной с самого начала был. Сердце сжалось.

Остаток ночи прошел спокойно.

* * *

Утром я не бегала, меня ждали совсем иные дела. Поднявшись, съела пару ложек запаренной каши, достала вишневую настойку и прямо с утра опрокинула мензурку. На душе было горько даже несмотря на то, что Гардэма я спасла. Одевшись, спустилась вниз.

Дух-хранитель Мадины ждал меня там. И едва я появилась, шагнул, стремительно уменьшаясь, прыгнул и остался на моей черной мантии крохотным белым ландышем. Забавная бутоньерка для черной ведьмы. Дохрая видно не было, но учитывая, что покосившаяся дверь толком не закрывалась, сегодня он будет на страже весь день, обыкновенно его

открывающаяся дверь пробуждает.

Молча вышла из лавки в суетливое утро и, ни на кого не глядя, даже на приветствия не отвечая, направилась к цветочному рынку. Люди расступались передо мной, несколько удивленные торжественным одеянием: на мне была черная мантия с символом смерти — тускло сияющим черепом, шляпа, самая большая из имеющихся, туфли с узким длинным загибающимся носком, и образ дополняло мое белое, почти ненакрашенное лицо. Ведьминский наряд для погребения — такое тут видели впервые. Впервые надела его и я. Даже бирки посрезала утром.

На цветочном рынке выбрала шесть белых лилий. Торговка Улла вопросов не задавала, просто открыла для меня склад, пустила внутрь и цену не назвала — сунула ей шесть серебряных, дико переплатив за цветы, но никаких сожалений по этому поводу не было.

Когда выходила, увидела Люсинду, та выбрала шесть белых роз.

К домику Мадины мы шли молча через весь город. Молча, неспешно, с горечью в сердцах. И странное дело — с рынка мы вышли одни, а когда почти дошли до окраины города, услышали голоса позади, обернулись — горожане, человек восемьсот, в черном траурном, с белыми цветами в руках, стараясь не шуметь, шли за нами.

— Удивительно, — хмыкнула Люсинда, — впервые вижу, чтобы население городка шло выразить почтение ведьме.

— Может, не знают, что мы к Мадине идем? — предположила я.

— Знают. — Люсинда грустно улыбнулась. — Им белый маг про смерть ведьмы обмолвился, с утра весь рынок гудел, причем в изложении народа это была неправильная, безвременная, дикая и мучительная смерть.

Прижав цветы к груди, тихо спросила:

— А ты не почувствовала?

— Нет, Телль. — Ведьма вдохнула аромат роз, которые, и я точно это знаю, ненавидела. Даже хуже — розы ее всегда бесили. — Что-то плохо мне в последнее время, слабость какая-то... С магом этим и то справиться не сумела. Вблизи источника и не сумела — отбился, силен гад.

Силен-то силен, белый показал себя нехилым специалистом, но чтобы ведьма да вблизи источника магу уступила?!

Мне хотелось расспросить об этом, но не положено, и мы в молчании завершили траурное шествие. Еще издали дом Мадины сообщал о том, что ведьмы больше нет в живых. Мы, ведьмы, к месту жительства сильно привязаны, и дом привязывается к нам, а потому, стоит ведьме погибнуть безвременно, так же безвременно гибнет и ее жилище. Вот и сейчас среди светлых деревянных домиков лесорубов чернотой и разрушением

выделялся еще неделю назад яркий, крепкий дом Мадины. Она любила цветы. Белые. И перед ее домиком был садик с цветами, где постоянно цвели ландыши, гордо сверкали капельками росы розы, одуряли ароматом лилии... А сейчас было черно и пусто. И черный дом, покосившийся, с распахнутыми дверями и окнами, разрушался на глазах...

Люсинда подошла к дому первая. Медленно опустилась на колено, медленно положила розы на гниющие, осыпающиеся трухой ступени. Ее губы беззвучно проговорили слова прощания. Их было немного, черные ведьмы не дружат между собой.

Затем подошла моя очередь. Я приблизилась к дому, опустилась на одно колено, положила цветы и поняла страшное — нарушая к Тьме весь регламент, по моим щекам текли слезы. Да, черные ведьмы не дружат, да у нас не принято даже ходить друг к другу в гости, но Мадина с самого первого дня стала мне гораздо большим, чем просто коллегой. Она нередко заглядывала ко мне, особенно поначалу, я без опасений входила к ней в дом, и Гардэм, обращаясь черным котом с зелеными глазами, прыгал ко мне на руки, чтобы ему за ушком почесали. И Мадина была единственной из знакомых мне ведьм, кто не чурался громкого веселого смеха, мог танцевать с метлой по всему дому просто так, от хорошего настроения, и был способен на добрые поступки и эмоции.

— Мне будет не хватать тебя, Мадина, — прошептала едва слышно. — И я позабочусь о Гардэме и посажу белые ландыши в память о тебе.

Достав платок, торопливо вытерла слезы. У нас плакать не принято, совсем не принято, я знала, что Люсинда осудит.

И вот когда платок совала в карман, увидела клочок белой бумаги. Оборванный. И хоть не принято касаться имущества погибшей ведьмы, позволяя ему обернуться тленом, но повинуясь интуитивному порыву, взяла, развернула и... похолодела.

На бумажке было написано: «Скоро буду. Мадина».

— Телль, оставь, — прошипела подошедшая Люсинда.

Полагалось оставить. Запрещалось касаться чего-либо... Но я встала и, сжимая записку, решительно вошла в разрушающийся дом.

У каждой ведьмы свои правила — в мой дом можно было войти смело, Дохрай пропускал, а вот решившемуся что-либо украсть или же причинить мне вред я бы не позавидовала. Гардэм у Мадины был совершенно иным — не впускал никого в отсутствие хозяйки, оттого, уходя куда-то ненадолго, ведьма вывешивала на дверь записку. И если записка была, значит, ведьма планировала вернуться в течение получаса, не больше. И это не поездка в город — рынок меньше часа не занимает, значит, Мадина куда-то

поблизости отправилась.

Дом откровенно устрашал своей чернотой и творящимся на моих глазах разрушением. Рушилось все: срывались с окон гардины, истлевая в момент падения, гнили цветы, тлен как пожар пожирал дерево. Но стол в лавке у Мадины был каменный, и на нем стоял поднос с гниющими уже булочками. И чайничек заварной, накрытый гниющим полотенцем... Мадина вкусно готовила. Не раз и даже не два раза бывало, что напечет булочек и едет ко мне, погоняя извозчика, чтобы привезти еще теплыми.

— Аэтелль! — Люсинда не оставила меня одну, вошла следом. — Аэтелль, нельзя входить.

Ничего не говоря, я схватила ведьму за руку и потащила к разрушающейся лестнице. Люсинда выругалась, наложила на ступени стабилизирующее заклятие и, проклиная все на свете, позволила увлечь себя наверх. На втором этаже, по щиколотку проваливаясь в гниющий пол, я подтащила ведьму к шкафу Мадины. Это у меня бардак и все в сундуке перемешано, а Мадина хозяйственная очень была, у нее каждое платье соответственно регламенту висело на подписанной вешалочке. И распахнув дверцы гниющего шкафа, которые тут же трухой осыпались, я с ужасом смотрела на единственные пустые плечики, над которыми все еще была видна надпись «повседневное платье».

— Телль, — Люсинда взяла за руку, — Телль, это неуважение к Мадине, идем.

Мотнув головой, срывающимся от бешенства голосом проговорила:

— Она не вступала в бой. И не рискнула жизнью, совершая какой-нибудь из запрещенных ритуалов, Люсинда! Она напекла булочек, заварила себе чай и побежала кому-то отнести несколько еще горячими, чтобы вернувшись попить чаю!

— Телль, понимаю, ты расстроена, но...

— Из платьев нет только одного повседневного! — Я указала на шкаф, который начал разрушаться. — Смотри сама! Ее убили, Люсинда, убил кто-то, кому она понесла булочки!

Но ведьма, ухватив меня посильнее за руку, повела к лестнице. Вовремя — едва мы начали спускаться по удерживаемым заклинанием ступенькам, как пол второго этажа рухнул и начала осыпаться крыша.

Мы покинули дом ведьмы, оказавшись на поляне, усыпанной белыми цветами. Жители города, видимо следуя нашему примеру, подходили к домику, шептали несколько слов и оставляли цветы. Это было так трогательно... мы не ожидали. Мимо лавки мертвой черной ведьмы редко кто пройдет, не плюнув, а тут...

Мы с Люсиндой постояли еще некоторое время, в молчании созерцая разрушение домика Мадины... Не прошло и часа, как он рухнул. Остались лишь ступени, на которых было заклинание Люсинды, да почему-то сопротивлялся тлену внушительный котел для колдовства, совсем как мой. Когда дом осыпался черной трухой, я отвернувшись, пытаюсь скрыть слезы.

И напрасно я так сделала — позади, шагах в десяти, стояли белый маг и морда. У Арвейна в руках было два белых цветка. Он улыбнулся мне, и через мгновение в моей ладони оказался совершенно черный платок. Прошептала «Спасибо», торопливо вытерла слезы и с невозмутимым лицом повернулась к месту, где еще недавно стоял домик гостеприимной черной ведьмы...

Потом Люсинда подозвала извозчика, мы сели в двуколку и уехали, а народ начал потихоньку расходиться.

У моей лавки ведьма остановила извозчика и решительно вошла ко мне первая, демонстрируя доверие, которого раньше между нами не было. Я на миг остановилась, заметив, что мне не просто починили дверь — ее заменили другой, более новой и крепкой. Войдя, обнаружила на столике связку ключей, видимо от нового замка.

— Гардэм у тебя! — удивленно воскликнула Люсинда.

— Ночью пришел, — пояснила я.

— Белый!

— Ты же знаешь, у меня был второй источник от двоюродного деда, к нему и привязала. Чай?

— Настойка есть?

* * *

К вечеру две черные ведьмы напились в хлам. Ничего удивительного, ведь еды у меня толком и не было, не до нее как-то оказалось в последнее время. Я напилась первая и, стащив мантию, пошла красить свежееустановленную дверь в черный цвет. Получалось плохо, потому что рука постоянно соскальзывала вместе с кисточкой, и в результате у меня оказалась покрашена и дверь, и стекло... Оригинально вышло.

— Телль, ты вывеску заляпала, ик, — сообщила Люсинда.

Она к малярным работам приобщаться не пожелала, но, вытащив на порог кресло-качалку и прихватив бутылку с черничной настойкой, продолжала пить, командуя фронтом работ.

Но вывеску я никак не могла заляпать. Вывеска же выше...

Присмотрелась. Сфокусировав зрение, которое отказывалось читать прыгающие буквы, прочла «Продается».

Ах ты ж гад!

Нет, в другое время отнесла бы вывеску сама и к мэрии тоже бы сама прибила, но после всех возлияний с прямохождением имелись непреодолимые трудности...

— Таксарн элдарриэ агартайн! — скомандовала я, направив палец на вывеску.

Вывеска встряхнулась, оторвалась от фасада, прыгнула на четыре тоненькие черные ножки и бодро заковыляла через всю площадь к мэрии. Раздались крики, преимущественно мужские, и выстрелы. Снова выстрелы... еще выстрелы...

Поскуливая, вернулась простреленная в нескольких местах вывеска, как побитый пес забилась мне под ноги, дрожа и продолжая скулить.

— Не поняла... — пробормотала в хлам пьяная ведьма.

— Гарнизон утром прибыл, — покачиваясь и размахивая бутылкой, пропела Люсинда.

Наклонившись, взяла поскуливающий предмет, продемонстрировала коллеге и пожаловалась:

— Они мне вывеску прострелили!

— Серьезно? — Люсинда пыталась сфокусировать взгляд на мне.

— Абсолютно! — Я была возмущена до глубины всей своей черноведьминской души.

— Надо воспитывать, — решила ведьма.

Я придерживалась того же мнения. Поправила косынку, нет, краска, конечно, черная и черные волосы не сильно бы испортила, но регламент проведения малярно-строительных работ предписывает быть в косынке, а не в шляпе, потом рубашку, пояс на брюках, заткнула за пояс кисточку... с нее, кажется, капало, но не суть. И, держа вывеску под мышкой, направилась на разбирательства с теми, кто посмел неуважительно отнестись к черной магии.

Встречный народ несколько расплывался, но заклинание «Дакрахео» окрасило зеленоватым тех, кто вообще в вывеску стрелял. Группка солдат обнаружилась неподалеку стоящими и взирающими на злую пьяную ведьму — видимо, они тут охотиться на мою вывеску собрались. Пошатываясь, подошла к неучам и злобно спросила:

— Вы стреляли? — Вопрос риторический, заклинание четко на них указывало.

Да и вывеска, заскулив, торопливо закивала.

— Э-э-э, — протянули солдаты.

Пехотинцы, к слову. Форма песчаная походная, мундиры слегка потрепанные, оружие явно часто стреляющее, лица дебиловатые, что свидетельствует об участии в боевых действиях. Просто кто поумнее, те или в командовании, или в тылу, или как морда — в разведке, а эти типичное пушечное мясо.

— Ну?! — Я когда пьяная, я вообще грозная.

Солдаты переглянулись, тот, что постарше и, судя по физиономии, из боев вообще не вылезал, пробасил:

— А у нас техника отработанная — увидал нечисть, стреляй.

Треснула вывеской. Молча. Спокойно. Чисто для профилактики.

Солдат обалдел. Шишка на его лбу начала стремительно краснеть и надуваться.

— Нечисть, идиот, это живое существо. А вывеска — неодушевленный магический предмет! Осознай разницу!

А еще когда я пьяная, я вообще ни разу не вежливая.

Но и они не далекого ума оказались.

— Сдурела, девка?! — взревел шишастый, хватаясь за приклад.

Да, и никакого чувства самосохранения... Придется учить.

И тут позади меня раздалось очень робкое:

— Кхм, госпожа ведьма, так мало солдат пришло.

Мы оторопели. Я — от наглости заговорившей позади меня девицы, солдаты на меня вылупились по типу «Ведьма?!».

— И что, что их мало? — свирепея, спросила я.

Девушка Бронич, худенькая, невзрачная, тридцати лет отроду, окончательно робея, приблизилась и жалобно заныла:

— Так не хватит солдат на всех-то, госпожа ведьма. У вас-то горе, мы все понимаем, хорошая она была ведьма, Мадина-то, да только вы с горя сейчас всех солдат переполювинете, а нам потом без женихов оставайся, да? А пожалейте вы их, госпожа ведьма, ну дурни неразумные.

У кого-то задергался глаз.

У меня.

— Или, стало быть, пусть вывеску вашу отремонтируют, — продолжила девушка Бронич.

Я посмотрела на вывеску, вывеска сделала морду кирпичом — типа «этим не дамся», солдаты в свою очередь изобразили мины «да ни за что на свете». Минус на минус...

— Аэт кам датарр! — и щелчок пальцами, заставивший вспыхнуть зеленым огоньком солдат.

И тут кто-то заиграл что-то веселое на скрипке. Мелодия была такая легкая, игривая, и как-то само собой вышло:

— Пибоди пабоди гранс!

И солдаты, пританцовывая под мелодию, взяли у меня сопротивляющуюся вывеску и с танцами и плясками потащили прибывать ее на мэрское здание. У меня же взяла и выпала из-за пояса кисточка. И пока я ее поднимала, чуть не свалилась — нет, ну тут мало что меня шатает, еще и земля тоже шатается. Выпрямилась, посмотрела на солдат, которые уже к вывескоприбывательным работам приступили, посмотрела на кисточку... вспомнила, что у меня еще ведро черной краски осталось, и...

— Эт ирмаин! — скомандовала кисточке и ведру.

А что, сколько можно, все я да я, надоело уже.

И, собственно, после этого настоящая дико злобная и мстительная ведьма отправилась спать. Когда забралась на порог, обнаружила, что Люсинда давно посапывает в кресле-качалке, и приказала Гардэму, он на пороге сидел, затащить ведьму с креслом в лавку. Скромненький белый котик мгновенно увеличился, встал на задние лапы, подхватил кресло, внес. Я кое-как следом зашла, доползла до душа, даже, кажется, помылась, а не тока сидя под струями воды раздеться умудрилась, потом было ползковое движение до постели, потом... тьма.

* * *

— Госпожа ведьма, я понимаю, что у вас траур, но это не повод весь город раскрашивать в черное! — прошипел кто-то совсем рядом.

И судя по всему, шипело это там уже давно...

— Госпожа ведьма!

Ой, моя голова...

— Аэтелль!

Глаза открылись мгновенно. Злые такие глаза. Повернув голову на источник звука, узрела морду. Он сидел на стуле рядом с моей кроватью и делал то, что явно очень хорошо умел — предавался бессильной ярости.

— Вон отсюда, — хриплым голосом приказала я.

После чего закрыла глаза и погрузилась в сон.

Но заснуть мне не дали, произнеся перед экзекуцией:

— Как пожелаете, госпожа Герминштейн.

И на меня обрушился ливень! Из ледяной воды! На меня! На постель! Ведро воды не меньше!

Подскочив с диким воплем, я уставилась на охамевшую морду, который деловито опустил ведро, в котором, видимо, и принес воду. Мэр глянул на обалдевшую меня в мокрой насквозь ночной рубашке, быстро отвернулся, затем произнес:

— Я вас внизу подожду, госпожа ведьма.

Ты... ты... ты!

Вскочив, стянула с себя мокрую ночную рубашку, схватила халат, надела и, завязывая пояс, босиком слетела по ступеням вниз. На площади, что примечательно, оказалось очень светло, огней много, людей...

— На вашем месте, госпожа ведьма, я бы оделся поприличнее, — мрачно произнес господин мэр, стоя у двери.

— Дохрай! — Дух явился незамедлительно. — Этого, — я указала на мэра, — больше не впускать!

Храп Люсинды был со мной полностью солидарен.

Градоначальник покивал, прошел к вешалке, снял мой ведьминский плащ, подойдя, подал мне. Яростно надела и вышла на порог, а там...

Во имя Тьмы...

— С другой стороны, таким этот город мне нравится больше, — заметила я, чувствуя, как босые ступни подмерзают на холодном пороге.

А чего — город был выкрашен в черный цвет, от чего освещенные окна напоминали звезды на ночном небосводе: готичненько, мрачненько, но очень даже глазу приятно.

Глухо выругавшись, мэр прошипел:

— Госпожа ведьма, мэтр Октарион снял первую часть вашего заклатья, но ему совершенно неизвестна вторая. Объясните, почему эта компания, возглавляемая моей вывеской, до сих пор красит город?!

Компания, возглавляемая вывеской? Заклинание? А какое это было закливание? Похмельная голова отозвалась безбрежной пустотой...

— Ну?! — потребовал ответа господин мэр. — Вашу мать, ведьма, трезвейте и вспоминайте уже!

Вот после такого ни одна уважающая себя ведьма отвечать не станет. Гордо вскинув подбородок, я вошла в лавку, храня не менее гордое молчание. Ошалевшая морда сунулся было за мной и нарвался на Дохрая.

А я ушла к себе наверх, чтобы рвануть к сундуку, достать гримуар и начать судорожно искать закливание, противодействующее малярным работам!

И не нашла!

Я произнесла с десяток, сидя на балконе, но каждый раз закливание разбивалось, едва долетев до активной группы солдат, которым моя

вывеска все таскала и таскала откуда-то черную краску. И казалось бы, вот что вывеска делает рядом с солдатами, когда ей полагалось висеть на мэрии, но все стало ясно, едва я к мэрии присмотрелась — они закрасили все, кроме белых мест, которые и составляли надпись «Продается». То есть месть все же состоялась.

— Танрам экваэр даван! — зачитала я очередное заклинание.

Оно зеленоватой дымкой полетело к малярам-красильщикам... окутало их... рассыпалось.

— Я это пробовал, — раздался внезапно голос белого мага. — Книгу дайте.

Повернув голову, увидела белого, вольготно сидящего на перилах моего балкона.

— Левитация? — просто уточнила, протягивая гримуар.

— Да, — ответил Арвейн, осторожно беря книгу.

Осторожно — это он правильно, неосторожным черномагический фолиант может и палец откусить, до локтя примерно. Что меня поразило — на правильном разделе открыл, посуровев, вчитался, подсветив себе синим огоньком, после авторитетно сообщил:

— Нет, я все использовал, тут в другом затык — они танцуют, видишь? Ты спяну на другом заклинании все замкнула.

Нахмурившись, попыталась припомнить.

— Самое дурацкое заклинание из всех? — спросил маг.

И я не задумываясь, ответила:

— Пибоди пабоди гранс!

Арвейн чуть не свалился от удивления, потом повернулся к малярствующим и провозгласил:

— Пибоди пабоди энгранс!

И маляры остановились. Вывеска и вовсе к нам повернулась и призрачным кулаком погрозила. А солдаты, ошавевшие от усталости, повалились наземь, прям кто где стоял. Черная краска разлилась по площади...

Внизу, под моим балконом обнаружился господин мэр...

— Пожалуй, я пойду спать, — решила черная ведьма, поднимаясь и забирая у белого мага свой гримуар.

— Мм-м, приглашение? — поинтересовался Арвейн.

— Жить надоело? — очень мило улыбаясь, спросила я.

— Ладно, подожду, — сверкнул улыбкой маг.

Неопределенно поведя плечом, я ушла в спальню и нырнула в кровать... Зря! Кровать вся была мокрая!

Послав мэру в спальню ливень ведер на пять, перестелила собственную постель, высушив матрас, и только после этого провалилась в сон.

* * *

Люсинда ушла под утро, прихватив еще бутылку настойки и опустошив тем самым почти все мои запасы. Не страшно, я вообще пить не люблю. Потом ко мне притопал Гардэм — вполне осязаемый, что в общем-то, учитывая привязку к белому источнику, совсем неудивительно. Кот устроился под бочком, и спать сразу стало приятнее и теплее.

На рассвете захотелось встать, но я подавила желание усилием воли — не желаю сталкиваться с мэром после того купания, которое вчера ожидало его в его спальне. А после мне стало обидно. Нет, правда, почему из-за кого-то я должна лишать себя удовольствия?! Мы, черные ведьмы, вообще очень трепетно относимся к своим удовольствиям!

Поднявшись, ушла в лабораторию. Некоторое время стояла в растерянности, почесывая макушку, а после... Мэр ведь привык передвигаться на лошади, так?!

Коварная улыбка расплылась на моем лице.

Жаль, вариться зелье будет долго, но мне ведь есть чем заняться, не так ли?!

Напевая что-то очень веселое, я поставила котелок на спиртовку, накидала ингредиентов и отправилась готовить завтрак на двоих — да-да, Гардэма теперь придется тоже кормить. Голубоглазый кот, подтверждая данное утверждение, мурча заявился на кухню.

— Все-таки ты до неприличия белый, — заметила я, ставя ему на пол тарелку с жареными яйцами и беконом.

Хранитель не спорил, приступив к завтраку.

Я тоже села к столу, налив себе чаю. И вот стоило глянуть на заварник, как вспомнила о Мадине... Жаль, духи говорить толком не способны, мне бы очень хотелось узнать, к кому с горячими булочками отправилась ведьма. Но потом, когда медленно попивала чай, мне вспомнился рожа... в смысле белый маг. Особенно его замечания по поводу черных ведьм и вчерашний поступок с книгой — он ведь, получается, имеет подобную, иначе откуда ему знать все наши узкоспециализированные заклинания...

Желание увидеть мага стало непреодолимым.

Торопливо дозавтракав, я надела повседневное ведьминское платье,

накрасилась, зачернила и уложила волосы, кольца понатягивала, серьги, блокнот захватила для записей и отправилась пытаться мага.

Собственно, где его искать, я понятия не имела, но это не имело совершенно никакого значения — к моим услугам были все сплетницы Бриджуотера. И едва я вышла из лавки, вдохнула полной грудью утренний воздух, в котором витал аромат краски, тут же свернула к лавке булочника, дабы перекинуться парой слов с его словоохотливой супругой.

Через несколько минут у меня имелись подтвержденные утренними покупательницами сведения о том, что мага поселили на втором и собственно жилом этаже мэрии, дабы он мог своевременно нейтрализовывать действия приворотных зелий, упорно подливаемых мэру. Принципиально не благодаря за информацию, все-таки репутация, я с самым суровым выражением лица отправилась в мэрию.

О том, что приближается черная ведьма, стражники узнали заранее. Уж не ведаю как, но сплетни в нашем городке всегда распространялись с невероятной быстротой, наверное, это какое-то особое, не подвластное нам, ведьмам, бытовое колдовство. Не знаю, но не успела я и фонтан миновать, как стражники спешно ушли на пересменку и, уже из-за угла выглядывая, не вмешивались в момент моего вторжения в административное здание. К слову, некоторые клерки на рабочих местах уже присутствовали, но стоило мне войти, как все двери тут же наглухо закрылись, а на последней — дрожащей высунувшейся из щели рукой кто-то прикрепил записку: «Уважаемая госпожа ведьма, лестница, ведущая на второй этаж, расположена за следующей дверью».

Не солгали — открыв следующую дверь, я увидела ведущие наверх ступеньки.

Весело поднявшись на второй этаж, остановилась в некоторой растерянности. Дело в том, что я только сейчас поняла, что, собственно, не выяснила, в какой именно комнате поселили мага. То есть по центру, в конце коридора, располагалась двустворчатая дверь, ведущая в комнаты мэра. Ничего особенного — гостиная, спальня, ванная, кабинет, гардеробная, все стандартно. И собственно комнаты мэра меня не интересовали вовсе, но вот вопрос — в какой близости к нему поселили мага?! И если в непосредственной, тогда возникает второй вопрос — справа или слева? Просто по коридору и справа, и слева двери располагались, так вот... А чего я страдаю, проверю на практике. И я потопала до самых мэрских покоев, чтобы свернув направо — ну, я так полагаю, белым магам полагается селиться справа, открыла дверь.

И узрела мэра!

Тот был мокр, гол и всего в одном полотенце на бедрах. Причем последнее оказалось явно не банным и даже до колен ноги не прикрывало. Кстати, ноги были на уровне, в смысле породистые такие, мускулистые. Но все это не имело значения. Меня вовсе не анатомия господина мэра интересовала, и потому я задала прямой вопрос:

— А что вы тут делаете?!

Вопрос, кстати, вполне невинный, и я не понимаю, с чего господин мэр вдруг побагровел и взревел:

— Вы!!!

Странный он какой-то и нервный.

— Это и так ясно, что я, — нахмурившись, ответила. — Так, ладно, вы не только голый, вы еще и неадекватный, и потому я задам другой вопрос: где маг?

И тут у кого-то глаз задергался. Зрелище было крайне приятное, и все бы ничего, но, помимо нервного тика, господин мэр начал еще и кулаки сжимать, а вот это уже смотрелось как-то пугающе.

— Ладно-ладно, сама найду, не гордая, — решила черная ведьма и захлопнула двери.

После чего, после секундных размышлений, крутанулась и воззрилась на дверь напротив.

Собственно, открыв ее, я и узрела белого мага.

Арвейн лежал в постели, закинув руки за голову, отчего были видны все мускулы на обнаженной груди, и старательно притворялся спящим. Очень старательно. Настолько старательно, что одно это уже выглядело подозрительным. Собственно, на фоне откровенного притворства гостеприимно отброшенный уголок одеяла и вторая подушка с алой розой поперек смотрелись уже чересчур.

— Я желтые розы люблю, — заявила, входя в комнату мага и прикрывая за собой дверь.

Роза мгновенно приобрела желтый цвет.

— Зеленую, — нет, я черная ведьма, но это ведь не значит, что не капризная.

Роза стала зеленой.

— Кстати, — я прошла и устроилась в кресле напротив кровати, закинув ноги на стоящий рядом столик, — вы не в курсе, с чего это мэр в комнате напротив обретается?

— Полагаю, в этом нет ничего удивительного, если учесть, что в его собственных апартаментах накануне случилась гроза ведер на пять воды, — все так же не открывая глаз и притворяясь спящим, ответил маг.

Оу, а я и забыла. Ну, мы ведьмы такие — отомстим и забудем, а потом снова отомстим и снова забудем...

— Мда, — проговорила, испытывая некоторое смущение.

Арвейн приоткрыл один глаз и поинтересовался:

— Почему платье не по регламенту? Нет, вы мне нравитесь и в повседневном, но хотелось бы повторно увидеть то, регламентированное для охоты на белых магов.

— Мм-м... — даже и не знаю, что сказать на это.

Хотя вопрос появился:

— А у белых магов тоже соблазнительный наряд имеется?

Ну просто лично я вообще о белых мало что знаю.

Открыв и второй глаз, маг хмыкнул и протянул:

— Имеется.

После чего откинул одеяло с себя, а затем и вовсе встал.

Это хорошо, что на мне был полагающийся по регламенту слой белил, потому что румянец черной ведьме не приличествует вовсе, а у меня щеки запылали. Ибо в отличие от мэра на маге не было даже полотенца!

— Да уж, — после некоторого замешательства все же проговорила я, — вынуждена признать, что костюм у белых магов гораздо...

— Эффектнее? — предположил Арвейн, поигрывая мускулами.

— Экономичнее, — подобрала я правильное определение. Затем пояснила магу: — Знаете, сколько стоит регламентированный для охоты на белых магов наряд черной ведьмы?

— Сколько? — спросил он, не испытывая ни малейшего смущения по поводу отсутствия на себе одежды.

— Дороже бронированной мантии, которая используется при вызове демона, — честно ответила я.

Усмехнувшись, Арвейн произнес:

— С одной стороны, чувствую себя униженным и оскорбленным, с другой — румянец, пробивающийся из-под слоя вашей пудры, говорит о том, что вы как минимум впечатлены, Телль.

И в этот момент распахнулась дверь.

Причем я точно помню, что ее закрыла, причем плотно. Но она все равно распахнулась и с громким «бабах» ударилась об стену, после чего раздался рев морды:

— Мэтр Октарион!

Арвейн посмотрел на скривившуюся от вопля меня, после на господина мэра и спросил:

— А что вы тут делаете?!

В следующее мгновение я с искренним изумлением услышала несколько ругательных фраз, которые поспешила тут же вписать в свой блокнот — такие перлы нужно коллекционировать! И пока увлеченно записывала, морда уже совсем не поэтично пообещал магу оторвать его... тут я снова взялась записывать... и запихнуть ему... это тоже пошло под запись. Когда же я закончила записывать, Арвейн уже торопливо завязывал пояс спешно надетого халата, видимо, оценив поэтичность угрозы. Я же торопливо перечитала записи, обнаружила пробел и очень, между прочим, вежливо попросила:

— Господин мэр, вы не могли бы повторить вторую тираду, я не все успела записать...

Разъяренная морда выхватил у меня блокнот, вырвал листок со свежесделанной записью, сунул в свой карман и швырнул блокнот мне на колени.

— Это значит «нет»? — уточнила на всякий случай.

— Госпожа ведьма, — мэр вдруг нагнулся и, схватившись за кресло, крутанул его, разворачивая к себе, после чего, упираясь руками в подлокотники и нависнув надо мной, прошипел, — позвольте теперь я спрошу: что вы тут делаете?

Вжавшись в спинку кресла, нет, я не боялась, просто кто-то выглядел очень грозно, пробормотала бессвязный бред на тему:

— Мэрия всегда открыта для граждан Бриджуотера...

— Да, госпожа ведьма, — у градоначальника все-таки явственно дергалось веко на правом глазу, — но это касается первого административного этажа. Вы же имели наглость заявиться в жилые помещения!

— Да бросьте! — вполне обоснованно возмутилась я. — Вы вообще с первого дня появления обосновались в моей спальне, я же вас в наглости не обвиняла!

Теперь у мэра дернулось и левое веко. Смотрелось оригинально, потому что глаза дергались не в такт.

— Слушай, ведьма, — прорычали мне почти в лицо, надвигаясь еще ближе, — если уж решила мне мстить, то будь добра посягать на мою спальню!

— Мм-м... — с сомнением посмотрела на мэра. — А где вы вообще видели добрых черных ведьм, господин мэр?!

Вместо ответа морда как заорет:

— Вон отсюда!!!

И тут осторожненько вмешался Арвейн, напомнив:

— Господин мэр, собственно, госпожа ведьма пришла ко мне.

И как-то сразу стало неуютненько в этом кресле под сумрачным взглядом этого, с которым мы за город воевать начали...

— Колдану, — предупредила на всякий случай.

— Снимать не буду, — вставил свое слово Арвейн.

И глаза у морды дергаться перестали. Смотрелось ну очень-преочень жутко...

— И должен сказать, господин мэр, что в данный момент вы смущаете мою гостью, и...

Левая рука мэра метнулась к поясу... молниеносный бросок, который вообще для меня выглядел смазанной тенью, сверкнувшее в воздухе лезвие и вопль белого мага. Вопль! Мага!

— Заговоренная сталь, — возвращая ладонь на подлокотник кресла и сжимая его так, что несчастный закрипел, прошипел зверская морда, — великолепно действует против магов. А теперь вон отсюда, развратница конопатая!

Что?!

И осознав, что мысли тут читать никто не умеет, озвучила потрясенное:

— Что?

Прорывав что-то достойное записи в моем блокноте, мэр хватанул меня за запястье, вытащил из кресла, после выволок из комнаты пригвожденного к стене и пытающего высвободиться мага и хамейшим образом закрыл дверь перед моим носом.

Обалдевшая черная ведьма не удержалась от устройства маленькой грозы и в новом месте обитания морды, после чего громко крикнула:

— Господин белый маг, я вас в чайной у фонтана подожду.

— Хорошо, госпожа ведьма, прибуду сию же минуту, — почему-то прохрипел Арвейн.

* * *

Когда выходила через первый этаж, слышала обрывки фраз: «Вот как господин мэр о белом маге заботится...», «Еще бы, лечение господина белого мага за счет мэрии идет, вы контракт читали?»...

Морда охамел! Нет, правда, причем окончательно. И я все понимаю — город у него теперь слегка темненький, солдаты краску отшкрябывают и сурово на меня поглядывают, местные жители к новым оттенкам домов

привыкают, краску опять же, похоже, с мэрского склада вывеска уволокла, но все же!

В чайной госпожи Заварс мне сварили кофе, подали к нему несколько хрустящих печений и вежливо попросили больше не пить. Присмотревшись к чайной, ранее сверкающей золотым тиснением на вывеске, а ныне пугающей беспросветной черной матовостью, решила, что да, больше не стоит.

Спустя четверть часа появился сияющий двумя внушительными фингалами господин белый маг. Еще у мага не было зуба... Но в общем и целом выглядел Арвейн восхитительно.

— Магическая сталь, — присаживаясь, пояснил он, — магия восстановится минут через двадцать.

— Охамел морда, — вздохнула я.

— Да, характер непростой, — миролюбиво согласился господин маг и крикнул: — Уважаемая, мне зеленый чай и полный завтрак.

Все было подано на белом подносе, который сильно контрастировал с моим черным, но пиетет и все такое — уважаю. Госпожа Заварс, подав, наклонилась ко мне и шепотом спросила:

— А за что вы его так, госпожа ведьма?

— Это не она, это мэр, — пояснил за меня Арвейн.

Госпожа Заварс ойкнула и умчалась к другим посетителям, делиться новостями.

Мы же с магом мирно позавтракали, я так вообще второй раз и потому с ленцой, а белый с явным аппетитом наворачивал и яичницу из шести яиц, и бекон, и колбаски, и помидорки, и подкопченную рыбу, и все пять булок, и масло, и пирог, поданный к чаю, и...

— Начинаю понимать, почему у вас столь экономичный регламентированный наряд для соблазнения ведьм, — протянула я.

— Мм-м? — Арвейн удивленно приподнял бровь, над которой зрела внушительная шишка.

— Так вы, видимо, все гонорары проедаете, — пояснила для непонятливых.

Маг рассмеялся, заказал себе еще пирога и, оставив поднос с горкой косточек, оставшихся после рыбы, пояснил:

— Я мужчина, мужчины едят много. А вы, как я понимаю, никогда не жили с мужчиной?

Вспомнила озверевшую когтисто-волосатую морду, который минут за пять сожрал балык, коего мне хватило бы на неделю как минимум, и загадочно ответила:

— Вы не правы.

Ну серьезно, мэр же у меня ел, значит, практически мы жили вместе... минут десять.

— Вот как? — в голубых глазах мага заплясали смешинки. — Ну что ж, мы еще вернемся к этому разговору, а сейчас позвольте узнать, Аэтелль, что же привело вас в мою комнату сегодня утром? Учитывая, что вы заявили в повседневном наряде, меня терзает любопытство.

Достав блокнот и перо, я перешла к серьезному:

— Откуда вы так много знаете про черных ведьм?

Арвейн прищурил заплывающие глаза и с отнюдь уже не впечатляющей отсутствием зуба улыбкой произнес:

— Я не хотел бы об этом говорить с вами, Телль.

Прищурившись, пристально посмотрела на мага. Так, а что я о нем знаю? Вспоминаем сияющие доспехи, наличие оруженосцев, чрезмерную осведомленность и слова Люсинды о том, что она не сумела с ним справиться даже вблизи своего источника...

— Орден? — Я сумела задать вопрос недрогнувшим голосом.

Хотя должна признать — вопрос страшный. Орден Света был создан более сорока лет назад и стал причиной того, что многие ведьмы поспешили покинуть столицу и укрыться в глухих непролазных чащобах, лишь бы не встречаться с его адептами. И стало как-то неуютно под этим более чем серьезным взглядом мага...

— Телль, давайте не будем об этом. — Арвейн нервно улыбнулся. — Скажем так — я клянусь Светом никогда не причинять вам вред, и тему закрываем.

Неприятный холодок прошелся по спине, замерев где-то на уровне сердца. Жутко, если честно, вконец жутко. И тут я вспомнила об одном моменте:

— Но мэр вас уделал!

Хмыкнув, Арвейн пояснил:

— Господин мэр застал меня врасплох. И ко всему прочему у него имеются свои козыри в рукаве, которые любого мага низводят до уровня простого смертного. Он ловец.

Ловец?!

Час от часу не легче!

Теперь у меня задергалось веко... Основательно так. И сразу появилось желание переехать куда-нибудь в ту самую глушь непролазную, такую, чтобы никто и никогда...

— Телль, да вы побледнели, — попивая чай, заметил маг.

— Да, знаете ли, есть от чего, — ответила я, махом выпивая весь кофе. Но после не удержалась от вопроса:

— И вы, маг, работаете на ловца?!

— Я работаю на королевство, — холодно произнес Арвейн. — Что-то еще?

Поежившись, перешла к более важному вопросу:

— Как вы думаете, от чего погибла Мадина?

Заметно расслабившись, маг, глядя мне в глаза, спокойно ответил:

— Ее выпили. Судя по землетрясению и кровавой луне, пили несколько дней, при последнем глотке ведьма попыталась сопротивляться, но силы были не равны. Насколько я понял из рассказов местных жителей, госпожа Мадина Моргенштейн увлекалась экспериментами. Видимо, не рассчитав силы, ведьма вызвала демона, объяснить столь дикую смерть чем-либо иным я не могу.

По правде говоря, я поначалу тоже думала о чем-то подобном, мы, черные ведьмы, любим риск и часто из-за него гибнем, но то, что я обнаружила в домике...

— Мадина никого не вызывала, — тихо сказала я, начиная черкать рваные линии в блокноте. — Она была в повседневном платье, испекла булочки и, оставив записку, что скоро вернется, умчалась кому-то их относить...

— Что?! — изумился Арвейн. — Вы уверены?

— Абсолютно. — Перо невольно вывело символ смерти.

Мы некоторое время сидели молча, но затем маг тихо произнес:

— В Бриджуотере нет иных членов ордена, ко всему прочему в случае кары смерть была бы иной, а вашу коллегу выпили. Кто-то в Бриджуотере.

Посмотрев на него, заметила, как начали разглаживаться ссадины и, собственно, спадать синяки. Подумала об услышанном, сделала предположение:

— Неинициированный белый маг?

Слышала, что они без обучения становятся ненормальными.

— Я бы ощутил белый источник, — серьезно заявил Арвейн.

Вот как, то есть не просто член ордена, а и вовсе ищущий. Тьма, а какой был приятный и спокойный городок.

— Что ж, — я достала несколько монет, положила на стол, — вы мне очень помогли, спасибо.

Поднялась.

— Телль, сядьте, — неожиданно попросил белый.

Естественно, осталась стоять — ведьма я или как.

— Телль, прошу вас.

Ну если так сильно просит — присела, с самым недовольным видом.

Улыбнувшись, Арвейн холодно произнес:

— Первое — не связывайтесь с мэром, не советую. Второе — у вас теперь есть белый хранитель, он не привязан к одному месту, как Дохрай, позвольте ему вас сопровождать. И третье — если вы правы и госпожу Моргенштейн вероломно убил тот, кого она знала, будьте осторожны, усильте охрану дома, не высовывайтесь за пределы радиуса действия вашего источника. Поверьте, мне вовсе не хочется в одну далеко не радостную ночь по кровавой луне определить вашу смерть.

— Это еще почему? — поинтересовалась я.

Маг, уже полностью восстановивший собственное лицо, подался вперед, коснулся моей ладони и, глядя в глаза, ответил:

— Потому что мне очень хочется поддержать на руках нашу с тобой дочь, Аэтелль, и не одну.

От услышанного запылали уши. И взгляд как-то забегал, изучая степень покрашенности городка черной краской, и... И тут Арвейн взял и все испортил, поднеся мою ладонь к губам и принявшись ее поцеловывать!

— Нет, ну ни в какие ворота, — прошипела оскорбленная черная ведьма, подскакивая и отнимая конечность.

Улыбнувшись, маг вернулся к своему чаю. А едва я, гордо развернувшись, собралась уйти, бросил в спину:

— Госпожа Герминштейн, знаете, кто гораздо более настойчив, чем черные ведьмы?

Остановилась, с неудовольствием заметив, что к разговору прислушиваются все посетители чайной. Обернулась через плечо и поинтересовалась:

— Ну?

Подмигнув мне, нагло ответил:

— Белые маги.

Щелкнула пальцами. Не удержалась просто, поэтому взяла и щелкнула. Когда я уходила, за покинутым столиком сидел настоящий белый маг с козлиной головой, но при этом, тихо посмеиваясь, пил свой чай! И козья башка ему вовсе не мешала, рога, кстати, тоже.

* * *

День выдался долгий. Сначала я контролировала, как варится мое

вообще не магическое зелье, потом приходил рыбак господин Орунс, просил мазь от подагры — сделала. Затем была госпожа Эвини, с проблемой личного характера — сделала зелье, попросила больше не гулять налево от мужа, тот, по крайней мере, не заразный. После приходили госпожа Ангей и госпожа Урансан с детьми — у обоих крапивница. Сделала мазь от природных ожогов, попросила вокруг их домов выкосить всю крапиву к чертовой матери, иначе вырву кишки и...

— Наматаете на шею! — радостно закончили обе женщины.

Я что, настолько предсказуема?!

После обеда, нацепив шляпку с широкими полями, ибо солнце пекло нещадно, я захватила блокнот и вышла на площадь.

Остановилась, недоуменно разглядывая марширующих мимо мэрии солдат, а также группку белых магов, которые, почувствовав мое появление, развернулись и уставились на свой антипод. Странные такие.

Махнула рукой, призывая извозчика, подъехал господин Шангер, он обычно всегда по центру ездил, спросил «Куда изволите, госпожа ведьма?», получил в ответ:

— К вам, на конюшни.

Что порадовало, так это отсутствие лишних вопросов.

Меня молча провезли через весь город к окраине, где за городской стеной имелись пастбища и паслись лошади, подвезли к навесу, под которым собирались извозчики, и вот только после этого господин Шангер обернулся и спросил:

— А вам у наших чего узнать надо было?

— Куда в последние дни ездила Мадина, — честно ответила я.

Чуть призадумавшись, извозчик сказал:

— Сейчас сделаем.

Через час я узнала, что за последние две недели Мадина никуда толком и не ездила, кроме как четырнадцать дней назад на рынок. После ее видели одиннадцать дней назад, в лавке госпожи Эванс, а более нет. Мы, черные ведьмы, народ заметный, в смысле замечают нас везде, стало быть, дней десять Мадина действительно к услугам извозчиков не прибегала.

— А покупала она на рынке что? — спросила я у молодцеватого дядьки Брана, который ее туда и возил.

— Муку, масло, изюм, варенье клубничное, — начал перечислять он.

Все ясно — булочки затевала.

Я побарабанила ногтями по дверце двуколки, задумчиво глядя вдаль.

— А чего волнуетесь так? — господин Шангер нахмурился. — Неужто смерть не случайная была?

Надо же, как я паршиво умею скрывать свои мысли.

— Так может, мальчишек местных расспросить? — предложил дядька Бран. — Те завсегда в курсе, куда вы, ведьмы, шастаете.

— С чего это они в курсе? — удивилась я.

— Так матушки запрещают, а запретное всегда в десять раз разрешенного интереснее, — улыбнулся господин Шангер.

А это уже интересно.

— Где мне их найти? — поинтересовалась задумчиво.

— Мальчишек? — господин Шангер призадумался. — Нет, сейчас не найдете, вся ребятня в порту, на солдат и строящийся форт смотрят, а вот завтра с утра...

Искренне поблагодарив извозчиков, я приказала отвезти меня обратно к лавке.

К слову, уже вечерело, так что я доварила свое зелье для мести наглой мэрской морды, усилив его основательно, поужинала и после еще десятка клиентов, заглянувших в лавку, легла спать.

Увы, легла я, напрочь забыв о том, что желающих поужинать в моем доме теперь двое!

— Мяу, — раздалось среди ночи.

Повернувшись на другой бок, я попыталась заснуть.

— Ма-а-а-а-а-ау! — требовательно заорал кто-то.

— Дохрай, закрой окно, — промямила я, накрывая голову подушкой.

— Ма-а-а-а-а-а-ав!!! — раздался вопль.

И все бы ничего, я бы даже Дохрая опять позвала, но тут прозвучало:

— Что, друг, покормить забыли? — и голос был мужской.

После чего скрипнула дверь на балконе, мне резко завоняло чем-то, а все тот же мужской голос произнес:

— Ну идем, глянем, чего там на кухне осталось, не буди Телль.

Да от такого кто угодно проснется!

И я тоже подскочила на постели, а увидела только удаляющуюся спину белого мага, который нес на руках моего белого кота! Но не успела встать и одеться, как они оба вернулись обратно. Пришлось прикрыться одеялом, отчего букет белых роз едва не свалился на пол, и, собственно, я поняла что мне воняло.

— Телль, — Арвейн укоризненно посмотрел на меня, — у тебя на кухне я обнаружил зелья, зелья, порошки, декокты, склянки, зелья, травы, но ничего съестного. Ты сама что на ужин ела?

Попытавшись вспомнить, обнаружила присутствие раннего склероза, но в итоге все же припомнила:

— Там сухари есть, мед и варенье.
Покивав, маг сурово сказал:
— Одевайся, сходим поужинаем. — На попытку возмутиться добавил: — Заодно кота покормим, ты совсем про него забыла.
Гардэм обвинительно подтвердил своим:
— Мяу.
— А ему рыбка нужна, — продолжил маг, — молоко, и вообще нормальное питание.
Пожав плечами, благословила обоих словами:
— Ужинайте, я спать.
Просто вставать собиралась на рассвете, и ждала меня сладкая месть, так что...
— Те-е-ел-ль, — узрев, как я обратно забираюсь в кровать, позвал Арвейн. — Телль, ты, наверное, забыла, но Гардэм твой дух, он будет есть либо в твоём доме, либо то, что дашь ты.
Тьма!

* * *

Я клевала ненакрашенным носом, сильно подозревая, что все закончится тесным знакомством с салатом. Рядом, мурча, Гардэм доедал вторую порцию сырой рыбы, напротив сидел Арвейн и что-то рассказывал о своих подвигах. Поздние посетители таверны поглядывали на нас с заметным интересом, потому что я сидела в мантии и капюшон не снимала, ибо не в образе.

— Телль, — позвал маг.
— Чего? — подперла вторую щеку, соответственно, второй рукой.
— У меня дом в столице, в центре, — почему-то произнес Арвейн.
— И?.. — Нет, точно засну.
— И там есть белый источник, чёрный установишь сама.
Локти начали медленно разъезжаться, приближая меня к салату из ранней капусты. Зелененькому такому.
— Угу, — пробормотала, закрывая глаза и думая, что капуста — это не так уж и плохо.
— Сыновья у меня уже есть, соответственно, я имею полное право жениться на чёрной ведьме, — продолжил Арвейн.

Это потому, что белые маги рождаются только от белых магинь, я точно знаю, мы это учили. В итоге белые в браки вступают рано, делают

обычно пару-тройку детей и разводятся, дети в итоге в магакадемиях, белые магини открывают салоны красоты, белые маги воюют и борются с Тьмой... Скучно живут, ага...

— Телль, до салата осталось пару сантиметров, — рассмеялся маг.

Тьма, я же почти достигла возжеленного.

— Капуста полезна для кожи, — пробормотала раздраженно, но все же села ровнее. Потерла глаза, попыталась хоть немного проснуться.

Гардэм, доев свою рыбу, довольно урча, прыгнул ко мне на колени. Машинально погладила кота, сокрушенно подумав, что он мне весь облик черноведьминский портит. Грустно, да. Взглянула на мага — Арвейн как-то выжидательно смотрел на меня.

— Что? — спросила, нахмурившись.

Улыбнулся, продолжая выжидательно глядеть.

— Что не так? Соус на носу остался? — удивилась я.

Отрицательно покачав головой, маг произнес:

— Ты не ответила на мое предложение.

Попыталась понять, о каком предложении вообще шла речь, не вспомнила. Сухари с медом вспомнила, а предложение нет.

И тут из-за соседнего столика донеслось:

— Госпожа ведьма, он вас замуж позвал, пока вы уснуть пытались.

Недоуменно оглянувшись, увидела за соседним столом сидящих и радостно мне улыбающихся господина Нукту с женой, собственно владельцев ресторана, в котором мы и сидели, и его брата тоже с супругой. Обе пары даже помахали приветственно.

— Куда позвал? — не поняла я.

— Замуж! — гордо объявила госпожа Нукта.

Вторая госпожа Нукта, жена младшего брата, пояснила:

— Ну, пока вы к салату лицом примерялись, маг вам предложение сделал, про городской дом рассказал и про дочек ваших. — И тут же спросила: — Госпожа ведьма, а ведьмы вообще замуж за белых магов ходят?

— Понятия не имею, — пробормотала рассеянно.

Повернулась к Арвейну, посмотрела на него с явным сомнением по поводу услышанного.

— Что не так? — Маг загадочно улыбался. — Ты симпатичная нетипично добрая черная ведьмочка, я белый маг, у которого есть непреодолимое желание забраться в твою постель на неограниченно долгое время, а также защищать и оберегать тебя. Что тебе не нравится?

Пожав плечами, погладила Гардэма и сказала:

— Не по регламенту это.

— Наденешь свое регламентированное платье на нашу свадьбу, — предложил Арвейн. — И если так сильно хочешь, я даже посопротивляюсь для виду, а ты на меня поохотишься, и все будет как полагается.

Что-то мне во всем этом не нравилось. Даже не знаю что.

— Телль, ты же черная, вы в любовь не верите, — протянул маг. — Так что как видишь, тему чувств я даже не затронул.

Три дочки — это, конечно, неплохо, это даже хорошо... И Арвейн маг симпатичный, а еще понимающий и даже меня не особо бесит, что редкость, но...

— Да кто ж так предложение делает, — сокрушенно вздохнула за соседним столиком госпожа Нукта. — Ни тебе подвига, ни цветов и на колено не встал, и не поцеловал даже... Все у этих магов не как у людей.

Собственно, и это тоже, так что:

— Все, я спать, — решила, поднимаясь и отпуская Гардэма на пол. — У меня утром еще акт черной ведьминской мести запланирован, и мне как-то не до продолжения рода.

Арвейн поднялся, кинул на стол мелочь за ужин, лишая меня необходимости расплачиваться, обошел столик, протянул руку.

— Это еще зачем? — спросила нахмурившись.

— Ухаживаю за тобой, — пояснил маг.

— Сегодня ухаживать не надо, — начала раздражаться я. — Говорю же — я хочу спать. А вот завтра после обеда я...

Договорить почему-то не вышло — как-то очень резко меня схватило и притянуло к магу, а потом капюшон взял и упал с головы, а мои губы взяли и оккупировали жадным, отнюдь не пристойно-беломагическим поцелуем и еще тело сжали так, что не продохнуть, и голова закружилась совсем, и ноги подогнулись, и пришлось обнять Арвейна, чтобы не свалиться на пол.

— А волосы-то у госпожи ведьмы и не черные, и вьются даже, — заметил кто-то.

— Вот это любовь, — донеслось с противоположного конца зала.

— А хорошенькая какая, — вставил еще кто-то.

Тяжело дыша, Арвейн оторвался от моих губ, взглянул в мои затуманенные глаза и спросил хриплым шепотом:

— К тебе?

— Зачем? — очень удивилась черная ведьма.

Пробормотав какое-то ругательство, белый маг решительно подхватил меня на руки и понес к выходу из ресторана.

Меня! На руки! На глазах у всех!

Это меня!

Щелчок пальцами был неизбежен, и Арвейн вмиг уменьшился до размера гнома, я же соскользнула на пол в момент его уменьшения, гордо накинула капюшон и вообще никак не отреагировала на сокрушенное «Телль!».

— Меня еще на руках не носили! — вскинув подбородок, психанула я. — Белых своих носить будешь, нахал! И вообще, кто так с черными ведьмами обращается?! Никакого уважения! Гардэм, домой!

И мы с котом гордо ушли, и плевать, что Арвейн увеличился до привычного размера почти сразу, а присутствующие от этого покатались со смеху. Просто черная я или как? Вот-вот, а потому маг-то увеличился, а вот его одежда не сразу — мы, ведьмы, мстительные.

Домой возвращалась с каким-то странным неприятным чувством на душе. Даже и не знаю почему...

* * *

Но на рассвете я проснулась с самой довольной улыбкой и просто потрясающим настроением! Меня ждала месть!

Продуманная, никоим образом не магическая, подлая и коварная месть! И в следующий раз кто-то трижды поразмышляет, прежде чем пытаться запугивать черную ведьму!

Торопливо собравшись, сбежала на первый этаж и там и остановилась. Посреди лавки стояла корзина белых цветов. Внушительная. На корзине имелась записка. Нехотя подошла, сорвала свиток, развернула и прочла:

«Прости, сорвался, забыл, что с ведьмами так нельзя.
Исправлюсь.

Арвейн».

А может, зря я так? Дочка мне очень нужна, и маг вроде ничего...

Решила, что потом об этом подумаю.

Зашла в лабораторию, забрала оба неразбивающихся пузырька с моим экстраземлем и поторопилась на встречу с мэром.

* * *

Утро выдалось волшебное — солнечный диск медленно поднимался над лесом, птицы голосили вовсю, бурый мишка выглянул, увидел меня и быстренько сиганул в кусты. Вот это я понимаю — уважение к черной магии.

Сняв плащ, запихнула его в схронное дупло, потянулась, размялась и побежала, старательно глядя себе под ноги, чтобы в очередной раз не угодить в ловушку.

И вот я бегу, бегу и бегу... и ничего. То олень выглянет из-за дерева, то тетерев дорожку перелетит, а то и вовсе никого, только кусты потрескивают, намекая, что в них живность водится. В общем и целом самое обыкновенное утро, даже скучно под конец стало. Но я решила не расстраиваться — не сегодня, так завтра, но господин мэр появится точно, в этом даже не сомневаюсь, а меня впереди ждал спуск с пригорка к озеру, и там красивейшие виды, и озеро такое в лучах поднимающегося солнца, и дымка тумана над ним, и...

И выбежав из леса, я, как и всегда, не сбавляя скорости, восхищенно уставилась на пейзаж и...

В этом и была моя ошибка!

Засмотревшись на озеро, я слишком поздно поняла, что какой-то гад вырубил все кусты по тропинке и камыш тоже обрубил так, что с тропы не дотянуться! И поняла я это лишь тогда, когда правая нога поскользнулась на чем-то невероятно жирном и скользком, за ней вторая, и, грохнувшись на попу, я, как ни пыталась схватиться хоть за что-то и соображая в процессе спуска, что ну точно не дотянуться, съехала как с трамплина прямо в озеро!

Плеск! Брызги! Холоднющая вода! Обалдевшая, медленно идущая ко дну ведьма и ленивый голос с берега:

— Доброе утро, госпожа Герминштейн.

Лесное озеро в данном месте было неглубокое, так что я как скатилась на попе с тропинки, так сейчас в той же сидячей позе медленно погрузилась в ил по самые плечи. Настроения мне это не прибавило.

— Знаете, — нагло и с той же ленцой продолжили, — я так подумал, вам тоже не помешает немного водных процедур.

С-с-сволочь!

Медленно поднялась на ноги — воды тут было по колено, и мэр явно об этом знал, раз не осведомился, умею ли я плавать, то есть уверен был, что не пострадаю. И я-то не пострадала, но ботинки мои тут же по щиколотку погрузились в ил, и... им, скорее всего, пришел конец.

Моему терпению тоже.

— Выбирайтесь, вода холодная! — Кто-то хамел на глазах.

Повернувшись, узрела господина мэра сидящим под ивой, что росла у самой кромки озера. Он, видимо заготовив дрова заранее, поджигал их прямо сейчас. Еще у господина ловца имелся закрытый котелок для чая, который мэр установил над костром, и корзинка явно со съестным.

— Выбирайтесь-выбирайтесь, — не глядя на меня, гостеприимно повторил новый градоначальник. — Я для вас плед захватил, закутаетесь, пока одежда сохнуть будет.

Разъяренная черная ведьма в жизни бы на подобное не согласилась, но мне сейчас очень нужно было подобраться к мэрской морде поближе. Как можно ближе!

Плеская по воде и раскидывая вокруг себя мириады брызг, доплелась до берега. Мэр, проявляя чудеса галантности, встал, протянул руку, помогая выбраться из воды. После протянул плед, чистый и свежевывстиранный даже, и, указав на ближайшие кусты, сообщил:

— Раздеться можете там.

— Благодарю вас, мне и так хорошо, — вырывая ладонь из его руки, ответила взбешенная ведьма.

Морда вполне дружелюбно улыбнулся и укоризненно произнес:

— Вы напрасно отказываетесь, госпожа Герминштейн, утро холодное, на вас мокрая одежда, и ваш источник слишком далеко, чтобы вы могли ее высушить магией. А простуда — не самое приятное, согласитесь.

— Согласна, — прошипела злая я.

— Рад, что благоразумие вам не чуждо. — Мне снова протянули плед. — Как вернетесь, чай будет готов.

Ведьма осталась стоять на месте, прожигая господина мэра яростным взглядом. Тот широко улыбался, снисходительно на меня поглядывая. Ну да — здоровый, да — плечи широченные, да — меня выше и больше, а магия мне здесь недоступна.

— Госпожа Герминштейн, при всем вашем желании вы мне ничего сделать не сможете, — подытожило наконец охамевшее градоначальство, продолжая широко улыбаться.

А я бы поспорила.

— Это угроза?! — голос дрожал от бешенства.

— Констатация факта.

— А звучит как угроза! — врезать бы ему сейчас прямо по... морде.

Господин мэр хотел было продолжить беседу, но внезапно что-то изменилось. Даже не поняла что, но взгляд у него стал какой-то не такой, рассредоточенный, и улыбка медленно сползла с лица, и... Птицы везде

пели, громко так, костер потрескивал, разгораясь все сильнее, с меня все также капала вода, а по штанам и вовсе ручейки бежали, и...

Плед отлетел в сторону, а затем ручищи морды вдруг схватили меня, вплотную притискивая к сухому мэру, и этот взял и... поцеловал.

Морда! Меня!

Сильно, крепко, так что дыхание перехватило, в глазах потемнело и голова закружилась. И жарко стало настолько, что вмиг согрелась, и руки опустились безвольно. А мэр продолжал целовать, столь жадно, словно выпивал меня до капельки, а перед этим вообще никогда не пил. Так, словно не желал понимать, что происходит, и вообще не замечая, что теперь у него тоже грязная и мокрая одежда стала...

В кустах раздалось ржание мэрской лошади.

И морда замер, тяжело дыша.

Я медленно открыла глаза, натолкнулась на обалдевший взгляд господина мэра, до которого, кажется, только сейчас дошло, что он сделал. И это стало для него потрясением. Причем настолько сильным, что я даже как-то подзабыла о своем состоянии, попранной гордости и вообще ярости по поводу того, что какой-то смертный посмел... никакого пиетета к черной магии, надоел уже!

Но, как уже сказала, эти мысли отступили, так как мне представилась весьма необычная картина — полномасштабное мужское раскаяние. А морда раскаивался. Он бледнел, причем все сильнее, кусал покрасневшие после поцелуя губы, в ярости смотрел на меня и не мог поверить в произошедшее. Забавное выходило зрелище.

Продолжение вышло еще забавнее.

— Приворотное зелье, да?! — взревел внезапно пришедший в ярость мэр.

То есть я еще и виновата в том, что у некоторых с головой грома-адные трудности. И обидно, да.

— В жизни не сварила ни одного приворотного зелья, — скривившись, достала мокрый платок из кармана и принялась тщательно вытирать губы, зубы и даже язык.

Морда, пронаблюдав за моими манипуляциями, утратил логику и взбесился уже по другому поводу:

— А что это вы делаете, госпожа ведьма?!

— Прополоскать рот тут нечем, — вполне резонно заметила я.

И вот прекратить бы кое-кому сопеть и неистовствовать, но нет, этот в бешенстве переспросил и так очевидное:

— То есть вам еще и не понравилось?!

Прекратив вытирать язык, недоверчиво посмотрела и прямо спросила:
— А должно было?

Выражение лица у господина мэра стало незабываемым. Решила объяснить:

— Вы вообще-то не белый маг, если не заметили, и вообще никакой не маг, а самый обычный смертный. С чего мне должно быть приятно?

Лицо морды окаменело, и он отчеканил:

— Я и не урод.

— Не могу согласиться с данным утверждением, — комкая платок и думая, чего с ним теперь делать, заметила я.

Огляделась. Засовывать платок обратно в карман не было никакого желания, как, впрочем, и стирать его после такого. Не придумав ничего лучше, швырнула тряпочку в огонь. Затем тщательно вытерла и руки о мокрые штаны, чтобы уж наверняка.

— Аэтелль, — неожиданно низким и сиплым голосом произнес мэр, — вы мне так мстите?

Я честная черная ведьма, поэтому честно ответила:

— Еще даже не начинала.

— Можете начинать! — прохрипел морда.

Недоверчиво глянув на него, достала из кармана пузырек с заготовленным зельем, открыла крышку и вылила все на основание шеи господина мэра. Он стоически это вынес, глядя на меня медленно сужающимися глазами. Я до последней капли вылила, потрясла пузырек даже, закрыла крышечку, кинула бутылочку в огонь.

— Все? — уточнил мэр.

— Все, — сказала я, глядя, как состав впитывается в мэрскую кожу.

— Приворотное зелье? — полюбопытствовал он.

Закатив глаза, тяжело вздохнула и объяснила как маленькому:

— Господин мэр, при всем вашем желании верить в обратное говорю честно и откровенно — я не варю приворотные зелья. Это скучно.

Зелье окончательно впиталось в загорелую кожу.

— Тогда что это было? — Морда спрашивал спокойно, но я начала замечать, как каменеют его мышцы.

— Мсть, — я же честная черная ведьма, — коварная, изощренная и за дело. В следующий раз трижды подумаете, прежде чем запугивать представительниц моей профессии.

Тихо выругавшись на незнакомом мне языке, господин мэр произнес:

— Жаль вас разочаровывать, госпожа ведьма, но на мне амулет, нейтрализующий любое магическое воздействие. Был вынужден

приобрести после столь близкого знакомства с вами!

Пожав плечами и не сумев сдержать улыбку, ответила:

— Жаль вас разочаровывать, господин мэр, но зелье не имеет ничего общего с магией.

Морда бросил на меня странный взгляд и уточнил:

— И что же это тогда?

Настоящая черная ведьма позволила себе широко улыбнуться.

— Не скажете? — Сообразительный он.

— Нет.

Постояв немного и поиспепеляв меня взглядом, градоначальник несколько укоризненно заметил:

— Я собирался нормально побеседовать с вами, госпожа Герминштейн.

— И поэтому начали с вырубания кустов и камышей, чтобы я беспрепятственно съехала по вымазанной жиром тропинке прямо в илистое лесное озеро?! Оригинальное начало беседы, господин мэр.

Скрипнув зубами, спросил:

— А вы ожидали бездействия с моей стороны после того, как, заметьте, дважды устроили дождь в моих спальнях и выкрасили мой город в черный цвет?

— Ну, допустим, с покраской это была чистая случайность, — несколько смутилась я. И тут же добавила: — А с купания в постели вы начали первым!

— Я на вас всего ведро вылил, госпожа ведьма! — разозлился морда.

— Я на вас пять, в конце концов, вы по размеру больше меня, господин мэр, — парировала я.

— Я вас будил, госпожа ведьма!

— Я вам мстила, господин мэр!

Наступила тишина.

Птицы все так же приветствовали утро, засвистел вскипевший чайник, тревожно фыркнул конь.

Закрыв глаза, мэр попытался успокоиться, а когда снова посмотрел на меня, ровным голосом спросил:

— Вам какой чай, госпожа ведьма?

— Я не собираюсь пить с вами чай, господин мэр, — сразу расставила приоритеты.

— Но вы же сюда пришли! — произнес он.

— Конечно, мне же нужно было облить вас зельем, — кристально честно ответила честная черная ведьма.

Морду перекосило, после чего он не менее честно заявил:

— Аэтелль, я вас придушу.

Отступив на несколько шагов, с нескрываемым торжеством заметила:

— Сомневаюсь, господин мэр.

— Это еще почему, госпожа ведьма?

И вот тогда я выложила свой козырь:

— Быстрее вас бегаю.

Отрицательно покачав головой, мэр не стал спорить, выдвинув свой, как он думал, козырь:

— У меня Самсон.

Это был намек на коня.

Отступив еще на пару шагов, я весело подмигнула и коварно протянула:

— А я бы не стала на него рассчитывать, господин мэр. К слову — прогулки пешком полезны, знаете ли.

С этими словами, развернувшись, я бросилась вверх по склону.

Позади послышалось:

— Самсон, ко мне!

Такое я уже не могла пропустить и, остановившись, пронаблюдала за тем, как гнедой жеребец мэра радостно выскочил из кустов, рысью подбежал к хозяину... вдохнул... глаза у коня округлились, животина крутанулась и столь же радостно помчалась прочь.

— Самсон?! — взревел морда.

Конь виновато оглянулся и сиганул в кусты, демонстрируя, что, мол, прости, хозяин, но иметь с тобой дело я отказываюсь.

— Самсон, ко мне! — все еще не осознавал морда.

— И-го-го-го, — ответили ему из-за лесной растительности.

— Самсон!!!

На этой приятной ноте я решила, что, несмотря на мои достижения в беге, некоторым хватит злости и, соответственно, скорости, чтобы догнать ведьму в мокрых ботинках, и потому бодро побежала на выход из леса. Позади еще некоторое время слышались вопли «Самсон, к ноге!», потом «Ведьма!», после уже только пение птиц и рев медведя вдалеке.

Я добежала до опушки леса, стараясь не обращать внимания на отвратительно мокрую липнущую к телу одежду, достала плащ, закуталась и радостно ушла в город, где поймала ближайшего извозчика. Настроение было превосходным, несмотря на легкий оттенок... обиды. С чего бы мне обижаться? Как минимум неделю я могу преспокойно бегать по утрам, точно зная, что у морды на пакости сил не хватит. Ведь одно дело —

добираться до лесу на лошади и совсем иное — пешком, а господина мэра теперь даже лошади извозчиков к себе не подпустят... Ну он еще об этом узнает, сюрпризом будет.

Я же доехала до лавки, расплатилась с извозчиком, вошла, хлюпая грязью в ботинках.

Остановилась.

— Доброе утро, Телль, — поприветствовал меня Арвейн, сидя в моем кресле, поглаживая моего белого духа-хранителя и пованивая...

Нет, вонял не маг, а корзинка со свежей рыбой, которую он приволок с собой.

— Гардэма покормишь? — поинтересовался белый.

— Гардэм, жрать, — почему-то я пришла не в самое благостное расположение духа.

Кот поднялся, потянулся и, прыгнув на корзинку, приступил к трапезе.

— Оригинально, — улыбнулся Арвейн. — Где гуляла?

Глаза мага прищурились, улыбка медленно сползла с лица.

— С кем целовалась?

Это допрос?!

— Дохрай! — позвала я.

Маг заткнулся мгновенно, видимо, догадывался, чем ему грозит призыв хранителя. Я преспокойно направилась наверх переодеваться. Поднялась по ступеням, осознавая, что придется пол мыть, поэтому сразу, не откладывая, направила частичку магии в ведро и швабру, первое тут же сгоняло за водой, вторая принялась за уборку. Мне же оставалось войти в душевую и наконец снять все мокрое с себя.

Блаженство.

Горячая вода — еще большее блаженство.

— Телль, что происходит?

Голос мага за дверью бесит!

— Телль?!

Щелкнув пальцами, установила звуковой барьер и домылась в приятной обстановке. Нужно будет Дохраю приказать ограничивать посещение моей лавки разными излишне наглыми индивидами. Просто как-то ранее никто не смел подниматься на второй этаж, даже мысли такой не возникало, а эти двое!..

Когда вышла из душа, обнаружила в своей спальне белого мага. Арвейн нервно расхаживал из угла в угол, взбешенный и разъяренный. Увидев меня мокрую и в полотенце, остановился. Хотел было что-то сказать, но промолчал.

А я не стала.

— Это моя спальня, — напомнила некоторым обнаглевшим.

— Ты в моей тоже побывала, — напомнил белый.

— Ты был не против, — заметила я.

Отчаянно сдержавшись, Арвейн ровно спросил:

— Подождать, пока ты оденешься?

— Часика два-три, я — спать, — решила черная ведьма.

Маг еще что-то хотел сказать, но...

— Дохрай!

— Понял, — прошипел Арвейн, стремительно покидая сначала мою спальню, после мою лавку.

А приснился мне мэр!

Мы стояли в лесу, я была в черном регламентированном для охоты на белых магов платье, но почему-то с некрашеными волосами, а он меня целовал. Это было очень странно, но и очень приятно отчего-то. И пели птицы, и вокруг нас бегали белые лошади, и шумел камыш, и я обняла мэра за шею и потянулась к нему, а он меня прижал к себе, крепко-крепко...

Проснулась с отвратительным настроением!

Зубы мыла раза четыре и рот тоже полоскала долго. Тьма, позор какой: я — и со смертным! Еще и во сне! Нет, пора мне заводить себе белого мага, пора уже, с физиологией не спорят.

Вышла на балкон, глянула на мэрию — застала потрясающий момент: господин мэр, гордо выпрямившись и даже почти не прихрамывая, шел по площади. За ним с самым виноватым видом, но на приличном расстоянии следовал конь. Лошади извозчиков при приближении объекта ведьминской мести шарахались в сторону.

Определенно, теперь я могу безбоязненно бегать по утрам.

Кстати, а после купания, и я уверена, что господин мэр сейчас под душ полезет, запах никуда не денется... Но это тоже сюрпризом будет.

Выбросив морду из головы, переделалась в стандартную форму черной ведьмы, спустилась вниз. Обнаружила там печальную компанию незамужних девиц Бриджуотера. Присутствовало их тут штук семнадцать, и лица у всех были самые просительные.

— Что? — спросила сразу и недружелюбно, потому что еще не завтракала.

Девушка Бонли робко протянула какой-то листок.
Щелкнув пальцами, заставила бумажонку подлететь ближе и прочла:

«Городской бал в честь прибытия нового мэра».

Ну вот, Тьма! Этого еще не хватало! Теперь сиди вари гламур с утра до вечера!

— А, госпожа ведьма, готовых зелий нету?

Угу, полно, берегла-хранила все за ради вашей морды неженатой!

— Бал завтра уже, — робко вставила девушка Блошич.

Потрясающе!

— Завтра и приходите, — махнула я рукой.

Девушки стайкой вымелись из лавки, оставив мне неожиданный подарок — зацелованного, затисканного и оттого ошалелого Гардэма. Несчастный кот, видимо, лежал, обожравшись рыбы, а тут девы с нежной трепетной душой, которая никоим образом не позволяет им оставить в покое всякую милую тварь. Бедный Гардэм.

— Поцарапал бы ты их, что ли, — произнесла я.

Кот поднял лапу, продемонстрировал отсутствие когтей. Не повезло.

Завтракала практически на ходу, чай пила вовсе стоя, после взяла корзину и отправилась в цветочные ряды — для зелья привлекательности требовались лепестки роз, причем в большом количестве.

* * *

В Бриджуотере славный цветочный рынок. Пожалуй, самый славный во всем королевстве — сюда с юга свозят тонны цветов да тут же на оптовом рынке и распродают, а после иные корабли несутся на всех парусах к столице, стремясь поскорее порадовать красавиц свежими букетами. Но случаются и запинки — то роз много навезут, а то лилий, тюльпаны, бывает, подвянут и теряют весь товарный вид, а потому здесь же, в порту, закупаются зельевары, духовары, белые магини и собственно иногда даже мы, черные ведьмы. Не то чтобы часто, но если под заказ, то подвозят нам то мышей летучих, а то и ядов всяческих столько, сколько требуется.

Но вообще я в порт ходить не особо любила, а все потому, что...

— Кого я вижу, — раздался мелодичный голосок, стоило мне, расплатившись, сойти с двуколки. — Сама госпожа Герминштейн!

Магианна Элим Анарайн — высокая, я ей по плечо, если и достану, белая, в смысле белая вся, и с характером, коему черные ведьмы завидовали самой что ни на есть чернейшей завистью. Мерзкий у нее характерец. Мерзкий настолько, что иной раз стоишь и восхищаешься и да — завидуешь.

Вот и сейчас стою посреди оживленной дороги, извозчики грузовые, матерясь (про себя, несомненно, я все-таки черная), объезжают, а мы с магианной схлестнулись взглядами. И отступать мне вовсе не хочется, хотя у белой позиция выгоднее — стоит на пороге своей лавчонки, под белым навесом, веером обмахивается, и солнце ей шапку не припекает, и одежда у нее бело-голубая, легкая, от каждого порыва ветерка подрагивает, и улыбка наглая, коей как раз на лице черной ведьмы самое место. Я так улыбаться не умею. Завидую.

— Что же вы не здороваетесь, госпожа Герминштейн? — промурлыкала магианна.

И наговорит же гадостей сейчас.

— Было бы с кем, госпожа Анарайн. — Мы, черные, тоже гадости говорить можем.

На самом деле мы их даже лучше говорим.

Но дальнейшие события показали, что мне еще учиться и учиться.

— А вы не знаете, с кем, Телль? — голос у магианны стал сладким, как смесь патоки и меда, перезрелых и приторных.

С этими словами белая начала неспешно спускаться по белым мраморным ступеням, за ней последовал ее белоснежный барс с такими же голубыми глазищами, которого мне всегда хотелось потискать... но репутация не позволяет. К слову, стоило Анарайн сойти на дорогу, как движение остановилось вовсе — с белыми оно так всегда, им лучше дорогу не переходить. Опасно.

Флер цветочных духов овеял еще за пять шагов до приближения магианны, после стал удушающим, удушил, когда белая встала передо мной. А затем госпожа Анарайн чуть наклонилась ко мне и пропела:

— Я с первого послания поняла, о ком столь восторженно отзывается Арвейн, моя драгоценная будущая родственница.

Лучше бы сказала гадость!

— Я так рада, — продолжила белая, кривя коралловые губки, — что мы станем одной дружной и крепкой семьей!

Потрясенно моргнув, нервно сказала:

— Я не настолько хочу иметь дочь.

Белая запрокинула голову и расхохоталась. Барс, бывший так долго

предметом моих мечтаний, подошел, потерся о мое платье, демонстративно признавая за свою.

Позор какой!

— Телль, дорогая, ты совершенно очаровательна! — отсмеявшись, заявила белая.

У меня задергался глаз.

Основательно.

— Зверюгу отзови... те, госпожа Анарайн, — сдавленно прошипела я.

Магианна, широко улыбнувшись, пропела:

— Пумпусик, это Телль, она теперь наша.

«Пумпусик» оскалился, продемонстрировав очень внушительные клыки, и замурлыкал прямо как Гардэм после привязки к белому источнику. К слову, у «пумпусика» имелись когти. Тоже очень внушительные. Заинтересовавшись этим явлением, негромко спросила:

— Он способен защищаться?

— Конечно, — закивала белая, — он же моя единственная охрана.

Врет. Нагло, не моргая и не испытывая приступа стыдливости. Нет, белые магини, они в принципе не опасны, но и не безобидны, ведь стоит перейти им дорогу, и вот ты уже стоишь, со столбом целуешься и в неземной страсти ему признаешься. Причем страсти искренней. А это уже обидно. Так что охрана им не нужна вовсе. А вот от них пару амулетов при себе желательно всегда иметь, а я их как раз не надела, забегалась, да и Анарайн вроде давно в городе не объявлялась. Кто ж знал...

— Пора мне. — Я отступила на шаг. Остановилась, еще раз глянула на «пумпусика», решила: — Странно, что белый источник ему когти предоставил.

— Ничего странного, — белая улыбалась так, как не дано было даже акуле, — капелька крови в добавление к рыбке — и эффект присутствует.

О, как очаровательно. А говорят, что белые магини только нектаром цветов питаются. Иной раз его же подбродившим и пьют в качестве алкоголя... Впрочем, не мое дело и, собственно, дел по горло, так что пошла я.

— Отвратительно было побеседовать, — отступая еще и не поворачиваясь к магианне спиной, пробормотала черная ведьма.

Не то чтобы проявляя уважение, так, скорее из осторожности.

— А я еще не закончила беседу, — промурлыкала белая.

Что досадно — ее источник тут, рядом, мой далеко, она сильнее.

— А у меня дел по горло, — продолжая отступать, сообщила госпоже Анарайн.

— А я сегодня совершенно свободна и готова уделить все свое время дорогой будущей родственнице, — начала наседать белая.

Это уже наглость.

Сверкнув глазами, предупредила:

— Я с белыми дел не имею и знакомств не завожу, так что стой, где стоишь, магиня!

Магианна Анарайн растянула губы в еще более широкой улыбке.

Тьма!

Мадина как-то рассказывала, что эту белую выдали замуж в пятнадцать, за какого-то очень высокопоставленного мага из ордена, а тот был мразью, как и большинство из белых. И развод Элиме дал очень и очень нескоро, и даже не после двух сыновей. Так эта белая в Бриджуотер явилась бледная как приведение, ее даже черные ведьмы жалели. Напрасно. Прошло несколько лет, и магиня заматерела, теперь вот зверствует потихоньку.

— У меня мама была черная, — внезапно огорошила меня госпожа Анарайн.

Подойдя на два шага, удивленно переспросила:

— В каком смысле?

— Ведьма, самая обыкновенная черная ведьма. Молоденькая, — просветила меня магианна.

— У черных ведьм белые магини не рождаются, — выдала я общеизвестную истину.

Магианна хмыкнула, взмахнув рукой, поправила длинные светлые волосы и кокетливо сообщила:

— При определенных обстоятельствах и достаточном опыте у белого мага очень даже рождаются.

Мое мировоззрение треснуло!

Громко, обидно и основательно.

А я черная ведьма, меня бесит, когда столпы непоколебимой истины рушатся в одночасье. И белые магини тоже бесят. Белые маги раньше не бесили, ввиду их необходимости для продолжения черномагического рода, но теперь... и они бесят!

И не говоря более ни слова, я развернулась и направилась в порт!

Вслед мне понеслась парочка фраз и одно легкое заклинание — резко отшатнулась и пронаблюдала за тем, как заклинание влетает в серую и сильно этим фактом удивленную лошадь. Вообще белые магини не особо меткие, в отличие от нас — черных. Это все потому, что мы в магистериуме четыре года прицельно бьем заклинаниями по мишеням, а они четкость

оттачивают каллиграфией. В итоге у нас жуткие почерка, зато отличная меткость, у них наоборот.

От еще одного заклинания я столь же легко увернулась и даже посочувствовала голубю, пролетавшему мимо так не вовремя. Птаха застыла в воздухе и чуть не рухнула наземь. Поймала, мы, черные, животный мир любим, пернатый любим тоже, и, едва пташка оклемалась, отпустила.

И не оглядываясь, задумчиво отправилась вниз к пристани.

Потом остановилась, оглянулась — дело в том, что путь обратно в город лежит вот по этой самой дороге, мимо белой и странной Анарайн. Махнув рукой, подозвала извозчика и, едва тот подъехал, сказала:

— Езжай к моей лавке, позовешь Дохрая, пусть передаст мне защитные амулеты от белой магии.

Мужик кивнул, развернул лошадь и погнал в город.

Береженого Тьма бережет, а мне вовсе не хочется обнаружить себя в объятиях белого мага, от которого меня так неосмотрительно уберег мэр. Мэру надо бы вынести благодарность, и я обязательно вынесу — после того, как он из моего города уберется.

С этими мыслями я спустилась к пристани и... замерла, подняв ногу для следующего шага.

Все дело в том, что торговых рядов с цветами более не существовало. Их вообще не наблюдалось никоим образом. Вместо требуемых мне цветов обнаружили балки, доски, камни, железяки и потные полчища солдат. И вся эта дурнопахнущая толпа, перебивающая своим запахом ароматы тухлой рыбы, которой изобиловал находящийся неподалеку рыбный рынок, громила торговые ряды, носила балки и, собственно, возводила постройки, в которых несложно было узнать будущий форт.

— Мм-м, госпожа ведьма? — раздалось за моей спиной.

Обернулась — три торговки цветами нервно переминались с ноги на ногу.

— А вы чего хотели? — спросила госпожа Ультин, владелица лавки «Дикая розга».

Именно розга. Изготовители вывески ошиблись, а потом и менять уже никто не захотел, сама госпожа Ультин решила, что так оригинальнее.

Достав список нужных ингредиентов, молча протянула его женщине.

Ознакомившись, госпожа Ультин кивнула, после осторожно осведомилась:

— А этим, кто лавки наши разрушить решил, этим что-нибудь сделать можно? Что бы им больше ровно не сиделось!

Посмотрела на солдат, потом на горизонт, уточнила:

— Шипы от роз имеются?

— Найду, — пообещала цветочница.

— Сделаю, — коварно улыбнулась черная ведьма.

Мы, черные, месть в любом виде обожаем, даже если не мы и не нам.

* * *

По возвращении домой с двумя корзинами цветочных лепестков и одной маленькой шипов обнаружила приглашение. Приглашение гласило:

«Уважаемая госпожа Герминштейн, приглашаем вас посетить бал в честь назначения господина Бенхарда Джонатана Вегарда на пост мэра Бриджуотера».

Имя у мэра оказалось зубодробительным. Надо же, целый Бенхард Джонатан Вегард... Морда звучит лучше. Определенно лучше.

Изучив приглашение подробнее, выяснила, что бал будет проходить завтра (но это мы и так знали) в семь часов в мэрии. Дресс-код даже имелся — следовало прийти в белом. Очаровательно просто. Ну, на такой случай у меня белое имелось — белье.

Плюнув на все, отправилась на городской рынок, купила рыбы, мяса, вяленого мяса, картошки, крупы и по мелочи, ибо с появлением нового мэра как-то подзабыла о собственном рационе. Оно всегда так — когда жизнь другому портишь, на свою забиваешь.

На рынке меня обслуживали вне очереди, выдавали все по первому требованию, а извозчик господин Улин предложил довести «с ветерком» и совершенно бесплатно. Вообще не удивлена — у него, извозчика, шесть дочерей на выданье, и мне, по мнению извозчика, явно полагалось зелье привлекательности варить, а не тратить время на закупку продуктов.

Вернувшись в лавку, обнаружила голодного Гардэма на пороге и печального белого мага на ступенях. Рядом с магом сидела восторженно вззирающая на него птичка, с другой стороны, положив белому голову на колени, возлежала серая лошадь. На это дело, в смысле мага с обожающей его живностью, собралась посмотреть целая толпа. Все были крайне заинтересованы.

— Тель, — позвал при виде меня Арвейн, — твоих рук дело? — указал на лошадь и голубя.

Черная ведьма, заломив бровь, мрачно осведомилась:

— Это смертельное проклятие, почесуха, кривун, свищ в конце концов?

— Нет, — дружно ответила толпа.

— Тогда не моих, — ответила предельно честно и начала выгружать снедь из двуколки.

Господин Улин радостно мне помог, даже в лавку все отнес, оттуда уже Дохрай до кухни дотащил. А до меня дошла странность ситуации — толпа не расходилась. Оглядев радостно-возбужденный народ, удивленно спросила:

— Чего ждем?

— Так вас сейчас сжигать будут! — сообщила госпожа Торникай.

— Да? — Удивление мое все возрастало. — А кто?

— Так священник новый, — просветил господин Гобс.

Что-то смутно припоминаю. Вроде мэр говорил про священника и других магов, и...

— Так, — хмуро проследила за тем, как господин Улин последние покупки из двуколки в лавку переносит, — это он прямо сейчас делать собирается?

Словно в ответ на мой вопрос раздался колокольный звон. Толпа раздвинулась, открывая моему взору строящийся у фонтана постамент с громадным костром вокруг. Точнее, костра еще не было — только вязанки дров устанавливали, и вокруг всего этого суежилась парочка священнослужителей.

— Тьма, и правда жечь! — восхитилась черная ведьма. — Это же мне платье нужно надеть по регламенту, волосы уложить в растрепанные лохмы, помаду стереть и вообще... — Толпа закивала, предвкушая развлечение. — Но сначала зелье, его уже ставить нужно, чтобы до завтра было готово.

Кивки прекратились, толпа напряглась.

Госпожа Торникай внесла предложение:

— Так мы их задержим?

— Да, — согласилась я. — На часик примерно, чтобы я все успела.

И взяв на руки совершенно белого и голубоглазого Гардэма, который мне весь образ черной ведьмы портил, я отправилась в лавку. Здесь, перехватив господина Улина, попросила зайти завтра утром. Отец шести дочерей радостно согласился, поблагодарил и вышел, пожав призрачную лапу Дохрая на прощание. Ну никакого пиетета и страха в отношении черной магии! Куда катится мир?

На обед поставила суп для себя и накидала в миску свежей рыбы для Гардэма.

Кот, радостно мурлыкая, метнулся было к вожаемой еде, но...

— Стоять, — скомандовала черная ведьма, протирая руку спиртом.

Как же меня бесит кровопускание! Действительно бесит! Ненавижу я это, да делать нечего.

В лавке звякнул колокольчик, после чего кто-то забился в стекло, а в мою кухню вошел Арвейн. Белый маг застыл в проходе, глядя на урчащего голодного хранителя белого источника и меня с ножом в руке.

— Телль? — прозвучало удивленное.

— Где влюбленная живность? — Мне правда стало интересно.

— На пороге, — скривился маг.

— А-а, — протянула понимающе и направила острие обработанного спиртом ножа к обработанному спиртом пальцу.

— Телль, что ты делаешь? — изумился мэтр белой магии.

— Когти отращиваю, — предельно честно ответила ведьма.

— У тебя же накладные есть, — напомнил белый.

— У меня есть, у Гардэма нет, — максимально подробно ответила и...

И прижала острие ножа к пальцу... Ненавижу это дело! Ненавижу и все тут! Тьма!

— Телль, убери нож, — неожиданно занервничал Арвейн.

И это так взбесило, что я надавила сильнее, прокалывая кожу, после чего, убрав нож, кривясь, выдавила несколько капель. Капли упали на рыбу, и ведьма скомандовала:

— Гардэм, жрать.

Кот очень странно на меня посмотрел.

— Жрать, говорю, это тебе с когтями поможет.

Из потолка высунулся Дохрай, видимо, ему тоже стало любопытно. А вот белый дух продолжал странно на меня смотреть.

— Жри — кому сказала! — психанула раненая черная ведьма. — Иначе это будет последняя свежая рыба в твоей жизни!

И тут со стороны белого донеслось:

— Ты говорила с Элим!

Устало посмотрев на мага, я мрачно пояснила:

— Это не я с ней, это госпожа Анарайн снизошла до крайне неприятной беседы. Гардэм!

Белый кот для начала жалобно посмотрел на меня. Топнула ногой и продемонстрировала жест, означающий «никакой к Тьме рыбы!», хранитель еще жалобнее издал «Мя-а-ав?», заявила ему «И по весне на

улицу не пущу!». Угроза подействовала. С самым несчастным видом кот приблизился к миске, осторожно лапкой тронул окровавленную моей кровью рыбу, предпринимая попытку ее сдвинуть...

— И обстригу налысо всем кошкам на смех! — предъявила я последний аргумент.

Просто став белым хранителем, кошка обрел физическое тело, вместо прежнего призрачного, и теперь намеревался начать гулять по кошкам, наверстывая упущенное.

Горестно вздохнув, Гардэм подался к рыбе и впился в нее клыками.

В то же мгновение белый маг внезапно метнулся ко мне! Дохрай, обалдев от подобного, ринулся наперерез и был отброшен ярко-синей вспышкой, а я оказалась схвачена и прижата к противоположной стене кухни сильным телом обнаглевшей и вообще черную магию не уважающей рожи!

Громыхнул взрыв!

Полностью закрытая телом Арвейна, я ощутила лишь порыв ветра от вырвавшегося полтергейста, а после маг прижал мою голову к своему плечу, и черепки разбившейся посуды взвесью повисшие в воздухе, не причинили никакого вреда... мне. Но я отчетливо ощутила, как несколько раз дергался белый, после удушливый запах крови... затем рев.

И стало очень тихо.

— Телль, — Арвейн отстранился от меня и, упираясь ладонями в стену, с нескрываемым осуждением посмотрел в перепуганные сильно накрашенные глазищи черной ведьмы, — на будущее — не стоит экспериментировать в той области магии, в которой ты ни черта не смыслишь!

В чем-то он был, несомненно, прав, особенно если учесть, что по статистике сорок процентов черных ведьм гибнут от экспериментов с магией, но... зря он так со мной. Очень зря. Демонстративно подняла руку, собираясь щелкнуть пальцами.

— Телль! — рык у белого оказался пугающим.

А затем маг перехватил мою руку, прижал к своим губам и как полоумный принялся ее целовать. Мы с рукой были крайне удивлены излишним слюнепусканием; и удивились еще больше, когда от пальцев Арвейн со столь же повышенным рвением перешел к тыльной стороне ладони и запястью. Мы настолько обалдели, что даже не сразу сообразили, что нам банально не дают поставить некоторых на место, а потом вдруг стало не до места, потому как меня схватили за талию и рывком подняли выше, опять же прижав к стене таким образом, что напрочь исключили

возможность соскальзывания обратно, и, сжав запястье уже зацелованной руки, белый прижался к моим губам. Судорожный вздох, полустон-полурык, и у черной ведьмы в голове несколько помутилось от напора белого мага.

И все бы ничего, но не по регламенту это... неправильно как-то. На мне ни платья соответствующего, ни белья, и даже напор мой должен быть, а вовсе не белого. И потому, прогнав туман из сознания, уперлась в грудь мага, вынуждая его отодвинуться. И когда его осоловелый взгляд стал более-менее вменяемым, сухо напомнила:

— Черная ведьма тут я, а предмет охоты — ты.

Изумленно глядя на меня, Арвейн переспросил:

— Что?!

Тьма, я его еще и учить жизни должна.

— Отпусти, — безапелляционно потребовала.

Вместо того чтобы выполнить требование ведьмы, белый окаменел, к стене меня прижал не в пример сильнее и к губам повторно и решительно потянулся...

— Дохрай, — меланхолично позвала я, отвернувшись от излишне настырного белого.

И ничего не произошло.

Ни Арвейн не поцеловал, ни Дохрай не отшвырнул от меня обнаглевшего мага. Несколько секунд я терпеливо ждала. Потом повернулась, посмотрела на рожу белого — рожа странно улыбнулась в ответ. Нахмурившись сильнее, сдвинулась — в желании узнать, где вообще мой хранитель. И увидела... Что кухни у меня больше вообще нет, вот что я увидела! То есть совсем нет! Посреди обугленного помещения имелась черная дыра! Как от взрыва! Плита, кастрюли, сковородки, шкафы, чугунки — все это в виде черепков, щепок и осколков или устилало пол, или протыкало стены! Кстати, часть черепков, осколков и щепок щедро утыкала спину и плечи белого мага... и запах крови, который ощущался, это была его кровь.

— О Тьма... — потрясенно выдохнула черная ведьма.

— Скорее о Свет и Тьма, — усмехнулся Арвейн. — Никогда не смей смешивать два полярно противоположных источника без моего присутствия, Телль.

— Но... — я все еще с ужасом оглядывала то, что еще пару мгновений назад было моей кухней, — но госпожа Анарайн сказала, что кровь даст Гардэму... и что это просто...

— Элим проводила обряд в присутствии двух сильных белых магов —

меня и своего мужа, естественно, для нее все было просто! — Арвейн скрипнул зубами и отпустил меня.

Затем отступил на шаг, закрыл глаза, и его окутало голубоватое сияние — в тот же миг все осколки покинули тело и опали на грязный черный от сажи пол. Белые умеют себя лечить. Меня же маг интересовал менее всего, и, оглядывая погром в поиске Гардэма, я повторно позвала:

— Дохрай.

Тишина, затем донесшийся издали рык.

Обойдя Арвейна, торопливо вышла из кухни и увидела прикованного к полу своего духа-хранителя! Серебристая призрачная сеть не оставляла сомнений в том, кто его сковал.

Протянув руку, внедрила в сеть толику собственной силы, и сеть обратилась облаком стремительно угасающих искорок. Дохрай с ревом подскочил и едва не ринулся мимо меня на кухню, но был остановлен кратким:

— Нет.

Застыл зеленым мускулистым чудищем со стремительно растущими когтями, вопросительно глядя на меня. Ответила ему злым взглядом, и Дохрай стремительно увеличился в размере. Когда-то мой дух был болотным шайтаном. Редкий демон, и мне безумно повезло, что он погиб от старости в момент, когда я впервые активировала свой источник. Из всех духов преисподней я выбрала Дохрая, даже не знаю почему. Просто взгляд зацепился за него, его и притянула, тогда еще не понимая, насколько сильным хранителем обзавожусь. Дохрай действительно был силен — сильнее всех духов в магистериуме. Обретший вторую жизнь, он начал опекать меня как собственную дочь, заботился, следил, утешал, помогал в обучении и гордился моими успехами так, как не гордились даже мама и бабушка. И никогда не проигрывал. Никому.

До этого дня!

— Орден, — одними губами сказала я.

Дохрай сузил и так узкие глаза, глянул в сторону дверного проема, кивнул мне и истаял. Но не сдался, нет, мы, черные, вообще никогда не сдаемся — в преисподнюю рванул, за советом. Орден орденом, но на любой замок своя отмычка найдется, а в любой крепости слабое место.

Я же вернулась на кухню и осторожно приблизилась к черной дыре в полу, заглянула вниз — оттуда на меня смотрели два синих слишком больших для кошки глаза, затем раздалось гневное рычание... тоже вообще не кошачье.

— Телль, отойди, — приказал стремительно регенерирующий маг.

Щелкнув пальцами, призвала огонь и, совершенно игнорируя белого, принялась выжигать в полу дыру побольше, в эту маленькую монстр, а судя по рыку, там было явно чудище, точно не пролезет.

— Телль! — рявкнул Арвейн.

Щелчок пальцами — и вместо мага симпатичный дуб на двух ногах.

— Очень смешно, — вернув себе истинный облик, заметил белый.

И так как я продолжала портить собственный пол, заговорил, все более распаляясь:

— Между прочим, могла бы проявить хоть каплю благодарности! Хоть толику! Хоть...

Завершив выжигать круг в полу, повернувшись, взглянула на несколько растрепанного окровавленного мага и прямо спросила:

— За что?

— Что? — не понял белый.

— За что мне быть тебе благодарной? — Я даже толком не злилась, не до злости было.

Поправив волосы, Арвейн с некоторой долей пафоса заявил:

— Я тебя спас, если ты не заметила.

Психанув, превратила гада в шкаф. С посудой. Такой, какой тут до взрыва и потустороннего смерча был! С моими любимыми тарелочками и чашечками! И горько сожалела о потерянном, пока маг не вернул себе прежний облик. А когда вернул, укоризненно на меня глядя, мрачно сообщила:

— Ты меня не спас, ты мне кухню угробил.

— Кухню ты сама угробила, — не согласился белый. — Или, по-твоему, взрыв и полтергейст для помещений проходят совершенно безвредно?!

То есть мы еще и иронизируем.

— Да у меня такие взрывы по три раза в неделю в лаборатории! — заорала черная ведьма. — И как видишь, лавка в целости и сохранности!

Арвейн недоуменно-недоверчиво заломил бровь.

— Меня и лавку защищает Дохрай! — рявкнула я.

На лице мага отразилось нечто неопределяемое.

— А теперь пошел вон, к обожающим тебя кобыле и птахе!

Несколько обескураженный белый все же огрызнулся:

— Там конь.

— Не присматривалась и не буду! Вон отсюда!

Но тут пол дрогнул, словно в него тараном ударили, и, выбив выжженный мной круг, в лавку запрыгнул... тигр. Огромный, белый в

черную полосу голубоглазый тигр. Уточнение — это был злой тигр. И причина его злости была мне совершенно очевидна.

— Кошки отменяются, — пробормотала черная ведьма.

Тигр яростно забил хвостом по полу и зарычал втрое громче.

— И я разорюсь на мясе, — второе меня расстроило куда больше, чем возникшие трудности в личной жизни Гардэма.

Тигр перестал бить хвостом и призадумался.

— А может, ты обратно в кота? — осторожно предложила.

Развел когтистыми, кстати, лапами, мол, «я бы с радостью, но как?», потом зарычал, недвусмысленно указывая, кто виноват в метаморфозе.

— Я разорюсь, — поняла со всей определенностью.

Гардэм издевательски оскалил клыки — судя по довольной тигрячей морде, его такая месть зарвавшейся ведьме вполне устраивала, в конце концов, он не желал есть окровавленную мной рыбку, а я настояла.

— Но сейчас ведь ты сытый, да? — поинтересовалась без особой надежды.

Мне указали на внушительную пасть и сообщили:

— Мяв.

— Тьма! — выругалась несчастная черная ведьма и опять пошла на рынок.

Попыталась.

Потому что стоило мне выйти на порог, как взгляду представилась расстроенная толпа, которая смотрела куда-то в район фонтана.

— Что там? — громко спросила черная ведьма.

Толпа расступилась — там оказалось нечто. Совсем нечто. Там морда бил нового священника мордой о вязанки дров. Ритмично и методично, попутно что-то ему выговаривая.

— Так, я не поняла, — ошарашенная черная ведьма спустилась на пару ступенек вниз, — это что сейчас происходит?!

Ответила мне басовитая госпожа Торникай:

— Господин мэр выразил недовольство тем фактом, что его не поставили в известность о готовящемся акте вашего сожжения.

— Что-о-о?! — мой голос осип от обалдения.

Нет, они все что, издеваются? Над бедной несчастной черной ведьмой банально издеваются?! У меня одна надежда на развлечение была, а теперь что?!

— Так не пойдет! — окончательно разозлилась я.

Толпа радостно расступилась сильнее, ожидая моих действий, но мне сейчас до толпы не было никакого дела — подхватив юбку и придерживая

черную островерхую шляпу, я сорвалась на бег с воплем:

— Господин мэр, вы что себе позволяете?

При звуке моего голоса морда перестал бить священника, повернулся и удивленно посмотрел на приближающуюся меня. К слову, градоначальник был не один — рядом со сжигательным постаментом обнаружилось человек двенадцать ранее мною в Бриджуотере не наблюдаемых и отряд самых настоящих белых магов в серебряных доспехах и при белых плащах. Но все это сейчас не имело совершенно никакого значения.

— Господин мэр, — каблучки звонко стучали по булыжникам, которыми была вымощена площадь, — господин мэр, прекратите немедленно!

Рука морды, сжимающая сутану священника разжалась, и несчастный служитель церкви медленно сполз на землю. А сам мэр выпрямился, странно на меня взирая.

Торопливо подбежав, я отдышалась, поправила шляпку, оправила юбки, обнаружила, что каким-то невероятным образом несколько пуговиц на вороте моего платья расстегнуты... застегнула, снова оправила платье и, направив указующий перст на господина Бенхарда Джонатана Вегарда, гневно потребовала ответа на вопрос:

— Это что вы тут устроили?!

Ничего не ответив, мэр почему-то посмотрел куда-то за меня. Обернувшись, увидела выходящего из моей лавки мага. Белый был полуобнажен и зол — ничего удивительного, нечего было спине черепкам подставлять. Просто кожу-то он залечил, а одежда вся порванная и окровавленная осталась. И странно даже, что брюки не пострадали.

А лицо у мэра как-то изменилось.

— Арвейн вам не поможет! — зло сообщила я.

— Ар-р-рвейн, — эхом повторил Вегард.

Зло повторил. Угрожательно даже.

Сидящий под вязанками священник почему-то тихонько взвыл, и это вернуло меня к действительности и отвернуло от мыслей о странном эхе, коему почему-то уподобился мэр.

— Господин мэр, вы так и будете молчать?! — спросила злая черная ведьма.

Он промолчал.

— За какой Тьмой вы мне сожжение портите?! — сорвалась я на крик.

Мэр, до этого продолжающий смотреть в сторону моей лавки, перевел взгляд на меня. Взгляд был какой-то тяжелый и неприятный, от него

почему-то захотелось защитным заклинанием прикрыться... Так, не туда мысли умчались.

— Господин мэр!

Расправив плечи и выпрямив спину так, что сразу стал значительно внушительнее, мэр хрипло произнес:

— Я вас внимательно слушаю, госпожа ведьма.

Священник продолжал подвывать, и это несколько портило разговор.

Подняв глаза к небу, посчитала всех пролетающих мимо птиц — семь штук, и, успокоившись, гораздо сдержаннее произнесла:

— Господин мэр, не будете ли вы так любезны сообщить мне, для чего вы избили господина нового священника?

Священник перестал выть и изумленно уставился на меня. Мэр не удивлялся, мэр прямо спросил:

— Госпожа ведьма, а вас не беспокоит тот факт, что данный индивид собирался вас показательно сжечь?

— Нет, — кристально честно ответила черная ведьма.

Прищурившись, градоначальник недоверчиво уточнил:

— То есть вы совершенно не против того, что к вам ворвутся священнослужители, разденут до нижней рубашки и босиком поволокут до телеги. А затем вас связанную провезут через весь город, под градом тухлых овощей, которые в вас будут бросать горожане, после чего вы будете привязаны к столбу и вслед за инсценировкой божьего суда сожжены?

Выслушав весь лишенный и толики реальности монолог, все так же честно ответила:

— Не выволокут, а сама выйду, в остальном, естественно, нет.

Лицо морды вытянулось.

— Госпожа ведьма, — раздался голос из толпы незнакомых мне офицеров, — вы в своем уме?

А это уже оскорбление — вскинув руку, молча щелкнула пальцами. В следующее мгновение вместо высокого офицера стоял дуб. Да, в последнее время тяготеем к деревьям, они мне морально ближе, ко всему прочему молчат и магию уважают. Один из белых протянул руку в попытке снять чары, и... деревьев стало два. Дуба из белого не получилось, но березка очень даже, и смотрелось миленько.

Мэр оглянулся, посмотрел на потенциальный городской парк, вновь уделил внимание мне и спросил:

— И зачем это?

— Бесят! — предельно честный ответ. И гневное: — Знаете что,

господин мэр, вы меня тоже бесите!

— Правда? — переспросил издевательски.

— Представьте себе! — ведьма пришла в негодование. — У меня, между прочим, выдался очень тяжелый день! С утра вы и купание в грязном вонючем озере! Потом госпожа Анарайн и ее «добрый совет», чтоб этой магине в камень втрескаться, моровой язвы на нее нет!

— Так, а вы наслите, госпожа ведьма, — предложил этот охамевший избиватель священнослужителей.

Идея мне неожиданно понравилась, и за Гардэма я была зла. Вскинув руку, призвала маленькую тучку, окутала зеленой пылью и отправила к магине, как минимум на экстракт корня зведгоры потратится, не одной же мне расходы нести. Ко всему прочему вряд ли на ней сейчас защитный амулет...

— А потом к вам зашел белый маг, не так ли? — Тон у мэра вдруг стал странный.

— Из-за него я осталась без кухни и всего, что накупила из еды, — расстроилась я.

Кухню было очень жаль. И еду было тоже жаль. И Гардэма... но больше всего я жалела в данный момент свой кошелек.

— Вы даже разнесли кухню... — Мэр теперь выглядел окончательно странно.

Сокрушенно кивнула. Но мысли о растратах и предстоящем ремонте не отвлекли меня от главного:

— И вот наконец за весь этот паршивый и скучный год у меня впервые хоть какое-то развлечение, а вы, — негодуяще указала пальцем на мэра, — совершенно беспардонным образом мне все портите! Это вообще мой священник! И я требую, чтобы меня взяли сжигать до того, как сюда явится Люсинда и попытается перехватить мое сожжение!

В этот момент раздался звон колокольчика, а потом вся толпа, ахнув, развернулась в сторону главной дороги. И я, самая несчастная черная ведьма на свете, увидела сокрушительный конец всех моих чаяний — потому что в черной телеге господина Враса, которая вообще-то для перевозки навоза использовалась, но сейчас была вычищена, выкрашена черным и имела посередине столб, обреталась привязанная к нему Люсинда в полностью соответствующем регламенту наряде — идеально встрепанные космы, серая рваная сорочка, босая ножка выставленная в разрезе одежды и бледное лицо сияющей от счастья самодовольной ведьмы. Правил телегой сам господин Врас, нацепивший на себя подобие сутаны и бумажный колпак, пародирующий колпаки священнослужителей.

— Так, я не поняла, — раздался негодующий голос Люсинды, — в меня гнилыми овощами кидать собираются или как?

Священник тихонько запричитал. Мэр поднял голову вверх и принялся считать пролетающих птиц. А я... я едва не плакала. А потому что:

— Так нечестно! — Обидно было чрезвычайно.

— Телль, ты не по регламенту одета, так что извиняй, — нагло ответила Люсинда, высовывая ножку еще сильнее, чтобы ее всем было видно.

От возмущения я хватала ртом воздух.

И вообще — подло, вот!

— Ты... ты... да за тобой даже священнослужители не приехали! — заорала взбешенная черная ведьма.

— А по регламенту самой являться на сожжение не возбраняется, — заявила Люсинда и, вскинув подбородок, заголосила: — Ой, я несчастная черная ведьма, ой, меня сейчас жечь будут! Э, а ну стоять!

Не сразу поняла, кому это она, но тут заметила священника, который до окрика попытался на четвереньках уползти в толпу офицеров с дубом. Мне захотелось разнести все к демоновой матери!

— Стоять, я сказала! — Люсинда обеспокоилась.

А священник ускорился.

— Э, кто меня жечь будет, а? — возмутилась черная ведьма.

И тут святой отец остановился, повернулся и, указывая на мэра, тоненько проорал:

— А не могу я! Господин мэр запретил любые общественные сожжения, сказал только с его разрешения, так что все вопросы в мэрию, в письменном виде, в десяти экземплярах.

— Что?! — разом завопили мы с Люсиндой.

Но после ведьма заорала:

— Слушай, ты, священник, церковь светской власти не подчиняется, понял? Жги давай, кому сказала!

Священнослужитель дополз до дуба, поднялся, хватаясь за его сучки и веточки, после за дерево спрятался и, не высовываясь оттуда, крикнул:

— Ничего не знаю, законам не обучен.

— Так я научу! — Люсинда была в ярости.

И тут мэр произнес:

— Госпожи ведьмы, Бриджуотер находится на военном положении, соответственно, все общественные акты производятся исключительно с разрешения мэрии, но...

Мы с Люсиндой обе на него уставились. Мэр криво усмехнулся и

продолжил:

— Но если вы так жаждете быть сожженными, имеете полное право на совершение аутодафе у себя дома, в печи, к примеру.

Люсинда смачно сплюнула на телегу, после хмуро спросила:

— Господин мэр, а вы женаты?

Он промолчал, спокойно глядя на нее.

— Нет, — мстительно встала я.

— А-а, — понимающе протянула ведьма. — В таком случае я не буду вас убивать и даже мстить вам не буду. И это не акт милосердия, просто поверьте на слово — оголтелые незамужние девицы Бриджуотера, снабжаемые зельями Телль, добьют вас гораздо раньше, чем самое смертельное проклятие.

Но мэр совершенно издевательски ей улыбнулся и сообщил:

— Как видите, я до сих пор жив и здоров. Боюсь, вы сильно переоцениваете возможности своей коллеги.

Люсинда вопросительно посмотрела на меня. Очень вопросительно. Настолько вопросительно не смотрела даже наша самая строгая классная учительница в магистериуме. И я себя несмышленьшем, не справившимся с заданием, почувствовала. Чувство, кстати, до крайности неприятное. Не люблю, когда мне неприятно. Бесит.

А потому, быстро развеяв заклинание, превратившее одного из белых в березку, указала на мужиков и невинно сообщила:

— Белые маги. Много. Свободные. Вроде даже молодые...

В следующее мгновение телега, управляемая прыгнувшей за вожжи Люсиндой, с грохотом уносилась прочь, и я точно знала почему — кто-то помчался менять один регламентированный наряд на совершенно другой.

Мэр удивленно посмотрел на меня. Ничего не говоря этой сволочи, я развеяла и то заклинание, которое позволяло священнику прятаться за дубом, после чего, развернувшись, с самым невинным видом направилась прочь.

— Госпожа Герминштейн, — понеслось мне вслед.

— Господин мэр, я буду жестоко мстить вам завтра, обязательно. Причем скрупулезно и квалифицированно, но именно завтра, — не оборачиваясь, заверила я.

На толпу не смотрела. Вообще ни на кого не смотрела, желая как можно быстрее вернуться в лавку и... Но, подняв ногу, чтобы подняться по ступенькам, остановилась. Вспомнила об имеющемся тигре... Тяжело вздохнула, призвала свой кошелек и, развернувшись, направилась на рынок. Пешком, потому что нужно было хотя бы мысленно составить

список покупок.

По дороге заметила, что от меня шарахаются офицеры из создаваемого гарнизона — стало приятно. Наконец осознали, что черную магию уважать следует.

* * *

Спустя час стремительно совершаемых покупок я возвращалась домой. Пешком, да, просто потому что день был хороший, а за мной неспешно ехали телега и двуколка. В первой имелся шкаф, стол, стулья, занавески на окна, стекла на те же окна, цветы в горшках, ковер, плита, кухонная утварь, холодильный шкаф и семь рулонов тканевых обоев. В двуколке ехало мясо, мясо, мясо, молоко, творог, мука, приправы, специи и так, по мелочи.

План у меня был такой — поставить вариться зелье привлекательности, а потом заняться восстановлением своего жилья, и да — больше никаких белых магов в моей лавке!

Но стоило подойти, как на ступеньках обнаружился не кто-нибудь, а давешний священник. Мужик поднял на меня печальные глаза, осторожно вытер изрядно пострадавший нос и жалобно так спросил:

— Госпожа ведьма, а у вас не найдется сердечных капель?

Нет совести у нашего нового мэра, вон святого отца до сердечного приступа довел.

— Входите, — смилостивилась я. — Дохрай, ты уже вернулся?

Мой верный хранитель призрачным монстром возник на пороге, свергнув священника в состояние дикого ужаса.

— Покупки все в лавку, я иду покормлю Гардэма, разберусь с несчастным священником, поставлю зелье, потом займемся ремонтом.

Дохрай кивнул, но вдруг отрицательно покачал головой и показал мне четыре пальца с загнутыми когтями.

— У нас четверо гостей? — догадалась я.

Хранитель кивнул. Затем незаметно показал на солнце. Ага, все ясно, значит, белые маги.

— И чего им надо? — повысив голос, издевательски поинтересовалась я. — Зелье для мужской силы или мази от интимных болезней?

Дохрай едва сдержал ухмылку, а в лавке послышались возмущенные голоса.

— Да что же это делается? — еще громче заголосила я. — В портовых

кварталах нагуляются, болезней нацепляют, а потом к нам, черным ведьмам, и ходят, болезные!

И тут священник осторожненько так:

— Госпожа ведьма, это не лечиться к вам, просто сховались от другой ведьмы подальше.

— Оу! — Мне вспомнился эпический отъезд Люсинды, и все встало на свои места. — Идемте, святой отец.

Войдя в лавку, обнаружила четырех потрепанных жизнью белых магов. Нет, внешне они были целыми, регенерируют же, но что касается доспехов, плащей, одежды и причесок, то вот тут наличествовали явные следы схватки с обезумевшей от желания продолжить род ведьмой. Оглядев несчастных, сделала им потрясающее предложение:

— Раздевайтесь.

Священник за моей спиной ойкнул, маги разом побледнели, из кухни высунулся Гардэм и сказал:

— Мяв.

— Что «мяв»? — возмутилась черная ведьма. — Мясо свое в лавку сам перетаскивать будешь, кошак-переросток.

За переростка на меня обиделись, но мясо в данный момент сыграло решающую роль, и Гардэм, совершая прыжки, от которых затряслось все вокруг и зазвенели пузырьки с зельями, умчался на улицу.

— Раздевайтесь-раздевайтесь, — ласково потребовала я, обращаясь к магам, — раз уж вы тут «ховаетесь», приобщим вас к ведьминско-полезному труду — уборке за вашим коллегой!

На улице громко урчал довольный Гардэм, который к поеданию четверти туши лесного кабана приступил там же, не отходя от двуколки.

* * *

Спустя час мы сидели в лавке за круглым столиком и пили чай из новых чашек. Чай был вкусный, черный, с нотками цитрусовых, и под оладьи с малиновым вареньем, которые испек священник, пился просто замечательно.

— Не понимаю, — жаловался «березка», ну тот, которого я в березу превращала, — откуда у этой ведьмы тут такая сила?!

Кстати, «березка» замечательно клеил обои, и теперь вся моя новая кухня была нежно-салатовая в яркий желтенький цветочек. И конечно, можно было бы сесть на кухне, но даже магией запах краски и обоевого

клея за пять минут не выветривается. За час можно было бы, но за пять минут никак.

— Мой источник, — пояснила я Зигфриду. — Люсинда была гостьей в моем доме, поэтому способна брать часть силы от моего источника.

— Ужас, — выдохнул Люнан, маг-оруженосец.

— У нас, белых, источник внутри мага и принадлежит только магу, — вставил Зорад, третий из белых.

— Белым быть лучше, мы всегда сильные, — добавил четвертый, Герман.

Я насмешливо фыркнула, намекая, что кто-то вообще-то у меня тут прячется. Причем Люсинда об этом знает, но по регламенту врываться в дом в момент моего общения с потенциальными производителями черных ведьм права не имеет, вот и носится уже двадцатый круг по площади, пугая народ регламентированным нарядом.

— Еще чаю? — спросил священник.

Он такой хозяйственный оказался, просто приятно посмотреть. Поначалу сидел в кресле для клиентов, дрожал всем телом, но после двадцати капель успокоительного освоился, помогать начал, мебель с Дохраем таскал, попутно расспрашивая моего хранителя на тему ада.

«Березка», заметив мою скептическую ухмылку после упоминания их источника, мрачно пояснил:

— Она же женщина да ко всему прочему изголодавшаяся по мужской ласке, против такой ни одного боевого заклинания не применишь, вот мы и...

— Спрятались, — подсказала я.

— Совершили тактическое отступление, ожидая возвращения мэтра Октариона! — насупился «березка».

То есть, по их мнению, мэтр Арвейн сюда вернется?! Изумленно вытаращилась на белого.

— Ну, — смутился Зигфрид, — вы же все-таки его женщина... и...

Кто-то с грохотом поставил чашку на стол. Естественно, это была я.

Святой отец ойкнул, подскочил, пролепетал:

— А там пирожки подошли уж... — и сбежал в кухню.

Маги возмущенно посмотрели на Зигфрида, Зигфрид... вспомнил о чувстве самосохранения и предложил:

— Пойду, что ли, свежим воздухом подышу.

— Иди! — рявкнула я.

Лицо у «березки» сделалось очень печальным, глаза большими и просительными, нос шмыгнул жалостливо.

— Иди-иди, — мы, черные ведьмы, жалостью не отличаемся, — тебя там «твоя женщина» ждет, дождаться не может, уже все туфли, требуемые по регламенту, стерла!

Маг сник. После снова грустно так на меня посмотрел и...

— Ладно, сиди, — прошипела злая я, — но заруби на своем беломагическом шнобеле, что Арвейн сюда в жизни больше не...

И тут распахнулась дверь, впуская сияющего белого мага в серебристом костюме и с развевающимся белоснежным плащом за спиной.

— Телль, — начал он с порога, — я мебель тебе при...

На этом маг умолк, обозревая полуголую компанию, в которой я изволила пить чай. Компания же смотрела на злую меня! Из кухни высунулся священник и робко спросил:

— Госпожа ведьма, вам пирожки сахарной пудрой посыпать?

— Да, будьте так любезны, — отозвалась, чувствуя, что медленно зверею.

— А господину главному магу чаю налить? — последовал еще один вопрос.

— Нет, господин маг уже выметается и больше на пороге моего дома не появляется! — прошипела разъяренная ведьма.

Священник юркнул в кухню, маги, осознав, что сейчас кому-то, а точнее, всем вокруг влетит, торопливо поднялись, дожевывая кто что имел, и только мэтр Октарион даже не дернулся, продолжая укоризненно на меня смотреть.

— Испарись лучше, — посоветовала магу.

— Между прочим, я пришел извиниться, — зло ответил он.

— Мне твои извинения... — с намеком протянула я.

Намеку кое-кто не внял.

— Телль, — прорычал Арвейн, делая шаг в лавку.

И тут под его ногами разверзлась бездна! Яркое пламя, метнувшись вверх, опалило волосы белого, дым, наполненный искрами, вмиг превратил его белоснежный плащ в нечто грязно-горелое местами прожженное.

Надо сказать, я если и была удивлена, то совсем немного, гораздо больше в моем удивлении имелось восхищения Дохраем, сам дух-хранитель не высовывался, но я точно знала, что он сейчас здесь. Все-таки не зря мотался в преисподнюю.

— Это что? — делая шаг назад, спросил Арвейн.

— Предупреждение. — Я с самым довольным видом отхлебнула глоток чаю.

— У тебя хранитель... мстительный. — Маг сделал еще шаг назад,

отряхнул тлеющий плащ.

— Весь в меня, — заметила черная ведьма, демонстративно подняв руку.

— Т-т-те... — начал было Арвейн.

Щелкнула, и молчаливый дуб возмущенно зашевелил листочками. Тихо так стало и хорошо. Разве что огонь потрескивать чуть громче стал, потому что Дохрай у меня действительно мстительный, и разлом бездны придвинулся чуть ближе к дубу... и еще ближе, и...

Вспышка света, и белый маг сам отступил за порог — вот и замечательно, нечего злить черную ведьму.

Кстати, о ведьмах — а где Люсинда?

Я встала и направилась было к окну, когда разъяренный Арвейн укоризненно произнес:

— Я вот тебе мебель привез, а ты?!

Искоса глянув на его бело-золотое одеяние, поинтересовалась:

— Надеюсь, не в своей излюбленной цветовой гамме?

Маг нервно сглотнул, сделал пасс рукой в сторону стоящей рядом с моей лавкой телеги, и все, что я увидела, — белое покрывало, накрывшее собственно мебель.

— Мастера привез, — хмуро заключил Арвейн.

Тут я пригляделась к площади и засекала тактическое уползание Люсинды. Ведьма именно ползла, пригибаясь и замирая, при всем при этом постоянно в сторону мэтра Октариона поглядывая. Хм...

— Дохрай, убери это, — потребовал разъяренный белый маг.

— Дохрай, белых выпусти, а этого больше не пускай, — приказала я.

После чего щелкнула пальцами — чашки и тарелки белых, радостно подпрыгивая по воздуху, умчались на кухню, где принялись бодро отмываться, я же вернулась за столик и взяла себе пирожок, старательно посыпанный лично для меня сахарной пудрой. Дохрай предупредительно кинул мостик для белых, и те, вежливо со мной попрощавшись, покинули обитель вражеской магии. Арвейн, что примечательно, пододвинувшись, чтобы пропустить своих подчиненных, вновь нарисовался в моем дверном проеме — местами обугленный, повсеместно злой, на лице основательно укоризненный.

— Кстати, — я прожевала откушенное, — ты действительно главный?

— Я уже сказал, что не собираюсь обсуждать данную тему, — мрачно произнес маг.

Безразлично пожав плечами, махнула двери, и та с громким хлопком закрылась перед самым носом мэтра Арвейна Октариона.

Господин священник, высунувшись из кухни, благоговейно поинтересовался, указав на разверзнувшуюся бездну:

— Ад?

— Ныне, присно и вовеки веков, — подтвердила я.

— Аминь, — сказал священник и вернулся ко мне за стол, допивать свой чай.

Арвейн долго не маячил перед дверью — терпение, видимо, не относилось к его добродетелям, и после расспроса своих подчиненных удалился. Святой отец также долго не задерживался и, допив чай, поспешил откланяться. Завернула ему с собой на дорожку пирожков и выдала еще пару пузырьков успокоительного зелья.

* * *

Проводив служителя церкви, я проверила уже поставленное вариться зелье привлекательности, после чего устроилась на пороге — вечер выдался теплый и приятный, и принялась писать письмо единственной любящей родственнице.

«Дорогая матушка, пишу тебе из...» — огляделась: город шумел, по площади бродили празднично одетые пары, где-то посреди площади устраивалось представление уличных актеров, владельцы чайных, закусочных и ресторанов зычно зазывали клиентов, дети кругом носились с воздушными змеями.

«...пишу тебе из самой лесной глухой и непролазной чащи», — продолжила я.

— Госпожа ведьма, — ко мне подбежал малыш Гуннер из семейства Атторберг, — госпожа ведьма, хотите конфетку?

И не ожидая моего ответа, сунул шоколадную конфету в яркой обертке и убежал. Не удержавшись, щелкнула пальцами, посылая в его воздушного змея щепотку магии — сказочный зверь зарычал и метнулся догонять деток, те, радостно завизжав, бросились врассыпную.

«Скучно тут, — продолжила я строчить послание, — безлюдно и тоскливо, разве что... — взгляд мой заметил господина мэра с заместителями, важно шествующего по площади с инспекционным видом, — медвежьи морды на ближайšie кусты малины повадились», — вывела кривым почерком.

В этот момент на великолепном белоснежном жеребце показалась прекрасная белая магиня в снежной пелерине и нежно-голубом

сверкающем платье; стоит ли говорить, что все влюбленные парочки разом поспешили раствориться в улочках и переулках, дети молча умчались следом, да и зазывания клиентов прекратились в тот же миг. И тишина наступила такая напряженная...

«А спросить я вот что хотела, — продолжила выписывать на пергаменте, — донесла тут давеча, — взгляд на магину, — сорока, что при определенных обстоятельствах у черных ведьм от белых магов белые же магини и рождаются. Не по регламенту это, матушка, вот и не верится мне, что возможно подобное. В остальном все беспросветно и скучно, книги магические от скуки почитываю, сплю много, питаюсь, как и положено, не мерзну, на ночь теплые носки надеваю, не болею. С искренним уважением и почитанием, твоя дочь».

Поставив замысловатую подпись, свернула письмо и щелкнула пальцами.

Ближайшая ворона примчалась на зов тотчас же, покорно съела печенку, получила свиток, каркнула и умчалась уносить письмо моей дорогой матушке. И да — совесть меня за вранье вовсе не мучила, в конце концов, черная я или как. И в целом мамина мечта о том, что я до поступления в аспирантуру проживу в лесной глуши и абсолютной безопасности, меня лично вовсе не прельщала, как, впрочем, и аспирантура за крепкими, высокими и надежными стенами магистериума. Не мое это и не для меня. Лично у меня были гораздо более обширные и масштабные планы на эту жизнь, и я собиралась после появления дочери и, соответственно, наследницы, рискнуть и выдвинуть свою кандидатуру на пост одной из семи верховных ведьм. И дело не в том, что это было моей мечтой, а так, исключительно из вредности. Мы, черные ведьмы, все исключительно из вредности стремимся к посту верховной ведьмы, потому и участвуем столь активно в попытках сожжения нас, любимых. Просто на пост верховной можно претендовать лишь при следующих условиях — наличие дочери, семь ритуальных сожжений по регламенту, два призыва высшего демона, наличие мстительного хранителя и еще пара вещей по мелочи. У меня пока недоставало только дочери и еще шести сожжений, а с высшим демоном мы даже слегка подружились, так что факты его вызова он мне точно подтвердит.

Перед столом возник Дохрай с вопросительным видом.

— Да-да, три часа непрерывно помешивать, — подтвердила я.

Дух указал на себя когтистым пальцем и отрицательно покачал головой.

— Ты, а кто еще?! — возмутилась ведьма. — Я помешивать не буду, у

меня от этих испарений вся кожа испортится.

Дохрай изобразил тяжелый вздох, но затем оживился и указал на Гардэма, который развалившись преспокойно спал у меня под столом, портя черной ведьме всю черную репутацию своим белым видом.

— А у него шерсть выпадет, — меланхолично поведала я.

Дух-хранитель, беззвучно выругавшись, махнул на меня рукой и улетел мешать зелье. Да, эксплуатирую самым бессовестным образом, но совесть — качество в наших кругах не уважаемое, так что...

В этот момент мое внимание привлек любопытный казус — белая магиня гордо и с самым возвышенным видом направила свою лошадь к самому господину мэру и его сопровождающим, вероятно, имея целью привлечь градоначальственное внимание. Цель была достигнута, и Бенхард Джонатан Вегард заинтересованно уставился на лошадь. Ничего не понимающая госпожа Анарайн в процессе подъезжания поправила и прическу, и браслеты, и даже декольте, для чего полурасстегнула пелерину, но мэр продолжал пристально смотреть исключительно на лошадь. Лошадь — на мэра. Магиня — на мэра, уверенно направляя к породистой мэрской морде крайне породистую лошадь... Все сопровождающие тоже внимательно смотрели на лошадь, что прямо свидетельствовало о том, что мужики в курсе моей мести и отношения подкованнокопытных к мэру...

Даже мне интересно стало.

Просто магини, они же слабые, а потому свои транспортные средства подвергают заклинанию «абсолютного послушания», и лошади, соответственно, абсолютно покорны. Но те вещества, что я использовала для зелья, воздействуют на лошадиный инстинкт самосохранения, так что... да, мне тоже интересно было, чем все закончится. И мэру очень интересно, явно устал пешком бродить, и сопровождающим любопытно до крайности, одна госпожа Анарайн ничего понять не может, в смысле почему это ей вдруг никакого внимания, а все животинке подчеркнутое всеобщее.

Двадцать метров — лошадь продолжает покорно идти к мэру. У мэра лицо становится такое заинтригованно-заинтересованное.

Пятнадцать метров — белая магиня понять не может, почему все присутствующие внимательно следят за лошадью, а до лошади наконец дошел источаемый мэром аромат...

Десять метров — лошадь встала!

На лице мэра ярость, на лицах окружающих глубокое удовлетворение, что явно свидетельствует о непопулярности господина Бенхарда в мэрии, моська магини выражает искреннее удивление. Дальше случилось

следующее — градоначальник взбешенно смотрит на меня, черная ведьма коварно-радостно ему улыбается, сопровождающие мэра окидывают меня уважительно-благоговейными взглядами, госпожа Анарайн возмущенно вопит: «Пошла!»

И казалось бы, что может быть лучше торжества черноведьминской мести?! Оказалось, что вполне даже может, когда над белой магией зависла маленькая черная тучка. Такая маленькая, но очень ядовитая... Это которую я магии по совету некоторых отправила, в момент стенаний по сжиганию.

Грянул гром!

Госпожа Анарайн испуганно вскинула голову, глядя наверх, и узрела, как из маленькой черной тучки устремляются вниз капли с моровой язвой... Мдям, а я уже и забыла про эту месть. Ну я же говорю, мы, черные ведьмы, всегда так — отомстим и забудем, а потому снова отомстим.

Белая магия догадалась о подлянке лишь когда по ее прекрасным рукам начали расползаться внушительные язвы.

А дальше началось самое веселое!

Раздался истерический вопль, окончательно разогнавший всех с площади, мэр, как истинный джентльмен, метнулся спасать даму. Лошадь, как разумное животное, обладающее инстинктом самосохранения и превосходным обонянием, встала на дыбы, роняя магию, после чего, высоко задирая ноги, умчалась в закат. Мэр, совершив невероятное усилие, умудрился подхватить госпожу Анарайн, чтобы тут же едва не выронить — моровая язва-то не слишком привлекательное зрелище, так что сопровождающие мэра с воплями «Чума!» помчались с площади вслед за галопирующей лошадей.

В завершение всего бедлама раздалась громкие ироничные аплодисменты.

Мои, даже отрицать не буду.

И я бы даже еще до саркастичного смеха снизошла, но тут появился Дохрай и безапелляционно указал на вход в лавку. Пришлось быть послушной черной ведьмой, тащиться в лабораторию, снимать треснувшую реторту, в которой кипело шипастое зелье, брать на контроль мензурку из зелья красоты и привлекательности, подавив в себе желание в него тоже шипов бухнуть, ну и, собственно, провозилась я до самой ночи.

Ночью поужинала остатками кулинарного творчества служителя церкви. Гардэму мяса из холодильного шкафа достала и после душа завалилась спать.

Кто бы знал, что и ночь у меня будет очень непростой!

Началось все со странного льющегося звука.

То есть спишь, никого не трогаешь, а рядом чего-то льется...

— Виски, коллекционный, — раздался голос мэра. — Выдержка пятьдесят лет, десять лет хранил. Будете?

Я была абсолютно уверена, что мне это снится. Ну бывают у черных ведьм плохие сны, чего уж тут. А потому, повернувшись на другой бок, я уже собралась продолжить беззаботно спать, как раздалось:

— Также в наличии жаренные в горчице и меду куриные крылышки, запеченный морской окунь, рулька в пиве и свежая клубника с топленым шоколадом. На вашем месте я бы проснулся, госпожа ведьма.

Таких снов мне еще не снилось.

В смысле никто никогда блюда не перечислял, и проснуться предложений не было.

Села на постели, потеряла лицо, с трудом разлепила веки...

И подумала, что лучше бы это был сон!

Потому что перед моей кроватью стоял стол. И один стул, на котором сидел мэр. А собственно, больше перед кроватью ничего не было. Вообще ничего! Включая стены моей собственной спальни!

— Вот... Тьма, — пробормотала потрясенная ведьма, рассматривая сияющие над головой звезды.

К слову, звуков города не было слышно вовсе. То есть вообще вокруг царила тишина, пели птицы и шумели деревья где-то чуть дальше обозреваемого мной пространства, которое было тускло освещено несколькими стоящими в подсвечнике свечами.

— Это что? — прикрываясь одеялом, потрясенно спросила я.

— Видите ли, госпожа ведьма, я тоже не так беззащитен, как могло бы показаться, — широко улыбнулся господин мэр. — Виски?

Недоуменно глянув на него, черная ведьма аккуратно сдвинулась к краю постели, свесила ножку, потрогала травку...

Мы в лесу!

— Парк за мэрией, — развеяли мои предположения.

Слава Тьме, значит, тут я вполне не беззащитна.

— Вам совершенно нечего опасаться, — продолжили подчеркнуто дружелюбным тоном, — я хотел лишь поговорить.

Недоверчиво приподняв бровь, посмотрела на господина мэра. Просто странно все это и для этой охамевшей морды вообще не типично. И обстановочка странная, и...

— Считайте это попыткой принести свои извинения. — Бенхард Джонатан Вегард налил себе в граненый стакан, после туда кинул льда из

блюдечка, отсалютовал мне, выпил.

Подозрительно прищурившись, черная ведьма присмотрелась и поняла — это не в честь праздника он виски открыл, это мужик гордость свою запивает. Хм. То есть меня сейчас будут просить. Хм... Интересно, о чем?

— Зелье не магическое, и снять с вас его воздействие я не смогу, предупреждаю сразу, — честно сообщила черная ведьма.

Мэр подавился, но мужественно допил все до конца.

А едва стакан поставил на стол, я осторожно добавила:

— Срок действия — неделя.

Мэр сглотнул, взялся было за стакан... передумал, взял бутылку и начал пить прямо из горлышка, заливая свое разочарование коллекционным и явно безумно дорогим виски.

— Простите, господин мэр, — даже не знаю, с чего взялась извиняться. — Просто вы меня напугали, а я своих слез никому не прощаю.

Морда пить перестал. Резко поставил бутылку на стол, посмотрел на меня прямым немигающим взглядом, и кое-кто понял, что вообще зря рот открыл. И тут же глаза опустила, и вообще сразу назад в свою лавку захотелось, и...

— Я вас до слез довел?!

Даже отвечать не стала. Пиетет, репутация, все такое.

— Аэтель?

— Мы не настолько близки, чтобы вы называли меня по имени, — прошипела раздосадованная ведьма и подняла руку.

Вот превращу его сейчас в дуб, или в камень, или в осла, или...

Пальцы щелкнули. Зеленоватые искорки осыпались, охватывая мою кровать, у которой начали стремительно отрастать ноги. И вот ноги отрастают, а мэр возьми и скажи:

— Это моя кровать.

Присмотрелась, повнимательнее присмотрелась и поняла, что кровать действительно мэрская.

— Я вас так, в одной ночной рубашке выкрал, — мрачно сообщил Бенхард Джонатан Вегард.

Все-таки имечко у морды тяжелое такое.

Тяжелым оказалось не только имя.

— Госпожа ведьма, — мэр все так же мрачно взирал на меня, — очень жаль, что последствия вашей глупейшей проделки необратимы, но нам в любом случае стоит поговорить. И разговор будет серьезным.

В следующий миг мэр извлек странную темную коробочку, разместил на столе, открыл...

Любопытная черная ведьма потянулась, намереваясь увидеть, чего же там, и поняла, что коробочка пуста. Совершенно. Абсолютно. Не поверила, щелкнула пальцами, призывая огонек, чтобы рассмотреть получше, и поняла страшное — ничего не произошло. Щелкнула пальцами повторно... ничего.

— Блокиратор магии, — сухо оповестил меня мэр.

Одной черной ведьме очень резко вдруг стало крайне неудобно здесь находиться.

— Ловец, — теперь и мой голос был крайне мрачным.

Он усмехнулся и кивнул.

— А кое-кто говорил про разведку, — ехидно протянула я.

Поведя плечом, господин Вегард произнес:

— Вы же понимаете, что ни одно государство не признается в том, что в период военных действий, да и не только, уничтожает наиболее сильных магов противника.

И это было правдой. Против магов вражеского государства выставляли своих магов, а вот против сильнейших из одаренных силой — ловцов. Ловцы магией не владеют, ни магией, ни магическим резервом, соответственно, отследить их невозможно, тут даже искатели бессильны. Но и ловцов мало, крайне мало, и чаще всего они гибнут, потому что сильнейшие маги сражаются отчаянно, до последней капли крови, и я не могу осуждать их за это.

— Буду откровенен, — продолжил мэр, — на побережье вот уже более пятидесяти лет исчезают черные ведьмы. Но только в этом году в районе Бриджуотера исчезло трое достаточно сильных белых магов.

Он сделал паузу, а я осознала то, что осталось недосказанным — пока пропадали черные ведьмы, никому до этого не было дела, а вот из-за исчезновения белых магов правительство заволновалось. Мерзко.

— Некоторое время, — мэр начал крутить бутылку, стараясь не смотреть на меня, — мы подозревали группу ловцов, но в ночь гибели госпожи Мадины Моргенштейн стала очевидна магическая составляющая.

Вегард оставил бутылку в покое, посмотрел на расстроенную ведьму и продолжил:

— Мне искренне жаль, что я стал причиной ваших слез, но это ничего не меняет — вам придется уехать, госпожа ведьма. На окраину города или вовсе переехать в иной населенный пункт, однако ваш черный источник в центре Бриджуотера в данный момент — единственная помеха для работы мэтра Октариона и его команды. Его нужно ликвидировать. И либо вы это сделаете сами, либо... — на скулах ловца заиграли желваки.

— Либо? — переспросила я.

— Либо, — мэр уставился исключительно на почти пустую бутылку, — он его подчинит.

Чего?!

— Кто подчинит? — окончательно запутавшись, спросила черная ведьма.

Мэр сжал зубы. Некоторое время смотрел на бутылку, затем, не отрывая от нее взгляда, мрачно произнес:

— Меня всегда искренне удивляли взаимоотношения белых магов и черных ведьм. Никакой логики.

Не согласилась, поинтересовавшись:

— Что может быть логичнее продолжения рода?

Выругавшись, мэр посмотрел на меня и задал неожиданный вопрос:

— А вам известно, для чего белые маги убивают черных ведьм?

Не стала ничего отвечать, только одеяло натянула до самого подбородка.

— Поглощение источника, — жестко просветил меня ловец. — У мэтра Октариона на счету свыше ста. Делайте выводы, госпожа ведьма.

Сделала. Не радостные.

— Уезжайте. — Он смотрел мне прямо в глаза. — Мэрия выкупит вашу лавку за приличную цену, я лично прослежу за тем, чтобы вы прибыли на новое место жительства в целости и сохранности, более того, могу гарантировать вам защиту до того момента, как вы закрепите ваш источник. Но уезжайте из моего города, госпожа Герминштейн.

Черная ведьма медленно встала. И не важно, что ночная рубашка особой длиной не отличается. Осторожно ступая по мокрой от росы траве, подошла к «доброжелателю», зачарованно следившему за каждым шагом. Очень плавно наклонилась и, глядя в его породистую морду, выдохнула:

— А если я не собираюсь уезжать из МОЕГО города, тогда что?

Господин мэр очень медленно сузил глаза.

Черная ведьма протянула руку, пальцы коснулись маленькой черной коробочки... игривое движение — и тихое «бах», едва коробочка закрылась.

Щелчок пальцами и заискрившаяся на их кончиках магия.

— Госпожа Герминштейн... — начал было пришедший в себя ловец, но кто сказал, что мы, ведьмы, отличаемся терпением?!

Правильно, никто, потому что не отличаемся.

Щелчок — и зеленоватый огонь, сорвавшись с пальцев, окутал мэра... и почти сразу сотней искорок опал на траву, не причинив ему никакого

вреда. Ловец, глядя мне в глаза, усмехнулся, протянул руку, налил себе виски в стакан, кинул туда льда, поднял, салютуя мне, сделал глоток.

Противостояние становилось интригующим.

— Составите компанию? — совершенно хамским образом поинтересовался мэр.

Судя по всему, кое-кто чувствовал себя в полной безопасности, и мне оставалось только догадываться — амулет, артефакт, заклинание?!

Не имеет значения.

Щелчок пальцами — и стул, на котором восседала эта охамевшая морда, стремительно обзавелся лианами, которые вмиг спеленали явно не ожидавшего подобного мэра.

— М-м-мда, — только и произнес он.

— Я же все-таки ведьма, — напомнила очевидное.

Мэр не сказал ничего на это, но напрягся, пытаясь вырваться. Зря. Стул был дубовый, крепкий, соответственно, лианы тоже далеко не слабые.

С самой коварной из улыбочек отобрала у некоторых виски, поднесла к носу, приняхалась... Гадость, как есть гадость. Брезгливо поставила на стол. Осмотрела заготовленное угощение и, ничуть не стесняясь, взяла клубничку, обмакнула в шоколад и уже собиралась съесть, как услышала тихое:

— Не связывайтесь с Октарионом, Телль. И уезжайте из города.

Клубничку я доела. Затем демонстративно облизнула пальцы и только после этого с грустной задумчивостью протянула:

— Да что же вы никак не поймете, господин мэр, это мой город. Мой. — Склонилась к самому лицу этого не пойми кого — то ли градоначальника, то ли далеко не последнего из ловцов, и прошептала: — А вам, господин мэр, я с самого начала дала прекрасный совет — не распаковывайте чемоданы.

Так как ловец промолчал, испепеляя меня взглядом, выпрямилась, протянув руку, взяла коробочку, повертела, рассматривая, обнаружила знак аркана — то есть на ловцов свои мастера работают. Не удивительно, ведь ни один маг не согласился бы помогать этим типам.

— Конфискую в качестве морального ущерба за похищение, — мило улыбнулась.

— Не стесняйтесь, у меня их еще много, — с угрожающим намеком прошипел мэр.

— Даже не сомневаюсь, — весело подмигнула связанному. — Отвратительной ночи.

Но не успела сделать и шага, как господин Вегард прошипел:

— Телль, плащ мой возьмите, он на спинке кровати.
Обернулась, удивленно глядя на ловца. Тот добавил:
— У вас рубашка полупрозрачная.
— А у вас плащ может оказаться с неприятными сюрпризами, — парировала черная ведьма.
— Конфискуете в качестве морального ущерба, — гневно произнес мэр.
Ведьмы от чужого добра не отказываются.

* * *

Вернувшись в лавку, обнаружила две неприятности — Дохрая в стазисе и Гардэма с дротиком в шее. Оба, соответственно, спали. Их несостоятельность объяснялась просто — еще одна открытая черная коробочка на пороге моей черномагической лавки...

Так-так...

Закрывает коробочку — Дохрай пришел в себя мгновенно. Замер, огляделся, рванул наверх, оттуда вниз, увидел стоящую на пороге в чужом плаще меня, исчез. Ну, куда исчез, дело понятное — ушел беситься в преисподнюю. Я же для него что-то вроде дочери, причем любимой и единственной, так что повод покрушить пару скал имелся.

А у меня имелся повод подумать. Хорошо подумать...

Медленно опустившись на ступеньки, как была, в плаще мэра, босой ногой провела по темному следу, оставшемуся на лестнице... Не весело. Совсем.

Появился Дохрай с моим сундуком под мышкой, выразительно указал на оный.

— Нет, мы не уедем, — тихо, но решительно произнесла черная ведьма.

Дух швырнул сундук и в нескольких жестах показал все, что обо мне думает.

— Нет, — повторила я. — Не дождутся.

Нахмурился, теперь был весь такой огромный зеленый чуть сияющий демон, сел рядом сгорбившись.

— Давай думать, — я продолжала растирать оставшийся от ловца след, — этот охамевшая морда способен блокировать магию... причем любую.

Дохрай мрачно кивнул, беззвучно выругался.

— А беломagическая рожа, как выясняется, очень даже в силах поглотить мой черный источник...

Недоверчивый, очень недоверчивый взгляд.

— Нужно что-то простое, активирующееся при отключении магии, действенное и показательное.

Призвала прутик из метелки, что стояла у двери, начала задумчиво вырисовывать что-то невидимое, так просто, для лучшей сосредоточенности.

— Что-то, что будет сдерживаться магией... — Мысль внезапно обрела ясность.

Дохран вытянул конечность и сделал хватающий жест.

— Именно, — коварная улыбка появилась как-то сама. — И не только. Но для начала нужно лавку обработать лаком против насекомых.

Дохран повторно показал хватательный жест.

— И против термитов в особенности, ты прав, — мило улыбнулась злая черная ведьма.

Вообще я никому и никогда не советую злить черных ведьм — нас это бесит. А когда нас что-то бесит, мы очень изобретательными становимся. И злыми. А еще мой отец, не тот, который маг, а обычный смертный, который меня воспитывал как любимую дочку и живет с моей матерью, все же один из лучших охотников в лесах близ столицы...

Для начала мы подпилили порог, после Дохран выкопал яму, я же порциями отправила землю в ближайший сквер, где она равномерно рассеялась под деревьями, и чисто из вредности посадила в яме крапиву, жгучую, злющую. После мы придали порогу и лестнице нетронутый вид, скрепили все магией... Да, мне жаль того, кто ступит на мой порог с очередной коробочкой.

К этому времени магически оживленные кисти закончили покрывать все деревянные конструкции в лавке противотермитным лаком, и мы с духом приступили ко второй фазе — переносу трех термитных городков на территорию подступов к моей лавке. Дело было трудное — всегда не просто совмещать две реальности, а потому провозились почти до рассвета, но когда все было закончено, только магия удерживала оголодавших разъяренных после переселения термитов от нападения. Собственно, и питание им пока будет доставляться магически, но если только кто-то... мне этого кого-то уже очень жаль. Присутствие насекомых также скрывала магия — вблизи своего источника я могла позволить себе быть несколько расточительной.

Третий этап — семь зависших и замаскированных сосудов с

обжигающим зельем, имеющим запах дерева, которое очень-очень привлекает термитов. Абсолютно не магическое зелье, но крайне действенное.

А вот четвертым этапом была защита самой лавки и собственно меня. Самый сложный этап. Проблема в том, что любой ловец, да и белый маг, без проблем справится как с Гардэмом, так и с любым животным. Да и животных использовать было бы жаль — поранят еще, зверюшек в смысле. Пришлось думать.

Идею подсказал Дохрай, притащив листок бумаги и изобразив на ней кошку с зелеными светящимися глазами. Некоторое время переводила взгляд с духа на изображение и обратно, потом дошло — одержимые! И не совсем животные, и в то же время крайне опасные одержимые духами, вырвавшимся из преисподней, звери, которые никогда не нападут на черную ведьму... Ну потому что свой своего и все такое. Ко всему прочему я смогу магией усыпить духов, а вот если магию заблокируют, они и очнутся... Идеально.

— Гардэм, а мясом придется делиться, — сообщила я приходящему в себя тигру.

Я мэру покажу «Уезжайте из моего города, госпожа Герминштейн»!

Поспать утром не удалось — взяв извозчика, я съездила к жутчайшему для местных месту — Гиблой топи. Там, пока сам извозчик дрожал и испуганно озибался, призвала шестерых одержимых камышовых котов, усыпила, засунула в мешок. Взяла бы больше, но не с моими силенками такую тяжесть таскать. Изрядно извазюкавшись, вернулась к двуколке, волоком таща мешок.

Извозчик спрыгнул, отобрал у меня мешок, поволок к карете сам и благоговейно осведомился:

— Убиенные младенцы?

— Нет, расчлененная девственница, — пробурчала уставшая черная ведьма.

— Да? — Мужик остановился, окинул взглядом мешок. — На девственницу не очень похоже.

— А вам доводилось видеть расчлененных девственниц? — искренне удивилась я.

— Н-нет, — неуверенно протянул извозчик. — А чем расчленяли?

Вопрос поставил в тупик. Неуверенно протянула:

— Ножом...

— Спрячьте, — совершенно серьезно посоветовал извозчик. — А то магов этих белых набежало, солдат полный городок, еще заарестуют вас.

Тьма, даже как-то неловко стало.

— Коты там, камышовые, — прошипела злая черная ведьма.

Извозчик дотащил мешок до двуколки, зашвырнул его под сиденье, почесал в затылке и удивленно спросил:

— А зачем?

— Так набежало магов этих, морд мэрских, солдат! — такая злость взяла.

— А-а-а, вы из котиков охранничков сделаете, как из вашего белого, — озарился догадкой извозчик.

— Типа того, — не стала я отрицать.

— Это хорошее дело, правильное. — Мужик и меня посадил в двуколку, за что я ему была очень благодарна — ноги от усталости дрожали. — А то, знаете ли, госпожа ведьма, совсем эта солдатня распоясалась. И ладно оптовый рынок раскурочили, оно понятно — король приказал форт строить, они и строят. Но вчера, значит, завалились в таверну... Знаете заведение «Два пескаря»?

Я кивнула. Кто ж не знает, там такая вывеска на половину двухэтажного строения, что таверну весь город хочешь — не хочешь, а знает. Да что город — вывеску с проплывающих мимо кораблей и то видно.

— Так завалились вчера эти гарнизоноустроители, — извозчик неодобрительно поцокал языком, — и, пользуясь отсутствием местных жителей, прямо при господине Пскаре, к жене его... самым непотребным образом!

Припомнила я госпожу Пскаре — тоненькая такая, хрупкая, молодо выглядит очень, но с речью у нее трудности, она при чужих всегда заикаться начинает, от этого стеснительная, такую что младенца обидеть.

— С женщиной что? — мрачней, спросила злая черная ведьма.

— С ней-то? — извозчик хотел было сказать, да умолк, оборвав себя. — А вот господин Пскаре пострадал сильно, он за честь супруги до последнего боролся, покудова из соседних домов не набежал люд местный, он...

— Поехали, — оборвала я мужика.

— Куда едем? — извозчик лихо вскочил на козлы.

— В таверну, — ощущение было, что тучи надо мной как-то разом сгустились.

— Э-э, так, госпожа ведьма, — мужик обернулся, с сомнением глядя на меня, — так это... маги там, белые.

— В таверну! — прошипела я, чувствуя, что реально зверею.

И мы помчались в город.

Мчались быстро.

Коты разок проснулись, когда на кочке при въезде на городскую дорогу подбросило, пришлось полить мешок дополнительной порцией сонного зелья, а потом зажать себе нос, чтобы не надышаться и не вырубиться поверх мешка же.

Потом въехали в город, причем стражники, заприметив мешок, почему-то спросили:

— Убиенные младенцы?

— Расчлененная девственница! — гордо ответил извозчик.

Все преисполнились важностью момента и нас с самым суровым видом пропустили. Правда, не успела двуколка отъехать, как сержант Уртис нас остановил, в десять шагов догнал и, понизив голос, хриплым шепотом произнес:

— Госпожа ведьма, вы там это, как с останками закончите, вы их спрячьте, я найду вечером с ребятами, заберу и сам закопаю. А то магов этих в городе развелось, еще арестуют вас...

— Да камышовые коты там! — прошипела разъяренная я.

Лицо стражника сделалось удивленным, после он произнес:

— Нет, за животных не арестуют, но на всякий случай вы потом на пороге мешок оставьте, я сам закопаю ночью. Доброго дня вам, госпожа ведьма.

Когда двуколка снова тронулась, у кого-то нервно дергался глаз. Левый. Основательно.

И кто-то злился. Тоже основательно.

И потому, когда мы подъехали к таверне «Два пескаря», состояние «все бесит» охватило окончательно.

— Ждать здесь, — приказала я, спрыгивая с двуколки и подключаясь к источнику Люсинды.

Ее лавка находилась неподалеку, и по регламенту в случае необходимости я могла взять часть сил так же, как могла Люсинда, если была в пределах действия моего источника. А потому, когда в грязном, изгвазданном тинной платье я подходила к порогу таверны, по моим пальцам струилась магия, а глаза, и я точно это знаю, сейчас светились зеленым пламенем.

И трем белым магам, ошивающимся у входа, следовало бы принять это во внимание!

— Мм-м, госпожа Герминштейн... — начал было уже хорошо знакомый мне Зигфрид-«березка».

И отлетел, снесенный силовой волной. Двое других просто безропотно

отступили, пропуская разъяренную черную ведьму внутрь.

Но когда я вошла, ярость усилилась!

Потому что в чистом уютном заведении семейства Пскаре царил полный разгром! Полный и абсолютный. Были сорваны со стен и балок связки лука, грибов и овощей, столики перевернуты и сломаны, стулья частично затыкали собой пространство окон, стойка в двух местах проломлена, и учитывая, что на одном сколе остался порванный белый фартук — ломали господином Пскаре!

Ярость поднималась волнами, окончательно захлестывая, и взбешенная ведьма не сразу заметила поднявшихся при моем появлении мужчин. И не заметила бы вовсе, не произнеси мэтр Октарион удивленного:

— Телль?!

Медленно, очень медленно повернув голову, увидела четверых окруживших один из немногих уцелевших столиков. Роба, незнакомые мне два офицера и господин Гоштейн — глава местной гильдии рестораторов. Арвейн выглядел злым, офицеры были скорее удивлены, господин Гоштейн опустил взгляд.

И я даже не узнала свой голос, когда прямо спросила:

— Оплачивают ущерб или пытаются запугать?!

Глава гильдии и голову тоже опустил. Сразу стало понятно — второе!

— Телль, — белый маг стремительно направился ко мне, — какого черта ты тут вообще...

А я ведьма! Черная! Злая! Взбешенная!

Силовая волна ударила прежде, чем я даже пальцами щелкнула — эмоции, с ними всегда так. И мага отшвырнуло до противоположной стены, пронесся по воздуху шагов сорок. Офицеры схватились за оружие, но зря пошевелились — щелчок, и два ясеня нервно задвигали веточками. А я уже ткала, выплетала узор заклинания, определяя виновников...

— Телль, — мэтр Октарион слишком быстро пришел в себя, вскочил с пола, — Телль, что ты творишь? Ты соображаешь, что нападение на белого мага...

Черный смерч охватил мага, закружил, лишая доступа воздуха и возможности пошевелиться, приподнял крышу и швырнул мага в сторону находящегося во власти штиля моря. Нельзя злить черную ведьму!

А после я просто закрыла глаза, начиная видеть иным, магическим зрением...

Их было четырнадцать... Пришли к закрытию, потребовали выпить... Господин Пскаре бесплатно налил, только бы ушли. Не ушли! Стоило ему

вежливо попросить их покинуть заведение, как началось... В любом случае началось бы, эти «герои» к безнаказанности привычные оказались. Началось избиение трактирщика, вниз, переживая за мужа, сбежала госпожа Пскаре...

От моего бешенства затряслись стены!

— Экаэр трамаэр дшарахс! — заклинание прозвучало приговором.

Жестоким. Унизительным. Неснимаемым никем, кроме меня!

— Госпожа ведьма, — прозвучал дрожащий голос господина Гоштейна.

Медленно открыла глаза, втягивая зеленый огонь, молниями разошедшийся в пространстве.

— Госпожа ведьма... — Он торопливо подошел ближе.

Что примечательно, кое-кто меня даже не убоился! Вообще не убоился, разве что приостановился, пока я молнию втягивала.

— Госпожа ведьма, — господин Гоштейн встревоженно на меня смотрел, — а они вас... они вам...

— Пусть рискнут здоровьем, — прошипела взбешенная я. — Господин Пскаре где?

Господин Гоштейн тихо произнес:

— У лекаря. — А затем встревоженно: — Госпожа ведьма, надолго же они в Бриджуотере, не стоило вам... Теперь ведь вне закона объявят. Ничего ж сделать-то и не успели, соседи прибежали, а вам же теперь...

Медленно отпустив источник Люсинды, повернулась к главе гильдии и очень спокойно напомнила:

— Солдаты здесь надолго, господин Гоштейн, это вы правильно сказали. Оттого и наказание должно быть суровым и показательным, чтобы впредь неповадно было. И на будущее — это ваш город, господин Гоштейн, ваш дом, не позволяйте кому бы то ни было запугивать себя в своем доме. И кстати — проклятие с них сниму только после того, как возместят весь ущерб, как материальный, так и моральный.

С этими словами я покинула таверну «Два пескаря», думая о том, что господину Пскаре после всех полученных ударов заживляющее кости зелье очень понадобится, а у меня при себе нет. Нужно в лавку съездить, а там передам извозчику, он к лекарю завезет.

Но стоило выйти, как на пути возник взбешенный, совершенно мокрый и уже без доспехов Арвейн.

— Я вижу, что водные процедуры у тебя излюбленный способ мести, — прошипел белый маг, снимая с волос яркую зеленую водоросль. — А вообще, Телль, крайне неразумный поступок! Ты хоть

соображаешь, что делаешь?

Он отшвырнул зеленюшку и уставился на меня с высоты собственного роста.

— Нападение на белого мага! Нападение на офицеров королевской гвардии! Применение магии в отношении военнослужащих! Ты осознаёшь, что я теперь обязан как минимум наложить печать на твой источник?! Телль, ты закон нарушила!

Скептически выгнув бровь, я ехидно напомнила:

— Черные ведьмы вне закона.

Закрыв глаза, маг шумно выдохнул, беззвучно выругался, а затем, вновь посмотрев на меня, мрачно спросил:

— Магистериум в прошлом году закончила?!

А я ведь еще не всю силу отпустила... и перед глазами подернулась зеленая дымка, явный признак того, что со мной сейчас лучше не связываться. Испуганно заржала лошадь извозчика, отшатнулись стоящие у порога белые маги, но ничуть не убоился сам мэтр Октарион.

— Телль, прекрати, — раздраженно произнес он.

Демонстративно подняла руку. Нападать не хотелось, все же источник не мой, попользовалась я им и так сполна уже, а значит, следующий глоток магии может привести к обмороку, что в данный момент не лучший вариант.

— Телль, — голубые глаза мага полыхнули синим, демонстрируя готовность призвать силу белого источника, — не веди себя как ребенок.

Прищурилась, чувствуя, как ярость поднимается волнами.

— Телль, прекрати! — настойчиво повторил он.

И я призвала чужой источник повторно. Призвала на полную мощь, всю силу, все, что можно было, и...

Отпустила, осознав жуткое — источник раскрылся полностью, отдавая мне все!

Холодок ужаса прошелся по спине, руки задрожали...

И не веря в происходящее, боясь поверить, я подхватила юбку, обогнула стоящего на пути белого и бросилась в домик Люсинды.

— Аэтелль! — раздалось вслед.

Я бежала так, что черная остроконечная шляпка слетела на повороте, но мне было все равно. Промчавшись мимо собравшихся горожан, мимо появившихся солдат и офицеров, мимо подошедшего господина мэра и его сопровождающих, я сбегала вниз по дороге и, схватившись за столб, поддерживающий крышу над порогом черномагической лавки Люсинды, в ужасе уставилась на белый клочок бумаги, приклеенный к двери!

«Вернусь к обеду» — гласила записка.

В глазах потемнело...

Ноги ослабли, и, скользя ладонью по столбу, я обессиленно опустилась на дорогу, чувствуя, как слезы срываются с ресниц.

Она не вернется. Люсинда уже отрезана от источника, но еще жива... Как была жива и Мадина, когда ее отрезали от Гардэма.

Дверь тихо приоткрылась, и на порог вышел призрачный черный ворон — Хархем. Остановился, нахохлился, словно птица в дождливую погоду, прикрыл глаза.

— Куда, Хархем, куда она пошла? — едва слышно прошептала я.

Хранитель не ответил. Не мог, даже если бы и захотел; мой Дохрай исключение из правил, он способен рисовать и жестикулировать, Хархем — нет. Лишь тяжело вздохнул и спрятал голову под крыло. Я смахнула слезы и окинула взглядом всю лавку — Люсинда жива, несомненно, жива, но на пороге стоял котел, и вот на нем имелась трещина... Она жива, но ее уже начали убивать!

— Госпожа ведьма, — раздался голос мэра за моей спиной, — вам удобно?

Ничего не ответила. На это даже сил не было.

Какой-то мальчуган принес мою шляпку, робко протянул. Выдохнув «спасибо», взяла свой головной убор и уронила, не сумев удержать ослабшей рукой. Мальчонка поднял снова, поставил возле меня, сам присел на корточках рядом и испуганно спросил:

— Эту госпожу ведьму тоже убили?

— Беги к мамочке, — попросила я.

Больше сказать ничего не успела — кто-то подошел, схватил за талию, поднял и поставил на ноги.

— Стоишь? — зло спросил Арвейн.

Вырвалась молча, повернулась — толпа собралась внушительная, в глазах местных жителей отчетливо читалось сочувствие, белые маги заинтересованно оглядывали Хархема, отряд гарнизонных верховых ничего не понимал, но все на меня смотрели разъяренно, так что сразу становилось ясно, по чью душу прибыли. Не удивлена — у них в гарнизоне весьма для всех неожиданно появилось четырнадцать солдат с шакальими головами. Так что я не удивлена, а вот они, вероятно, очень даже.

И тут мой взгляд заметил пробирающегося через толпу извозчика, который, не дойдя шагов семь, громким заговорщицким шепотом сообщил:

— Госпожа ведьма, там это... там ваша расчлененная девственница в мешке, кажется, в себя приходит начала.

Арвейн, поднявший мою многострадальную шляпку, обронил ее на дорогу. Толпа затаила дыхание, гарнизонные остолбенели, у мэра вытянулось все лицо.

— Странно, — я нахмурилась, — еще с час должно было зелье действовать...

— Видать, выветрилось, — блеснул догадкой один из присутствующих местных жителей.

— Наверное, — согласилась я.

И тут нервы сдали у белого мага.

— Какая девственница, Телль? — взревел он.

— Расчлененная, — услужливо подсказали ему местные всей толпой.

Вот, сразу чувствуется и пиетет, и уважение к черной магии. Не то, что у некоторых. К слову, прискакавшие возмущаться гарнизонные сразу же передумали выражать негодование и вообще заставили лошадей сделать пару шагов назад.

Злая и суровая черная ведьма подняла свою шляпу самостоятельно, отряхнула, как могла, нахлобучила на голову и, гордо вздернув нос, жаль, не острый, направилась к двуколке. Просто нечего одержимым камышовым котам делать посреди города, еще поранят кого.

* * *

Стоило подъехать к лавке, как следом за мной подъехала телега мясника. Господин Тесак, снял шляпу в знак приветствия мне и крикнул:

— Выгружай.

И под моим удивленным взглядом Дохрай, выплывший из дому, подплыл к телеге, взял четверть туши быка, радостно оскалится мне и унес мясо в лавку.

Мне уже стало страшно представлять счет от мясника.

Но тут Дохрай выплыл вновь и передал ожидающему господину Тесаку шесть темно-зеленых пузырьков. Чуть помедлил и выдал мяснику еще и седьмой пузырек.

— Просто скажи, что это не зелье привлекательности! — прошипела злющая черная ведьма.

— Нет-нет, — заверил меня мясник с самым коварным видом, — у меня-то одни сыновья, госпожа ведьма.

Точно, как-то не подумала.

— Что тогда? — Я же не могла не спросить.

Дохрай, растянув пасть в подобие коварного оскала, обхватил щеку лапой, словно у него разом заболели все зубы.

— Зубная боль! — догадалась я. — Зелье, вызывающее зубную боль!

Дух закивал, мясник тоже кивнул, пряча пузырьки по карманам. Вот теперь моему удивлению не было предела. Глянув на изумленную меня, господин Тесак сжалился, подошел ближе и пояснил:

— Указом короля с сегодняшнего дня каждый член торговой гильдии должен продавать часть своего товара гарнизону. — Мясник скривился так, словно у него самого зубы заболели. — А цену-то офицеры устанавливают, понимаете?

Понятнее не бывает — цена, видимо, совсем бросовая, раз даже мирный торговец пошел на коварную месть.

Нет, ну была у Бриджуотера одна проблема — масса незамужних девиц. И было терпимо, и городок казался вполне тихим и мирным, а теперь этот гарнизон все портит! С другой стороны, любая черная ведьма хорошо знает — из всего можно извлечь выгоду. К слову, о выгоде:

— Господин Тесак, я так понимаю, у вас с господином цирюльником, который зубы лечит, договоренность есть?

Мясник замер, после отрицательно покачал головой.

— Так вы зелья зубной боли набрали. — Я указала на оттопыривающиеся карманы. — Соответственно, солдаты за лечением к цирюльнику побегут, за лечение платить будут, и вы имеете полное право на процент.

Выражение лица у господина Тесака сделалось очень задумчивое.

— Вы побеседуйте для начала, а если не договоритесь, я зелье вам поменяю на «Костелом», к примеру, или «Лысоголов», придумаем что-нибудь.

Просияв самой довольной улыбкой, мясник едва не бросился ко мне обниматься, но пиетет, уважение и все такое, соответственно, мою руку схватили, радостно потрясли, и господин Тесак умчался. Что примечательно, извозчик сопровождал его отъезд крайне задумчивым взглядом. Но затем, словно очнувшись, спросил:

— Так куда нести вашу расчлененную девственницу?

— Прямо в лавку. — Я не смогла удержаться от улыбки.

Вот только улыбка вышла горькой.

Войдя, магией высвободила сонных котиков из мешка и, пока они лежат на полу в себя приходили, заплатила извозчику и попросила передать зелья господину Пскаре, а едва извозчик ушел, под неодобрительным взглядом Дохрая выпила целый пузырек восстанавливающего силы зелья. Я ночь

почти не спала, магически истощена была, а отдыхать... не сейчас.

Выпила, постояла с закрытыми глазами, ожидая, пока подействует. Подействовало, но слабо — потянулась за вторым.

— Гр-р, — вскинулся уже Гардэм.

— А ты вообще со мной идешь, — сообщила духу.

И взяла второй пузырек.

Нет, не то чтобы я чего-то боялась, но мне вспомнились слова Арвейна про то, что белый источник он на расстоянии от привязки силы не теряет и в случае чего Гардэм сможет защитить... А я не настолько черная ведьма, чтобы в свете всего случившегося страдать излишней самоуверенностью.

— Дохрай, — позвала, допив второй пузырек и пережидая появившийся звон в ушах, — пока меня не будет, разольешь по пузырькам зелье красоты, только смотри не перепутай и не смешивай с тем, с колючками.

Просто мой дух в зельях, пока их не подпишешь, не разбирается.

И тут из кухни неожиданно высунулась знакомая священнослужительная личность и сообщила:

— Госпожа ведьма, а обед уже готов. — После, взметнув сутану, снова исчезла.

Потрясенно смотрю на Дохрая, тот развел когтистыми лапами, мол, «не виноват я, он сам пришел». Не стала ругаться, во-первых, потому что священник хорошо готовил, а во-вторых, потому что задача мне предстояла очень сложная, а ночь была бессонная, магически затратная и голодная.

Сняв грязную шляпку, бросила ее на пол, чуть не попав в одного из котов, который тут же зашипел и шерсть вздыбил, и пошла мыть руки.

На обед у меня был суп-пюре, совсем как бабка готовила, правда этот без поганок в виде секретного ингредиента, стейк из говядины, причем пальчики оближешь какой, и десерт в виде ягодного мусса. Священник скромно признался, что всегда мечтал быть поваром — мы с Гардэмом, не сговариваясь, признали, что у него бы вышло.

— Знаете, мне кажется, вы вполне могли бы открыть свою таверну, — поедая мусс маленькой ложечкой, заметила я.

— Это мечты, госпожа ведьма, — сник священник, — мой сан и все, что с ним связано... вы же понимаете.

Пожав плечами, внесла предложение:

— Моральная травма после неудавшегося сожжения ведьмы, полученное ведьминское проклятие, не позволяющее войти на порог церкви, как следствие отлучение от церкви, договор с господином Норкене, который как раз свою чайную продавать надумал — дочерей замуж он уже

всех выдал, хочет с женой на юг податься, к теще, я за вас поручусь, получите ссуду в банке братьев Рошид и... Нет ничего невозможного.

Священник выронил ложку, которой мешал соус.

— Вы подумайте, — посоветовала я. — В конце концов, жизнь всего одна, и проживать ее в угоду кому-либо, кроме себя, — глупость несусветная.

Дохрай высунулся, изобразил крайне неприличный жест, направленный на меня, кстати.

— А вот рисковать своей жизнью или нет — это уже мое личное дело! — взбесилась черная ведьма.

Недолго думая, мой дух продемонстрировал все, что обо мне думает.

Неодобрительно покачав головой, выдвинула последний аргумент:

— Хархем погибнет.

Дохрай сник. С хранителем Люсинды они были дружны, вместе порой в преисподнюю бегали.

— Мадину убивали две недели, — продолжила я, отложив блюдечко с муссом, — и я понимаю, что лучше бы отдохнуть и приступить к вызову и завтра, но не могу так. Не могу — и все.

Подлетев, Дохрай взял меня за руку, едва ощутимо сжал.

— Со мной будет Гардэм, — тихо напомнила я и встала.

Священник поднял ложку и, запинаясь, спросил:

— Г-г-госпожа ведьма, а что вы собираетесь делать?

Поведя плечом, честно ответила:

— То, чем обычно черные ведьмы не занимаются. Но я еще молодая и глупая, мне можно.

Потом был быстрый душ, должна же я была смыть с себя болотную грязь и тину, а затем глухая черная мантия, надеваемая для самых сложных из ритуалов, ритуальный клинок из черной кости дракона, ритуальная чаша, мел и мерцающий зеленоватым светом пузырек экстренного восстановления сил. Как бы я ни храбрилась перед Дохраем, то, что собиралась сделать, — на грани самоубийства. Но, в конце концов, черная я или как, а для нас, черных ведьм, смерть от экспериментов во время ритуалов — дело самое обычное.

И потому, заплетя волосы в небрежную косу, все равно ведь расплестать придется, я подхватила черную сумку и направилась на выход.

А на пороге меня ждали Гардэм, священник, Дохрай и даже котики, которые почему-то осознали важность момента.

— Кошек покормишь, — напутствовала я духа.

— Я вам блинов с собой испек, — протягивая сверток, сказал

священник.

Отказаться почему-то стало крайне неудобно, и таким образом в регламентированную сумку для опасных ритуалов попал промасленный сверток. Позор какой, надеюсь, об этом никто никогда не узнает.

* * *

Доехала я до места с извозчиком, а вот после начались мелкие неприятности. Это когда почти не важно, но все равно бесит!

Для начала еще издали стало ясно, что дом Люсинды оцеплен! Да не кем-нибудь, а отрядом гвардейцев в белом. Это когда обычные гвардейцы, но в белом и амулетами увешаны, отчего создается странное впечатление — согласитесь, мужчины с серьгами по четыре в каждом ухе и кольцами по два на каждом пальце — это как-то странно.

Но стоило подъехать ближе, как взору моему представился весь отряд поддержки белого мага, то есть тоже маги. Это когда одному влом всякой мелочью заниматься, и тогда крутой белый маг в звании мэтра таскает несчастных за собой, нагружая всякой беломагической деятельностью.

А самое любопытное началось, стоило мне подъехать к самому ограждению.

— Куда? — спросил гвардеец с квадратной челюстью, безразличным взглядом, четырьмя серьгами в правом и пятью в левом ухах. — Запрещено!

Извозчик неуверенно оглянулся на меня, я же, подперев кулаком щеку, задумчиво протянула:

— Красивые сережки.

Сержант, судя по нашивкам на рукавах, побагровел.

— Вам идет, особенно в сочетании с милыми колечками, — продолжила ехидная черная ведьма. — Давно в оцеплении стоим?

— Разговаривать с посторонними запрещено! — рявкнул гвардеец с попоранной честью и пострадавшим достоинством.

Остальные чуть ли не закивали в ответ.

Зигфрид-«березка», белый маг, с которым мы вчера мило ремонт в моей кухне производили, подошел, смущенно кашлянул, привлекая ведьминское внимание, и тихо произнес:

— Госпожа Герминштейн, мне очень жаль, но расследованием случившегося занимается орден и, соответственно, мэтр Октарион, и он лично распорядился вас не пускать.

Медленно сузила глаза.

Заметив мою ярость, маг торопливо добавил:

— А чтобы вы глупостей не наделали, мы оцепление выставили, и на всех амулеты, соответственно, ваша магия вреда никому не причинит. Ехали бы вы домой, госпожа ве...

Со стороны дома раздался вой, после лавка полыхнула зеленым пламенем — судя по всему, эти на белом мозгом повернутые пытаются проникнуть в жилище Люсинды, а Хархем, естественно, не пускает, он же хранитель. Как же меня эти белые бесят!

— Госпожа Герминштейн, — занервничал «березка». — Поезжайте, а? Не хочется, чтобы вы пострадали.

Глянула на белого — действительно за меня переживал, что удивительно.

Тяжело вздохнув, предупредила:

— Уходите отсюда, целее будете.

Маг напрягся, затем продемонстрировал кольца на своих пальцах, намекая на то, что с помощью черной магии я ему ничего не смогу сделать. Улыбнулась. Коварно. Обещающе. С явным предвкусением.

Маг осознал, что сейчас что-то будет, посмотрел на лавку Люсинды, махнул рукой на свои обязанности и, преодолев оцепление, запрыгнул в двуколку — вот что значит быстрообучаемый.

А вот гвардейцы были не настолько умные, и потому, переводя удивленные взгляды с меня на мага, изобразили на лицах решимость стоять до конца.

— Зря вы так, — угрожающе протянула черная ведьма.

— Ага, зря, — подтвердил извозчик.

И даже Гардэм согласно кивнул огромной белой тигриной башкой. Вообще, конечно, его белый цвет — это несмываемый позор на моей репутации, так что надо будет подумать о перекрашивании. Но это потом.

— Считаю до трех, — предупредила я гвардейцев.

Мужики выпятили уши с серьгами и бросили полные надежд взоры на усеянные перстнями пальцы. Наивные.

— Это был ваш выбор, — улыбнулась я.

Щелчок пальцами, зеленоватый дымок призванной магии и произнесенные с явным издевательством слова заклинания:

— Энгарр левиар эснар!

На последнем звуке суровый сержант с попраным достоинством и поруганной честью, плюнув на свой служебный долг, рывком забрался в нашу двуколку. Зигфрид пожал его сверкающую от колечек ладонь, а я

понимающе кивнула.

Затем задрожала земля. Не сильно, но ощутимо. Всхрапнула лошадь извозчика, залаяли собаки, лениво лежащие на солнце коты, осознав надвигающуюся угрозу, вскочили и, подняв хвосты, с мяуканьем унеслись на крыши домов, в которых пооткрывались окна и местные жители повысовывались, предвкушая развлечение.

Гвардейцы напряглись, перепуганно переглядываясь, я улыбнулась шире, во все зубы.

Толчок!

На этот раз посильнее. Трещина на дороге, вмиг добравшаяся до начала оцепления.

Миг тишины, которая всегда случается перед бурей. Нервно сглотнувшие гвардейцы...

И ринувшиеся из недр земли полчища слегка увеличенных и удивительных магией муравьишек и паучишек. Целое черное воинство.

Раздался отчаянный визг, и один из гвардейцев, тот самый, который визжал, бросился прочь по дороге, петляя из стороны в сторону так, словно бы уходил от прицельного обстрела.

Все так же ехидно улыбаясь, посмотрела на застывших остальных гвардейцев... Черное паучино-муравьиное воинство на меня. Я подняла руку и указала цель. Муравьишки понимающе кивнули. Пауки кивнули бы тоже, но анатомия к подобному не располагала.

— Обед подан, — едва сдерживая смех, возвестила я.

— А-а-а-а! — раздалось дружное и на редкость бодрое.

И по дороге вниз к морю устремилось все белогвардейское воинство, избавляясь в процессе улепетывания от алебард и иного мешающего улепетыванию снаряжения.

Проводив их печальными взглядами, муравьишки вновь посмотрели на меня.

— Там еще белые маги есть, — махнула я в сторону лавки.

Воинство, радостно клацнув жвалами, черной волной ринулось к лавке, фактически спасая Хархема от поражения, ибо Арвейн как маг таки был силен. Очень-очень силен.

Через мгновение из дома раздался вопль, после ругань, и я узнала голос мэтра Октариона, затем снова вопль кого-то из его подручных, после из лавки вывалились совершенно черные от обилия обедающих насекомых тела, и вопли стали раздаваться уже на улице. Но и ругань в доме опять прозвучала, после чего на порог стремительно вышел совершенно насекомыми не озабоченный рожа.

Даже обидно как-то стало.

А я не люблю, когда мне обидно. Бесит.

Щелчок пальцами — и из расщелины в земле появилась новая партия увеличенных магией муравьишек. Воинство, голодно облизнувшись, рвануло к вожделенному магу и... застыло прямо в движении.

— Телль! — взревел разъяренный белый, удерживая муравьишек направленной в их сторону рукой.

— Ладно, можешь уйти сам, — сдалась разочарованная силой и сообразительностью некоторых ведьма.

Мэтр Октарион, зло прищурившись, перевел взгляд с меня на своего подчиненного. Зигфрид-«березка» осторожно сполз с двуколки, но вот отходить от спасительного места и уж тем более вступать в радостные обнимашки с насекомыми демонстративно не собирался. Суровый сержант белой гвардии, недолго думая, взял и спрятался за Гардэма, чтобы его не заметили и не заставили спасительную двуколку покинуть.

— Знаешь, Телль, ты плохо на людей влияешь, — неожиданно произнес Арвейн.

Пожав плечами, спрыгнула с транспорта, подхватив сумку для сложных ритуалов, и жестом приказав белому хранителю следовать за мной, направилась в лавку Люсинды. Мне было не до разговоров и не до выяснения чего-либо, следовало максимально сосредоточиться на задуманном.

Следовало бы, но не дали.

— Аэтелль, — рожа преградил путь, — ты что собралась делать?

Демонстративно подняла руку.

Арвейн даже не пошевелился.

Мои глаза угрожающе засияли болотно-зеленым.

Маг продолжал стоять на месте.

А мне на это вот противостояние ну никак силы тратить не стоило. Вообще. Мне на ритуал едва хватит, а тут этот... стоит. Глазами сверкает. Зубами едва не скрежещет.

Нервно покусала губы, размышляя о ситуации, и поняла, что придется одной черной ведьме сделать то, чего мы, черные, терпеть ненавидим — пойти на компромисс.

— А сегодня бал, — невинно протянула я.

Выражение лица у мэтра Арвейна стало очень недоуменное.

— Меня пригласили, — продолжила отчаянно пытающаяся не колдануть черная ведьма.

— Прогресс, — хмыкнул белый маг.

— В чем это? — теперь настала моя очередь недоумевать.

— А ты пытаешься со мной договориться, — просек ситуацию белый. Бросив на него недовольный взгляд, пробурчала:

— Я не пытаюсь, я договариваюсь.

— Догадался, — маг сузил глаза сильнее, пристально на меня глядя. — Так что ты задумала, ведьма в регламентированном наряде для сложных и самоубийственных ритуалов?

Он что, весь ведьминский кодекс знает?! Невольно поежилась от подобной мысли и подумала, что если разок и колдану, то сил все равно останется ну почти достаточно.

Однако белый внезапно произнес:

— Что ж, хочешь договориться, я не против, но бал меня интересует в последнюю очередь, а ты в первую. Так что если желаешь проводить свой паршивый, совершенно для вас, черных, противоестественный ритуал по спасению Люсинды — мешать не буду, даже поприсутствую и подстрахую. Но после мы отправляемся ко мне...

Далее последовала многозначительная пауза.

Выжидающе смотрю на мага. Маг с намеком на меня. Намек был неясен, так что продолжаю вопросительно смотреть на него. Белый психанул, плюнул в сторону, выругался и прошипел:

— Телль, не будь ребенком, ты знаешь, чего я хочу.

Догадываюсь. Точнее, имелось три варианта — выпить мой источник, завести от черной ведьмы белую дочку, наложить на меня печать в качестве наказания за нападение на белого мага... Ну или еще что-нибудь, ибо одна Тьма в курсе, что на уме у белых.

— И долго ты будешь молчать? — поинтересовался маг.

Мало того, что никакого уважения мне, черной ведьме, так еще и давит. Наплевав на компромисс, щелкнула пальцами, призывая источник Люсинды, и осыпанный искрами зеленоватого пламени маг стал дубом. Ему вообще эта роль удивительно шла — дубовая в смысле. И сразу так тихо стало, только листочки на ветру шелестят. А чего он вообще после своих слов ждал? Я, между прочим, ведьма, а с нами, ведьмами, так нельзя, особенно когда мы настроились на важный и самоубийственный ритуал.

И да, кстати.

— Муравьишки, взять, — скомандовала я.

И черное воинство, прекратив подгрызать белых магов, радостно набросилось на дуб. Нет, им тут есть нечего, конечно, но у меня же есть магия. Щелчок — и черное воинство превратилось в массу прожорливых гусениц. Так-то лучше.

— Г-г-госпожа ведьма, вы что делаете? — послышался испуганный возглас Зигфрида со стороны двуколки.

Я решила было, что верный оруженосец за мэтра переживает, а оказалось, что нет.

— Мэтр Октарион, он же потом бешеный будет, госпожа ведьма! — взволнованно сообщил маг.

— Перебесится, — пожала плечами я.

И обойдя дуб, поднялась на порог лавки Люсинды, скомандовав:

— Хархем, абсолютная защита.

Гардэм едва успел прыгнуть за мной следом, как лавка по периметру вспыхнула зеленым. Вот только мой белый тигр был еще очень неуклюжим, так как к размерам не привык, и потому нечаянно лапой сбил котелок для ритуалов, который, соскочив по ступеням, покатился по дороге. Оглянувшись, заметила, что трещина на боку у него стала почему-то больше. Странно.

Но не имеет значения.

И я вошла в лавку.

Ранее у Люсинды я была всего пару раз, но небрежность в отношении вещей и зелий, которую я помнила, не шла ни в какое сравнение с тем, что творилось здесь сейчас — все было разбросано. Белые постарались?

Осторожно прошла по осколкам разбитых пузырьков, подошла ближе к стойке и с изумлением поняла — это Люсинда. Разбросала все она. Она, белые не стали бы столь бездумно расшвыривать все с полок и... белые маги повыше ростом, а тут все было сметено с четвертой полки — под рост хозяйки лавки.

Остановившись, огляделась.

Занавеси сорваны, со стола содрана темно-зеленая бархатная скатерть, на стене потеки от зелий, словно их разъяренно швыряли... Типичная ведьминская ярость? Люсинда всегда была вспыльчива, оттого ни один муж у нее и не задержался надолго, но все же — что могло привести ее в столь неконтролируемую ярость и куда она после этого отправилась?

Проблемы в личной жизни? Нет, Люсинда была к ним привычна.

Сложности с магией?

— Хархем, — позвала я.

Призрачный черный ворон тут же возник на столе, нахохлившийся и грустный. Протянула руку, коснулась его ауры — ослаблен. И не ясно — случилось это до того, как пропала Люсинда, или произошло с ее исчезновением? Но ослабление магических сил вполне возможно. Странно.

А потом как вспышкой слова мэра про то, что белый маг выпил более

сотни черных источников, и... И еще слова самого Арвейна в ответ на мое заявление, что черные ведьмы вне закона...

Стремительно развернувшись, я вышла из лавки и остановилась на пороге, глядя на взбешенного мэтра Октариона в изрядно погрызенной одежде (плащ и вовсе кружевным стал), нервно скидывающего с себя оставшихся толстых черных гусениц.

— Арвейн, — спустилась на ступеньку вниз, — что ты имел в виду, намекнув на то, что я только в прошлом году магистериум закончила? Какое это имеет значение и что меняет в отношении моей фразы, что «черные ведьмы вне закона»?!

Застыв, маг зло посмотрел на меня. Я вопросительно на него.

Психанув, белый прошипел:

— Телль, твоя непосредственность потрясает!

О чем это он?

— Соображаешь, что с тобой будет, если я сорвусь? — продолжил свирепеющий белый.

А мы, черные, тоже психовать умеем.

— Рожа, я просто вопрос задала! — прошипела злая ведьма.

Белый застыл. Его подчиненный, осторожно бочком обойдя начальство, негромко мне сказал:

— Указом короля все черные вошедшие в силу ведьмы клеймируются в добровольном порядке, но у тех, кто отказался, поглощается источник. Не официально, конечно, но...

Я пошатнулась.

Мэтр Октарион глянул на «березку» и приказал:

— Зигфрид, умолкни.

Мне стала понятна ярость Люсинды — ей больше пятидесяти, самый расцвет силы для черной ведьмы, что в учебниках по магии и называется «вхождение в силу», а значит...

Резко развернулась, вошла в лавку, приказала:

— Хархем, найди мне официальный полученный сегодня Люсиндой свиток.

Черный призрачный ворон тяжело слетел со стола на пол, прошелся по темно-зеленому затертому ковру под стол и вскоре оттуда выволок официальную белую бумагу. Подойдя, забрала свиток, развернула, прочла:

«Официальное уведомление для личного прочтения».

Ниже стоял кровавый отпечаток — все ясно, адресное уведомление,

прочсть его могла только Люсинда. И прочла. И пришла в ярость. Но что потом? Почему ведьма вдруг успокоилась, написала записку для посетителей и покинула лавку? Куда она могла пойти? И зачем?

Снаружи раздался треск — оглянувшись, поняла, что белый пытается взломать защиту.

И ведь взламывает, если уж более сотни источников поглотил.

Наши взгляды встретились — Арвейн опустил руки, пристально глядя на меня. Я точно так же пристально смотрела на своего врага. Теперь врага. Ведь подобную бумагу Люсинде мог направить только член ордена Света, а единственный такой здесь — мэтр Октарион! Маг выругался, отвернулся. Он все понял.

— Гардэм, за мной, — прошептала я.

И, взяв сумку, направилась туда, куда черным ведьмам в чужом черноведьминском доме ходить не положено.

В подвал.

* * *

— Тьмы, Телль, — радостно поприветствовал меня Гернаримарнахр.

Жуткий черный с красными руническими символами на груди и крыльях демон радостно оскалился мне полуметровыми клыками.

— Тьмы, уважаемый и почтенный Гернаримарнахр, — тяжело дыша, улыбнулась я.

И опустилась на пол.

Устала. Пока разгребла ящики с вином, пока место высвободила, пока пентаграмму в символе смерти чертила да плюс еще кровью собственной поливала — умаялась.

— Выглядишь паршиво, — обрадовал демон. — Давно не спишь?

— С ночи, — с жителями преисподней нужно быть честными.

Гернаримарнахр внезапно потянул носом, принюхиваясь, после удивленно произнес:

— Ба, Телька, да ты никак готовить научилась! Что это там у тебя, блины?

С сомнением поглядела на демона, потом вспомнила и, потянувшись к сумке, достала промасленный сверток.

— Это не я, это священник, — призналась ведьма.

— На святой водице замешаны? — хмыкнул демон. И тут же приказал: — Дай.

Молча передала сверток, который затрепал на границе пентаграммы, но не вспыхнул. Гернаримарнахр деловито развернул сверток, взял один блин, пристально рассмотрел его в свете огня и сунул в пасть. Закрыв глаза, медленно прожевал и вынес вердикт:

— Недурственно.

— Да, хорошо готовит, — согласилась я.

— Блины от святого отца, — демон хохотнул. Затем, глянув на меня агатовыми глазами, произнес уже серьезно: — Засчитано в качестве платы за вызов.

Чуть не присвистнула — обычно кровью платить приходится.

— Не благодари, — Гернаримарнахр свернул сверток, засунул за пояс штанов, — я теперь в преисподней хвастать буду, что ел святые блины. Звала зачем?

Шмыгнув носом, перетянула сильнее запястье, которое все еще кровоточило, и честно призналась:

— Хочу спасти Люсинду.

Гернаримарнахр оторопело вытаращился на меня. Глаза его стали круглыми, пасть с клыками приоткрылась, являя взору вконец ужасающую картину. Затем последовало громоподобное:

— Что?! Ведьму?! Конкуrentку?! Которая тебе даже не родственница?! Телль, ты сдурела.

И это было только начало.

Неодобрительно цыкнув, демон достал чью-то закопченную конечность и, начав ее зло грызть, грозно продолжил:

— Права была твоя мамка, черти ее подери, в глушь тебя, ранимую дуру, надо, в самую беспросветную, чтобы ума набралась, дура жалостливая. Это надо же додуматься — спасти конкурентку! Даже не родственницу!

Повторно шмыгнула носом, жалостливо глядя на Гернаримарнахра, — обычно действует. Подействовало и сейчас, рычать перестал, но зато, подавшись ко мне, грозно спросил:

— Ты мне что обещала, Телль?

Насупилась.

— Ты мне гарантировала, что если тебя прикрою, ты за год себе мага найдешь и родишь ведьмочку. Был такой разговор?

— Был. — Я поняла, что, кажется, помогать мне никто не собирается.

— И-и-и?! — грозно спросил демон.

Промолчала, опустив голову.

— И не надо мне заливать, что тут нигде белых магов не водится! —

окончательно разъярился Гернаримарнахр.

Закрыв глаза, а через мгновение взревел:

— Восемь магов, Телль! Восемь беломордых рож, твою мать! Пятеро так вообще вокруг лавки ошиваются, а один... — демон хмыкнул, — один твой, малышка.

Воспоминание о белом окончательно испортило все ведьминское настроение.

— Настоячивый какой, — продолжил Гернаримарнахр, — понял, что демона вызвала, пытается спасти... тебя, ха!

Сложила руки на груди, демонстрируя очевидное «Да ни за что!».

Демон приоткрыл один глаз, смерил меня внимательным взглядом и выдал:

— А придется. Мы с тобой как договаривались, Телль: от тебя выполнение всех условий, от меня содействие в занятии поста верховной, так?

Договор в принципе был.

— Начинай охоту на мага, — требовательно приказал Гернаримарнахр.

— Сам на него охоться! — не сдержалась я.

Хохотнув, демон протянул:

— Извини, малышка, он не в моем вкусе — у него ни шипов, ни клыков ядовитых, ко всему прочему он даже не женщина.

— Вот и мне он тоже не нравится, — пробурчала ведьма.

Гернаримарнахр открыл и второй глаз, укоризненно покачал головой и сообщил:

— А других белых он к тебе не подпустит, Телль, запал мужик, основательно запал.

— Бесит, — честно сказала я.

— Интимный процесс занимает пять-десять минут, потом можешь беситься сколько угодно, — хмыкнул демон.

Психанув, прошипела:

— Не с ним.

— А какая разница, Телль? — удивился Гернаримарнахр. — Дочь все равно в тебя будет, магия не позволит ей ни одной отцовской черты унаследовать, так что не создавай себе проблем, бери то, что само в руки идет.

— Нет.

Выругавшись, демон взревел:

— Да в кого ты такая упрямая, ведьма?!

Молча смотрю на Гернаримарнахра. Демон мой взгляд выдержал,

укоризненно покачал головой и произнес:

— Паршивая из тебя черная ведьма, Телль, вон, даже хранителем белым обзавелась, позор какой.

Да-да, знаю, что тигра сидит за моей спиной.

— Это Гардэм, — мой голос прозвучал едва слышно.

Гернаримарнахр удивленно посмотрел на меня, перевел взгляд на хранителя, вновь не веря посмотрел на меня, на хранителя.

— Мадину убили, — сообщила я. — Гардэм ко мне прибежал, все, чем я могла ему помочь, — привязать к белому источнику.

— Дела-а-а, — протянул демон. И закончил уже знакомым: — Дура. А чего еще можно было ожидать от демона?

— Хотя, — прищурился, — дополнительная защита тоже неплохо. Неужели?!

— К слову, как обстановка в городке?

— Мэр сменился, гарнизон устраивают, белых набежало, — отчиталась я.

Слегка прищурившись, Гернаримарнахр издевательски протянул:

— Начала с мэра...

Вот ведь!

— Так с него все началось, — парировала я.

— Оправдываешься, — еще язвительнее подметил демон.

Обидно как-то стало, и, недолго думая, выложила козырь:

— Он ловец.

Поддавившись очередным готовым сорваться издевательским замечанием, Гернаримарнахр прорычал:

— Так, все, в глушь лесную! Подальше от городов, людей и проблем! Собирайся, твою мать!

— Спасибо, мне и здесь хорошо, — настала моя очередь язвить.

— Отшлепаю! — пригрозил демон.

— Поздно меня воспитывать, сама кого хочешь перевоспитаю. — И это факт.

Гернаримарнахр нахмурился, опять достал чью-то закопченную конечность, погрыз. Он всегда грызет, когда злится. Еще недавно курил, но как понял, что это вредно для мужского здоровья, заменил погрызанием. Теперь вот грызет и на меня зло поглядывает... Ага, это потому что именно я ему про вред курения рассказала.

— Так, еще раз внятно и четко — чего хочешь? — прошипел демон.

Достала лист бумаги, вычертила схему, протянула ему.

Осторожно взяв кончиками когтей, Гернаримарнахр поднес лист к

лицу, вчитался, выругался на своем и мне малопонятном. Потом мрачно спросил:

— То есть перемещение тела, да?

Кивнув, пояснила:

— Я не знаю, где она. Не знаю, что с ней, все, что ощущаю, — Люсинда жива. Сколько еще она проживет — не знаю. Ранена ли, истерзана, пьют ее — не знаю.

— Не проще ли было бы начать поиск по крови? — спросил Гернаримарнахр.

— У меня нет ее крови, — беспомощно развела руками. — И если она истерзана, не уверена, что сумею доставить ее в свою лавку живой. Ко всему прочему — я сейчас не в том состоянии, чтобы сражаться с тем, кто уже убил одну ведьму и сейчас убивает вторую.

— Телль, твою мать, Телль, — прорычал демон. Но погрыз копченую лапу, хмыкнул и добавил: — А вообще разумно.

— Поможешь? — уже совершенно уверенная в положительном ответе, спросила я.

Укоризненно покачав головой, Гернаримарнахр протянул:

— Ночь не спала явно, с утраца психовала, магичила на эмоциях, еще и это. Свалишься, Телль.

— Гардэм прикроет, — заверила демона.

Гернаримарнахр снова начал грызть копченую конечность и рыкнул:

— Давай уже, не тяни. Ох и бесишь ты меня, ведьма!

С улыбкой поднялась.

У меня уже все было готово — стол длинный обеденный мы с хранителями уже затащили, свечи расставили, гримуар был раскрыт на нужной странице, кинжал спиртом протерла.

— А, то есть на мое согласие ты изначально рассчитывала! — догадался Гернаримарнахр.

Обернувшись, послала ему самую очаровательную улыбку.

— Лиса ты, Телль, похлеще иной суккубки будешь, — хмыкнул демон.

Ничего не сказав, начала ритуал и почти сразу ощутила поддержку Гернаримарнахра — он так для виду чаще ворчит, а в принципе добрый со мной. Вот и сейчас помогать стал сразу, не дожидаясь, пока черная ведьма от слабости упадет. Нет, все равно упаду, но потом, когда закончу, а сейчас:

— Аграта эррата ланерран! — произнесла я, вскинув руки вверх.

И закрутился, завертелся призрачный зеленый вихрь, не желая подчиняться моему приказу, не желая рвать на части пространство, жаждущий лишь крови. И кровь заструилась по запястьям, подхватываемая

одушевленным смерчем, впитываемая жадной сущностью.

— Э, не наглей, — слышался голос демона, — не наглей, я сказал, иначе мы с тобой позже поговорим, в моем мире.

Контролирует, я не одна. И жадная до крови сущность пыл поумерила.

А я продолжила уже значительно смелее:

— Таргшана эгаррра ахенна элтарра шарганн!

Треск пространства, вой обозленного приказом смерча, грохот грома, прогремевший где-то в доме, и рывок — отчаянный рывок, от которого я едва не задохнулась, и скрутившая все тело боль, когда смерч сделал последний глоток.

А затем на стол свалилось белое тело совершенно седой и полностью раздетой ведьмы. Свалилось, словно безжизненное, и я едва не взвыла, но...

— Она жива, Телль, — поспешил успокоить Гернаримарнахр. — Жива, слышишь, ослаблена только. Ты справишься, Телль. Отдыхай.

Вспыхнула огнем пентаграмма, затягивая остатки одушевленного и еще голодного вихря и падая на пол. Благодарно улыбнулась — демон обо мне позаботился, иначе пришлось бы усмирять смерч самой.

Вот только закрывая глаза и проваливаясь в бессознательное, я заметила, как распахнулась дверь, ведущая в подвал...

* * *

Я застонала и повернулась, проклиная все на свете и в первую очередь свою голову, которая нещадно болела. Но почти сразу пришло странное чувство — лежу на чем-то непонятном! Мягком, прохладном, слегка скользком и непонятном.

А затем услышала раздраженное:

— Вы нелогично себя ведете, господин Вегард.

— Мэтр Октарион, вынужден повторно напомнить, что в моем городе я буду поступать так, как считаю нужным.

— А я, в свою очередь, должен напомнить, что нахожусь в вашем городе как раз по причине необходимости борьбы с черными ведьмами.

— Рад, что у вас хорошая память, и советую вспомнить, что именно вы убеждали меня в совершенной безвредности госпожи Герминштейн.

Пауза, в течение которой я пытаюсь понять, что происходит. Затем голос беломagической вражеской рожи:

— Я не могу понять причин вашей упертости, господин Вегард.

— Как я уже говорил — не потерплю разврат в своем городе, — отчеканил мэр.

— Отношения между мужчиной и женщиной вы называете развратом? — рык белого мага.

И холодный ответ:

— Госпожа Герминштейн — незамужняя девушка, находящаяся в Бриджуотере без опеки со стороны родных, соответственно, да — ваши посягательства на ее честь я вынужден охарактеризовать как развратные действия.

Пауза, взбешенное:

— Хорошо, а если я на ней немедленно женюсь, вас это устроит, господин Вегард?!

— Вынужден выразить обеспокоенность тем, что это не устроит госпожу Герминштейн, — тон мэра стал на два градуса ниже.

— Поверьте, вам не о чем беспокоиться, — ядовито заверил мэтр Октарион.

— Как я уже говорил — госпожа Герминштейн находится в Бриджуотере без опеки своей семьи, соответственно, фактически под опекой главы города. Как ее опекун я дам свое согласие на ваш брак только по просьбе самой госпожи Герминштейн.

И снова тишина.

Затем Арвейн произнес:

— Боюсь, у меня есть основания подозревать, что у вас в отношении данной ведьмы свой личный интерес, господин мэр.

— Это исключительно ваши подозрения.

— Похоже, они имеют основания.

— Повторюсь — это исключительно ваши подозрения.

Пауза.

Затем белый произнес:

— Ни одна черная ведьма до рождения дочери не свяжется со смертным, посему — не стоит тешить себя напрасными надеждами, господин Вегард.

— Я вижу, вы от подозрений перешли к предостережениям, — усмехнулся мэр.

А он вызывает уважение, чем-то мне сейчас отца напомнил, тот тоже всегда на все отвечает с достоинством.

Раздались чьи-то шаги, после распахнулась дверь. Я открыла глаза, встретилась взглядом с вошедшим мэром и поняла, где и в чьей, сухой, кстати, постели я лежу. Мэр остановился, глянул на дверь, за ручку которой

продолжал держаться, затем на меня. Тяжело вздохнул и спросил:

— Давно в себя пришли, госпожа ведьма?

— Не очень, господин мэр, — натягивая белую простыню повыше, почему-то смущенно ответила ему.

— И многое вы за «не очень» успели услышать, госпожа ведьма? — Он тоже смотрел куда-то в сторону, избегая взглянуть на меня.

Решила не отвечать и потому попыталась спросить:

— А что с...

— Ваша коллега находится у лекаря. В себя уже пришла, спрашивала о вас. Ваш тигр вместе с остальными составными частями «расчлененной девственницы» ужинают, Дохрай заверил, что мяса в лавке достаточно. Еще вопросы?

После такого мне оставалось спросить еще только об одном.

— Господин мэр, — подняла голову, взглянула в карие глаза ловца, — а что я делаю в вашей постели?

Выдержав мой взгляд, он задал встречный вопрос:

— Вас следовало оставить лежать на полу, госпожа Герминштейн? Или, быть может, вы предпочитаете постель белого мага?!

Второй вопрос был задан несколько зло.

— Нет, — поспешно ответила я, — ваша меня устраивает в гораздо большей степени!

Мэр взял и улыбнулся.

И как-то он так улыбнулся, светло, искренне, открыто, что я дышать перестала. И так, не дыша, смотрю во все глаза на улыбающегося мэра, у которого от улыбки даже глаза как-то засверкали, а может, дело в том, что в окно били лучи заходящего солнца, и он весь в ореоле лучей был, и как-то...

Отвернувшись, головой тряхнула, прогоняя наваждение, задышала... не поняла, что происходит! Стремительно повернувшись, снова посмотрела на мэра — мэр как мэр, да в лучах солнца, но так весь как прежде, и да — уже не улыбается, а смотрит очень встревоженно.

— Госпожа ведьма, вам нехорошо?

Нет, так, в общем, я себя очень хорошо чувствовала, что крайне странно. Вот только взгляд мечется по комнате, старательно избегая смотреть на некоторых. И так как смотрела я повсюду, увидела пузырек черного цвета на столике рядом. Не задумываясь потянувшись, схватила, разглядела знак аркана и поняла, что это из арсенала ловцов.

— Восстанавливающее зелье, разработка нашей госслужбы, — произнес ловец.

— И что вы с ним делали? — испуганно спросила я.

— Влил в вас, — несколько раздраженно ответил мэр. — Вы же себя хорошо чувствуете, не так ли?

Сначала пожала плечами, потом неуверенно кивнула...

И вспомнила, как распахнулась дверь в подвал лавки Люсинды. Удивленно посмотрела на господина градоправителя, не выдержав, спросила:

— Так это вы взломали защиту Хархема?

Проигнорировав вопрос, мэр произнес:

— Раздевал вас не я, а госпожа Торникай. Здесь оставил по причине необходимости контроля — я не был уверен, что влил в вас достаточно. Ужин вам сейчас принесут. В постели проведете еще час, после можете вставать.

Подняла правую руку, щелкнула пальцами — магия отозвалась, вспыхнув зеленым огоньком над ладонью.

— Лежать, — безапелляционно повторил мэр, — еще час по инструкции. Без возражений.

Возражений и не было, но сев на постели и обняв колени, я с запоздалым изумлением поняла:

— Вы и защиту демона вскрыли!

— Я — ловец, — холодно напомнили мне. И добавили: — Не из рядовых. Еще вопросы?

Вопросов было много, но вспомнив сказанное про ужин, я уточнила:

— А еду готовили для меня или для вас?

Лицо у мэра окаменело.

— Нет, спасибо, я тогда дома поем, — откидываясь на подушки, решила черная ведьма.

— Чудовище, — пробормотал жертва моих зелий.

— Что? — вскинулась я.

Ничего не пояснив, мэр прошел к окну, остановился, заложив руки за спину и вглядываясь в горизонт, а затем сообщил:

— Ваша коллега ничего не помнит, абсолютно.

Приподнявшись на руке, удивленно смотрю на мэра.

Он, не оборачиваясь, продолжил:

— Ее пили. Основательно и жадно, снизив магический уровень раза в три и укоротив жизнь более чем на десять лет.

У меня похолодели ладони.

— Мэтр Октарион отметил, что ведьма не сопротивлялась, что и стало причиной столь стремительной потери сил.

Полуповорот, взгляд на меня и вопрос:

— У вас есть предположения, куда могла отправиться ваша коллега?

— Точнее, к кому. — Я села, поправила подушку и, устроившись удобнее, произнесла: — Люсинда получила уведомление от ордена... — Говорить об этом оказалось очень сложно, но я почему-то продолжила: — Я мало знаю, что такое наложение печати, мы не учили ничего подобного, но насколько я понимаю, в уведомлении речь шла именно об этом. Люсинда пришла в ярость, разгромила все в лавке, затем собралась и ушла, намереваясь вернуться в течение нескольких часов.

Мэр помолчал, затем веско добавил:

— Черная ведьма отправилась к тому, кому доверяла, раз ею не было взято ни единого амулета защиты.

Приподняв брови, удивленно спросила:

— Откуда вы знаете?

— Провел обыск, — последовал немногословный ответ. И столь же скупое пояснение: — Все амулеты защиты оставались в сундуке.

Не поверив собственным ушам, благоговейным шепотом спросила:

— Вы открыли ведьминский сундук?!

Господин мэр судорожно выдохнул и прошипел:

— Госпожа Герминштейн, уясните уже раз и навсегда, что я...

Не дослушав, подскочила на постели и жадно спросила:

— А с моим договориться сможете?

Ловец застыл с приоткрытым ртом.

— А то он мне конспект по запрещенным ритуалам до сих пор не выдает, — объяснила воодушевившаяся черная ведьма. — А он мне очень-очень необходим, и вообще сундук бесит!

Мэр гулко сглотнул. Затем отвернулся к окну и выдал:

— Полностью поддерживаю ваш сундук в стремлении оградить вас от необдуманных и опасных действий.

— В смысле? — не поняла я.

— В смысле вскрывать не буду, — сообщил наглая морда.

Охамел!

Определенно, хамство в чистейшем виде!

Да как он... да как я... да...

Открылась дверь, пропуская телеса господина Нтаке, который толкал перед собой маленький столик на колесиках, заставленный блюдами под крышкой.

Мэр повернулся, хмуро глянул на своего нового повара и меланхолично сообщил:

— А госпожа ведьма есть отказывается, демонстрируя явное неуважение к зельям собственного приготовления.

Господин Нтаке, у которого одних только дочерей насчитывалось девять, а племянниц и вовсе более двадцати было, глянул на меня и, замотав отрицательно головой, с горячностью заверил:

— Нет-нет, вы что, для вас, госпожа ведьма, все отдельно гото...

И тут до повара дошло.

Господин Нтаке побледнел, покраснел, снова отрицательно покачал головой, бросил испуганный взгляд на мэра, затем просительный на меня, я же радостно заявила:

— Тогда я с удовольствием поем! Катите столик ближе.

Выругавшись сквозь зубы, градоначальник прошипел:

— И для меня приборы принесите, будьте столь любезны, господин Нтаке.

Повар мгновенно ретировался, я же с грустью заметила:

— Вечно вы меня объедаете, господин мэр.

Он не ответил. Удивленная этим, посмотрела на ловца и поняла, что все время с момента ухода повара мэр стоял и смотрел на меня. Странно смотрел. Так, словно это я, а не он, была озарена ореолом лучей заходящего солнца. Но я же не была... а он был... и в свете лучей казался каким-то нереальным... И почему-то вспомнился тот сон, где мэр меня целует, а не в изготовлении приворотных зелий обвиняет, а я его обнимаю, а вовсе не мстительным планам предаюсь, и птицы так оглушительно поют, и...

В окно постучали. Вздогнув, тряхнула головой, прогоняя наваждение, повернулась к окну, которое было рядом с кроватью, а не к тому, у которого мэр стоял, и увидела ворону. Черную, встрепанную, с зеленоватыми глазами, что свидетельствовало о наличии подавляющего волю заклинания.

Щелкнув пальцами, открыла створки, ворона влетела, уронила свиток послания мне на руки и вылетела, освобожденная от подчиняющей магии.

Я же, не стесняясь присутствия ловца, развернула свиток и принялась читать:

«Дорогая доченька, — было выведено кривым маминым почерком, — в столице все неспокойно, что в очередной раз заставляет меня порадоваться твоему нахождению в глухой и непролазной лесной глуши. Вот только как честная черная ведьма вынуждена сообщить, что последнее твое письмо посеяло в душе моей значительные сомнения в том, что дочь моя действительно в чаще лесной обретается!»

Ой, Тьма.

— Плохие новости? — Мэр продолжал стоять у своего окна, но при этом почему-то меня пристально разглядывал.

— Мама, — прошипела я.

— А, проблемы отцов и детей, — улыбнулся мэр.

— Матерей и дочерей, — поправила я. — Отец у меня мировой мужик, с ним трудностей в общении не возникает.

И надо бы читать дальше, а как-то уже и не хочется...

— Удивительно, — задумчиво произнес господин Вегард, — вы первая на моей памяти, кто назвал белого мага «мировой мужик».

Недоуменно глянув на мэра, внесла поправку:

— Мой отец не белый маг, он нормальный, вменяемый, самый лучший на свете и замечательный папа.

Настала очередь господина Вегарда недоумевать.

Но его недоумение, едва я вновь приступила к чтению, вылилось в вопрос:

— Ваш отец смертный?

Хмуρο глянув на мешающую мне читать морду, прошипела:

— Очень не советую оскорблять моего папу! Он обычный, нормальный, не маг, на этом все!

И я снова начала читать:

«Доченька, просто прими к сведению — если ты, паразитка мелкая, не в лесной чаще обретаешься, я тебе такую „скучную жизнь“ устрою — мало не покажется!»

Ну вот началось, лучше бы вовсе ничего не писала, теперь же заставит папу пяток медведей домой приволочь, и всех на мои поиски отправит... Тьма!

А тут еще и мэр, со своим:

— То есть ваш отец не белый маг?!

Скривившись, хмуρο посмотрела на него и раздраженно произнесла:

— Господин мэр, черные ведьмы рождаются исключительно от белых магов, это установленный магической наукой и не подвергающийся сомнениям факт. Еще вопросы?!

Собственно последнее я произнесла таким тоном, чтобы всяческое желание что-либо спрашивать у мэра отпало напрочь, но он почему-то спросил:

— Так значит, зачаты вы были от белого мага, так?

— Естественно! — разъяренно прошипела я.

Поморщившись, ловец неожиданно задал вконец странный вопрос:

— А вы со своим настоящим отцом знакомы?

Приподняв бровь, скептически смотрю на мэра. Мэр на меня. Я на мэра. Мэр на меня, своими породистыми карими глазами насыщенного кофейного цвета... О чем вопрос был?!

Открылась дверь, вошел господин Нтаке, бочком протиснулся к столу, осторожно поставил приборы и тарелку, торопливо вышел... Мы с господином мэром продолжали смотреть друг на друга.

А потом я вспомнила, о чем был вопрос!

Нахмурилась и, вернувшись к чтению, холодно ответила:

— Мне известно его имя и местонахождение, если вы об этом.

И вот заткнуться бы ему, но Вегард взял и спросил:

— А вашему отцу известно о вашем существовании?

Все, достал! Окончательно!

— Слушайте, вы, — прошипела взбешенная ведьма, — кандидат на стремительный отъезд из города, менее всего я расположена делиться с вами...

— Прошу прощения, если мой вопрос вас чем-то задел или обидел, — перебил мэра. — Я искренне не хотел вас расстраивать, госпожа ведьма.

Вернулась к письму, поняла, что не могу прочесть ни строчки, посидела, пытаюсь все же вчитаться, и непонятно почему ответила:

— Да, тот белый маг обо мне узнал, когда приезжал на инспекцию в магистериум. Но общения не вышло... с отцом. А вот с дедушкой и двоюродным дедушкой я была очень близка.

— Случаем, не дедушка вам оставил лавку аптекаря?

Хмуро глянув на мэра, ответила:

— Нет. С этим дедушкой, Гэбриэлом я знакома не была... или, может, не помню. Дедушка Аримарх на выходные, так, чтобы мама и... маг не узнали, забирал меня к себе в городской особняк, у него имелось двое родных братьев и шесть двоюродных, я была маленькая, а когда подросла, дедушка умер. За год до окончания магистериума получила наследство от одного из его двоюродных братьев.

Я не стала говорить о том, что ни родители, ни... тот белый маг о подарке от аптекаря из Бриджуотера не знают. Мне хватило ума сохранить в тайне этот билет во взрослую и независимую жизнь.

Мэр молчал некоторое время, а затем произнес:

— Теперь я понимаю, почему вы наотрез отказались покидать лавку.

Подняла на него вопросительный взгляд.

— Из природной черноведьминской вредности, — улыбнулся он.

Улыбнулась в ответ.

Неожиданно на душе стало тепло, словно я дома с родителями. Вернувшись к письму, продолжила чтение.

«Мне не понравился твой вопрос, Телль, но я постараюсь ответить честно, как и всегда».

Потому и спросила — точно знала, что получу полный и всеобъемлющий ответ. Так и вышло:

«Все дело в силе, Телль, точнее в том, чей источник сильнее, а сила ведьм растет с возрастом. Именно поэтому о рождении дочери следует думать к сорока, и не ранее. Но даже в сорок-сорок пять следует быть осторожной и вести охоту на белого мага в строгом соответствии с регламентом. Черные ведьмы — дети случая, страсти, рожденные на грани риска, когда предмет охоты — маг».

Сев удобнее, продолжила напряженно читать:

«Вероятно, на дочь тебя уговаривает твой Гернаримарнахр, но я категорически против, Телль. В твоём возрасте о детях думать рано, сама ещё ребенок, и небезопасно в том случае, если маг попадется значительно старше по возрасту и не рядовой. Попробую объяснить — черный источник четко влияет на пол ребенка, но в случае, когда белый сильнее, рождаются девочки, да, вот только есть вероятность, что рожденная будет белой. Небольшая вероятность, но есть. Однако существует и опасность — белые маги из ордена. Никогда... я повторюсь, никогда, Телль, не связывайся с теми, кто способен поглотить черный источник».

Затаив дыхание, продолжила чтение:

«Служители ордена не так давно получили поддержку власти и редко когда интересуются черными ведьмами, но мне известны по меньшей мере два случая насильственного брака между белым магом и ведьмой. Тут предмет охоты — ведьма, результат — рождение белых магинь, и только белых магинь, черный источник едва ли остается в крови черной, но на пол

детей влияет. А вот дальше все совсем грустно, Телль, ведь если рожденная черной ведьмой дочь принадлежит матери, то белая магиня остается в полной собственности отца и становится предметом безобразного торга и замуж их не отдают — продают без согласия. Такого ни одна мать своему ребенку не пожелает, тем более черная ведьма».

Невольно вспомнила госпожу Анарайн — а судьба-то у белой магини была не дай Тьма!

После вспомнились слова мэтра Октариона:

«Потому что мне очень хочется поддержать на руках нашу с тобой дочь, Аэтелль, и не одну».

Пальцы похолодели. В памяти всплыла и еще одна фразочка белого: «Госпожа Герминштейн, знаете, кто гораздо более настойчив, чем черные ведьмы?» и продолжение: «Белые маги».

Рожа все знал! Знал с самого начала, когда безошибочно определил мой возраст. И совершенно точно понял, что ни я о чем не знаю, когда мы заговорили об ордене. Меня собирались использовать втемную! Просто взять и использовать! Меня!

— Воды дать? — поинтересовался мэр, продолжающий все так же с явным интересом наблюдать за мной.

И так как я ничего не ответила, спросил:

— Плохие известия из дома?

Отрицательно покачала головой, читая дальше:

«Будь осторожна, Телль, и меньше слушай Гернаримарнахра, рано тебе еще даже думать о poste одной из верховных ведьм, рано! Набирайся опыта, учись, не забудь, что семь томов черного гримуара вам на выпускном не просто так выдали, и не высовывайся!

Люблю, скучаю, береги себя, не простывай и не отходи далеко от источника.

Мама».

Постскриптум:

«Доченька, будь осторожна, нехорошие дела в королевстве творятся. Держись подальше от южных городов — Теанра,

Бриджуотера, Бермингема, туда ловцов отправили, ищут вражеских магов. Как и мама, искренне надеюсь на твоё благоразумие, но если что, смело показывай своё свидетельство о рождении — не забывай, тот факт, что твой папа королевский ловчий, как минимум убережет от казни, а по факту никто из госслужб и тронуть не посмеет. В крайнем случае под конвоем отправят в столицу для разбирательства, а тут есть я. Будь умничкой.

Папа».

Дочитав, ещё дважды перечитала написанное отцом. Просто информация от мамы вся доступная и понятная, а вот папино сообщение завязано на политике, а я как истинная черная плевать хотела на всю политику до... до определенных обстоятельств, то есть пока это лично меня не касается. Сейчас коснулось.

Задумчиво свернула послание, попыталась сунуть в карман — обнаружила, что карман далеко, в мантии. Притянула одеяние магией, сунула послание, вернула мантию на стул, откинулась на подушки, раздумывая над ситуацией.

Напрягает.

Вся ситуация в целом и посягательства беломагической рожи в частности. Ко всему прочему дочка мне все-таки нужна... К слову, и Зигфрид очень даже не плох...

— У вас интересное выражение лица, госпожа ведьма, — неожиданно произнес мэр.

— Это какое? — заинтересовалась я.

— Задумчиво-брезгливое, — сообщил он.

— Ничего удивительного, белые маги у нас, черных ведьм, практически всегда вызывают чувство брезгливости, — тяжелый вздох удержать не удалось.

— Что-то я не заметил подобных эмоций в тот момент, когда вы выскочили из лавки в регламентировано-развратном наряде, госпожа ведьма, — ехидно подметил мэр.

— Азарт охоты превалировал, — парировала я. — Согласитесь, есть разница между рыбалкой и покупкой той же рыбы на рынке.

— Никогда не покупал рыбу, — сообщил ловец.

— Рыбалка в сотни раз увлекательнее, — оповестила я.

И снова задумалась.

Нет, теоретически я вполне могу заманить Зигфрида к себе и сделать все по регламенту... Да и не только теоретически, полагаю, и на практике это особого труда не составит.

— Не могу понять, — господин мэр подошел к столику, взяв стул, сел, — если одна только мысль о белом маге вызывает у вас столь явное неприятие, зачем же вся эта беготня с... регламентом? Присаживайтесь ближе.

У меня лично аппетита не присутствовало, и потому я осталась полулежать, сложив руки на груди и не выказывая желания присоединиться к трапезе, но ответить почему-то потрудилась:

— С рождением дочери сила черной ведьмы увеличивается вдвое. — И тут же уточнила: — В смысле когда черная ведьма рождается.

Мэр, разложив салфетку на коленях, поинтересовался:

— А когда не черная ведьма?

— Ведьма слабеет, — нехотя ответила я.

Вновь вспомнился мэтр Октарион, его слова и чрезмерная настойчивость белого мага. Передернуло.

— Госпожа ведьма, вам следует поесть, — вернул к действительности Вегард.

Подозрительно прищурившись, поинтересовалась:

— А с чего это вы обо мне так заботитесь, господин мэр?

Не глядя на меня, ловец снял крышки с блюд, внимательно осмотрел открывшееся взору, положил себе в тарелку несколько котлет под томатно-чесночным соусом, отрезал ломоть хлеба и, все так же не одарив черную ведьму и взглядом, произнес:

— По той простой причине, что, несмотря на весь свой отвратительный, зловредный, непостижимый и пакостный характер, вы лучшее, что случилось с этим городом до моего прибытия.

Изумленно посмотрела на мэра, он продолжил:

— Вас не просто любят — оберегают местные жители. И, — карие глаза все же соизволили взглянуть на меня, — сейчас у вас проснется дикий голод, собственно, поэтому я и распорядился принести так много еды.

В моем взгляде теперь было не только изумление, но ко всему прочему еще и недоверие... а потому я схватила пузырек с зельем, открыла, набрала капельку на ноготь, щелкнула пальцами и магией разделила состав на составные части... Список тут же возник призрачным свитком, но еще до того, как успела дочитать, на всю спальню раздалось совершенно беспардонное урчание моего желудка...

— Я предупреждал, — меланхолично произнес ловец.

И сделал нечто — протянул мне тарелку с котлетами, которые, оказывается, для меня туда положил и даже водрузил сверху отрезанный ломоть хлеба.

И это было так... так... даже не бесило ни капельки!

И я потянулась, взяла тарелку, и хлеб, и вилку, что он протянул следом, и, устроив блюдо на коленях, принялась есть, отчего-то все продолжая и продолжая улыбаться. А мэр взял себе мою тарелку и тоже приступил к ужину. А там внизу у стен мэрии шумел народ, разыгрывался оркестр, слышались крики распорядителей... А тут было тихо, и мы просто ели.

Удивительно так.

А потом кто-то заорал: «Шакалы»...

Этот вопль мне что-то смутно напомнил, вот только никак не пойму что.

«Волкоголовые!» — еще один истеричный вопль.

Перестав есть, мэр прислушался и вскоре произнес:

— Необычно.

Встал, прошел к окну, застыл.

А я ем.

Глава Бриджуотера медленно повернулся и сурово посмотрел на меня.

Все еще ем, очень сосредоточенно, и вообще не надо отвлекать от еды оголодавшую черную ведьму.

Господин Вегард развернулся всем телом, сложил руки на груди и теперь очень возмущенно смотрел на меня.

Прожевала, сглотнула и нехотя уточнила:

— Четырнадцать?

Мэр кивнул.

— Сами виноваты, — вынесла вердикт голодная я.

И вот тут Вегард потряс меня до глубины души!

Точнее, не сразу, для начала он задал вопрос:

— Те, кто напал на хозяев таверны «Два пескаря»?

Молча кивнула.

Пожав плечами, ловец вернулся за стол, вновь приступил к ужину, а на мой удивленный взгляд пояснил:

— Сами виноваты.

Несколько минут, забыв про адский голод, я потрясенно смотрела на мэра и в конце концов сдавленно спросила:

— И это все?

— Нет, — прожевав, ответил он, — помимо этого, ущерб таверне и ее

хозяевам будет возмещен из их жалования, ко всему прочему всех участников противоправных действий ожидает наказание палками.

В этот миг я поняла, что этот мужик мне определенно нравится!

Нет, не без недостатков, конечно, мужик, но...

— Ладно, господин мэр, чемоданы можете распаковывать, — милостиво дозволила я.

Мэр усмехнулся и сделал ответный жест:

— Уговорили, госпожа ведьма, можете не переезжать.

Мы переглянулись. Не знаю почему, но глаза опустила первая, и вообще хорошо, что белила на щеках, потому что кто-то покраснел. Из-под ресниц посмотрела на мэра — он сурово ел. Кажется, мы подружimsя.

Нет, с прежним мэром мы тоже в итоге сдружились, но он все больше при виде меня вздрагивал, бледнел и держался подобострастно, а этот весь с достоинством, даже смотреть приятно.

— Могу я задать еще один мучающий меня вопрос, госпожа ведьма? — оторвавшись от ужина, спросил новый градоначальник.

— Конечно, господин мэр, — мне даже интересно стало, что ж его так мучает.

Улыбнувшись, выдал:

— Зачем вам потребовалось это сожжение?

И это его мучило? Странно.

Честно ответила:

— Какой солдат не мечтает стать генералом.

Взгляд карих глаз мэра выразил удивление, смешанное с недоумением.

— Чтобы стать верховной ведьмой, — несколько раздраженно пояснила я. — Вообще стать верховной розовая мечта каждой черной ведьмы, а для этого требуется набрать и определенное количество сожжений, причем священник каждый раз должен быть разный и... Там много особенностей в регламенте.

— Да уж, — потрясенно выговорил Вегард.

— Господин мэр, — укоризненно посмотрела на него, — только не говорите, что вы никогда не мечтали сделать карьеру.

Он повел плечом, после посмотрел в сторону окна и как-то совершенно не весело произнес:

— Я сделал.

С нескрываемым недоверием переспросила:

— Пост мэра?!

Как-то совершенно не весело усмехнувшись, он не ответил и вернулся к ужину. Черная ведьма решила, что ей это неинтересно, и тоже начала

есть. И мы уже почти все доели, как приоткрылась дверь, что примечательно, без стука, в щель втиснулась голова госпожи Торникай, и женщина громким шепотом поинтересовалась:

— Госпожа ведьма, а это... там это... вы скоро?

Вместо ответа я посмотрела на господина мэра. Тот достал часы, глянул на них и сообщил:

— Еще четверть часа.

Я развела руками, мол, вы все слышали.

— Ага, — кивнула головой госпожа Торникай. — А второе зелье, которым офицерам гарнизона жизнь портить будем, тоже готово?

— Естественно, — с самым коварным видом заверила черная ведьма.

Мэр, вернувшийся к еде, чуть не подавился.

— Ждем, — обрадовалась госпожа Торникай и закрыла дверь.

А Вегард, укоризненно глядя на меня, разъяренно выговорил:

— Госпожа ведьма!

— Да-да, господин мэр? — с энтузиазмом переспросила я.

И тут я подумала вот о чем — а как это он так быстро по городу перемещался? Просто пешком вряд ли, а на лошадях никак. Соответственно, я и спросила:

— Как вы так быстро оказались у лавки Люсинды?

У мэра дернулось веко, но мужик мужественно ответил:

— Мулы.

— Что? — Я чуть тарелку не выронила.

Медленно выдохнув, мне с нескрываемым раздражением объяснили:

— Мулы, госпожа ведьма, на запах вашего зелья не реагируют. — И даже взял и добавил: — Альтернатива есть всегда, нужно лишь найти. И раз уж мне не удалось договориться с вами, даром открыл виски, я нашел иной вариант.

Да, он определенно вызывал уважение. Умен...

— К слову, — продолжил, — одна маленькая деталь привлекла мое внимание — и в доме госпожи Мадины Моргенштейн, и в доме господи Люсинды Хендериш имелись одинаковые по размеру, внешнему виду и параметрам массивные котлы.

Про умен беру свои слова обратно.

— Господин мэр, — я слегка поморщилась, — мы черные ведьмы, нам по регламенту положено иметь один большой котел для масштабных заклинаний.

Мэр кивнул, усмехнулся, заметив мой полный скепсиса по поводу его умственных способностей взгляд, и спросил:

— А трещина на этом котле, совершенно идентичная в обоих случаях, также регламентирована?!

Я замерла. Прикусила губу. Переставила тарелку на столик, села, сложив руки на груди. Губы, кажется, искусала — дурацкая привычка с детства. Потом пришла очередь ногтей, да, тоже иногда грызть нервно начинаю, потом...

— Я осмотрел оба, — продолжил ловец. — Вероятно, не обратил бы внимания, но в доме госпожи Моргенштейн это был единственный предмет, не подвергшийся стремительному разрушению, что и дало возможность его всестороннего изучения. Кстати, почему котел не саморазрушился, как дом и все остальное?

Мне очень не хотелось сейчас что-либо говорить, хотелось закрыться дома, посидеть в тишине, подумать, но... но я ответила:

— Потому что эта вещь была подарена Мадине в день ее приезда в Бриджуотер.

Я перестала грызть ногти, обняла колени руками.

— И я так понимаю, — продолжил мэр, — точно такой же котел был подарен и вам, и госпоже Хендериш?

Про Люсинду я не знала. Мы, черные ведьмы, между собой особо не общаемся, просто так вышло, что как-то раз я была у Мадины, и та спросила, у кого я буду котел заказывать, а я рассказала, что мне его уже подарили. Мы тогда очень удивились, потому что Мадине его тоже... подарили. Только на сорок лет раньше, но в целом такой же.

— Еще вопрос, — мэр внимательно смотрел на меня, — я так понимаю, что со смертью ведьмы самоуничтожаются все ее вещи, а ведь среди них есть и подарки от магистериума, и от родственников. То есть обращается в прах вся собственность ведьмы. Почему же тогда не стал пеплом теоретически принадлежащий госпоже Моргенштейн котел?

Вопрос по существу!

Действительно, ведь подарок переходит в собственность того, кому был подарен, а котел — он остался полностью не тронут тленом, за исключением трещины...

— Так откуда у вас котел? — продолжил с расспросами ловец.

Ответила я не сразу. Несколько секунд собиралась с мыслями, потом все же произнесла:

— Грехен слишком стара, чтобы быть к этому причастной.

Ловец улыбнулся.

Это была очень снисходительная улыбка, и смотрел он на меня как на несмышленища неопытного, а я черная ведьма, со мной так нельзя!

Но прежде чем я успела сказать хоть что-то, он встал, каким-то плавным, завораживающим движением, и... начал раздеваться. Действительно раздеваться, пристально глядя на меня и расстегивая пуговицу за пуговицей. И все мое возмущение отступило, заинтригованное до крайности поведением этой, насколько я успела заметить, вполне целомудренной морды.

Целомудренная морда вдруг остановился, нахмурился и произнес:

— Если вы ждете, что я полностью разденусь, вынужден вас разочаровать — я не белый маг.

— Конечно, вы не белый маг, — с энтузиазмом согласилась черная ведьма, — у них мускулатуры поболее будет. И да — мне крайне интересно, с чего вдруг у вас приступ обнажения наступил. Скажу откровенно — я заинтригована.

Подняв глаза вверх, мэр некоторое время изучал потолок, после все же расстегнул еще две пуговицы, дернул край рубашки, открывая глубокий белый рубец, заметный даже под черной порослью на груди, и произнес:

— Единственный маг, который сумел достать меня и едва не отправил в преисподнюю, был ужасно, невообразимо стар и, казалось, рассыплется на ходу. Внешность обманчива, госпожа Герминштейн, и нет ничего опаснее старого, а соответственно, крайне опытного мага!

И мэр взялся ожесточенно застегиваться.

Жаль, мне понравилось.

Но было бы глупо с моей стороны не заметить:

— Ничего опаснее старого мага, но не старой ведьмы. — Сев удобнее, продолжила свою мысль: — Грехен не имеет дочери, ко всему прочему она не стала верховной, соответственно, после семидесяти пяти лет ее сила начала клониться к закату. Да и она едва ходит, господин мэр!

И тут с площади донесся чей-то оскорбленный вопль:

— Ведьма! Урою!

То есть это мне было. Ну никакого уважения к черной магии от этих новоприбывших, утомляет даже. Подняла руку, щелкнула пальцами... зеленый огонек, сорвавшись, метнулся в раскрывшееся окошко, на площади стало тихо.

Мэр вопросительно посмотрел на меня, я с улыбкой на него.

— Мелочи, — заверила черная ведьма.

Просто теперь у одного из солдат, устроивших бесчинство в таверне «Два пескаря», помимо шакалей головы, еще и козлиное тело. Думаю, остальные впечатлятся.

Так и вышло, потому что вскоре раздался удаляющийся дружный и

дробный стук подков по камням, которыми была выстлана площадь. И вслед за этим жалобное блеяние одинокого козлика. Сжалившись, снова щелкнула пальцами...

— Спасибо, уважаемая госпожа ведьма, — раздался все тот же голос, после чего за улепетывающим отрядом помчался и этот, вернувший свое тело, но не голову, солдат.

Глядя на меня, господин мэр неодобрительно покачал головой.

— У меня репутация, ее нужно поддерживать, — насупилась я.

Ничего не сказав на это, ловец продолжил:

— Полагаю, убийца все же ваша престарелая Грехен, об этом я и сообщу мэтру Октариону.

— Не она точно, — заверила я. — Вы путаете магов с ведьмами, господин мэр.

Усмехнувшись, ловец произнес:

— Я редко ошибаюсь, госпожа ведьма. На моей памяти это происходило лишь дважды — первый случай оставил мне глубокий шрам на груди, второй... — Он усмехнулся. — Собственно, вы и есть второй случай.

Мне даже как-то лестно стало. Не удивительно, что заулыбалась вся.

Но уже в следующий миг моя улыбка померкла — потому как распахнулась дверь, пропуская сначала госпожу Анарайн, а следом белого мага!

И разом накатило очень знакомое ощущение — бесят!

Все бесит! И белая магианна, на которой и следа от моровой язвы не осталось, что она и демонстрировала голыми руками, откровенным декольте до самого украшенного сверкающим камешком пупа и открытыми высокой прической плечами, и белый маг — в смокинге черного цвета. Чего он вообще черное нацепил?! А больше всего бесит то, что мэр, обернувшись и узрев белую магиану, напрочь лишился дара речи...

Вот именно это почему-то разозлило окончательно!

Но все только начиналось...

Шаг, при котором стало ясно, что на магианне три прозрачные юбки, отчего ноги смутно, но просматривались, и госпожа Анарайн сладко пропела:

— Телль, дорогая, как ты себя чувствуешь? Мы так волновались о тебе, Телленька.

Сейчас кого-то стошнит.

Меня.

— Ах, дорогая, — белая неспешно приближалась, окутывая всю

спальню мэра облаком сладких, приторных, жутко стойких духов, — что это за столь нетипичное для черных стремление рисковать своей жизнью ради спасения совершенно посторонней тебе ведьмы? Чем ты только думала, маленькая?

У меня задергался глаз... основательно.

А самое отвратительное — мэр подскочил со стула, пододвинул его белой и произнес:

— Прошу вас, госпожа Анарайн.

— Ах, вы так любезны, — пропела магианна.

Уже тошнит!

Настолько тошнит, что в голове потемнело!

— Все, с меня хватит! — прорычала взбешенная черная ведьма. — Слушай ты, белая!..

— Да-да, маленькая? — Магианна подалась ко мне, глядя как на самого любимого больного и от того дико капризного ребенка. — Ты чего-нибудь хочешь, Теллечка? Ты только скажи, я все-все тебе принесу.

В глазах искренность и сочувствие, в каждом жесте забота, на лице даже не маска, я бы притворство поняла, но нет, обо мне правда беспокоились!

И второй глаз задергался тоже!

— Элим, не наседай, ты же знаешь, что черные подобного не приемлют, — осадил сестру маг.

А эта белая, которая хуже любой черной, сладко так:

— Но, дорогой, Теллечка ведь не совсем черная, ты же знаешь, и вообще я не понимаю этого «белая»-«черная» среди родственников. А мы ведь уже почти семья.

Молча вскинула руку, щелкнула пальцами.

Несколько искр сорвавшись с кончиков ногтей, метнулись к мантии и вмиг приволокли ее ко мне. Так же молча, не вставая с постели, оделась. Потом решительно встала.

— Госпожа ведьма, еще три... — начал было Вегард.

Умолк под моим очень недобрым взглядом.

С кровати я сошла как с пьедестала, поискала туфли взглядом, обнаружила, придерживая край тяжелой мантии, обулась, после чего, совершенно игнорируя и мэра, и белую магианну, вплотную подошла к мэтру Октариону. Остановилась, запрокинув голову и с ненавистью глядя в его голубые глаза.

— Зачем ты так? — тихо спросил напряженный Арвейн.

И хватает же совести у некоторых!

Пристально глядя на беломагическую рожу, тихо, но отчетливо произнесла:

— Слушай внимательно, белый, я повторять дважды не буду — не становись на моем пути.

Голубые глаза мага медленно сузились, лицо окаменело, оно и неудивительно, редко кому черная ведьма бросает клятву ненависти. У нас все просто — мы не угрожаем, мы говорим: «Не становись на моем пути». И этого достаточно, чтобы враг понял — игр не будет, уступок не будет, будет схватка не на жизнь, а на смерть.

— Телль!.. — испуганно вскрикнула белая магиня.

Надо же, все поняла, значит, не безнадежна.

Впрочем, какая мне разница, поняла или нет, мой враг не она.

— Надо же, — продолжая пристально смотреть в мои глаза, произнес мэтр Октарион, — ты еще более наивна и благородна, чем я думал, Телль.

Молча вскинула бровь.

— Не понимаешь? — усмехнулся белый.

Не отреагировала.

Маг растянул губы в улыбке, хмыкнул, затем, чуть наклонившись, выдохнул мне в лицо:

— Мы больше не будем играть по твоим нелепым правилам, ведьмочка.

Промолчала, чувствуя, как внутри загорается ярость.

— В этом больше нет смысла, — продолжил Арвейн и добавил, указав взглядом на карман с письмом от родителей, — раз уж ты все знаешь.

Над площадью прогремел гром.

Вспыхнув зеленью, в фонтан ударила молния.

— Ты родишь мне много, очень много дочерей, Аэтелль. — Маг пристально смотрел в мои злующие глаза. — Белых.

Все карты на стол, значит.

Черная ведьма прищурилась, затем медленно растянула губы в улыбке и с нескрываемым коварством ответила:

— Дочь у меня непременно будет, здесь ведь сто-о-о-оль обширный выбор белых магов...

Арвейн выпрямился.

Взгляд его похолодел, лицо окаменело, и хриплым голосом маг произнес:

— И не мечтай, Телль!

Плавнo обошла белого. Даже колдовать не стала, незачем.

И настроение значительно улучшилось, едва в покинутой мною

спальне раздался голос мэра:

— Полагаю, теперь вы не рискнете утверждать, что госпожа Герминштейн согласна вступить с вами в брачный союз, мэтр Октарион.

И все было бы просто замечательно, если бы не белая магиня!

— Ах, господин Вегард, — защебетала она, — от ненависти до любви — сценарий развития всех отношений между черной ведьмой и белым магом, а я, поверьте, знаю не одну такую пару.

Все, Элим, это война!

С этими мыслями черная ведьма покинула мэрию, планируя испортить вечер... откровенно говоря, практически всем! Нет, ну всем, кроме жителей Бриджуотера, они-то ни в чем не виноваты и даже не особо бесят в последнее время.

И потому, увидев толпу ожидающих и незамужних перед лавкой, я широко им улыбнулась, молча прошла, поднялась на три ступеньки, развернулась к затаившим дыхание и...

И решила не скрывать правду от народа.

— Уважаемые девы Бриджуотера и... — тут я заметила телеса госпожи Торникай, — и их еще более уважаемые матери.

Мне внимали очень внимательно.

— Там, — я указала на мэрию, — находится полуголая и очень на все готовая белая магиня, видели ее?

Девы, дамы и девицы уныло кивнули.

То есть видели и с чем придется конкурировать, они в курсе.

— Красивая, да? — мрачно спросила я.

Кивнули еще более уныло.

И тут девица Уннис, бледная, тоненькая как былинка, очень набожная и церковь ежедневно посещающая, огорошила всех кровожадным:

— А давайте ее убьем!

Предложение неожиданно нашло отклик во всех сердцах, кроме черноведьминского. В смысле все с надеждой посмотрели на меня, но я-то была против.

— Не, — ответила уверенно, — кровью испачкаетесь, настроение испортится, и весь бал кикиморе под хвост пойдет.

Пригорюнились окончательно.

И вот тогда я выложила свой козырь:

— Врага нужно бить его же оружием, уважаемые. Стоим здесь, ждем, а я гарантирую — каждая будет гораздо привлекательнее магианны Анарайн, слово черной ведьмы.

Присутствующие затаили дыхание. А я, мстительно глядя на мэрию,

очень недобро протянула:

— Я вам устрою... рожи беломагические.

И развернувшись, вошла в лавку.

* * *

Меня встретили встревоженный Дохрай, еще более встревоженный Гардэм и шесть камышовых котов, которые уже между собой передрались и выбрали вожака — здоровый мускулистый котяра зашипел на меня первым, а остальные просто дружно поддержали. Идиллия!

— Так, — игнорируя котов, я указала Дохраю на огромный котел, стоящий в углу, — взял и выкинул.

Дух-хранитель изумленно на меня воззрился.

— Выкинул, говорю, — повторила деятельная черная ведьма, — он мне не нравится.

Разведя призрачными руками, Дохрай подхватил котел и потащил его прочь из лавки.

И странное дело: едва эту махину вынесли за порог... мне стало как-то легче. А еще очень не понравилось, что наверху у котла оказалась маленькая, но уже заметная трещинка... С чего бы, я с ним аккуратно обращалась.

Но потом об этом подумаю, а сейчас пора заняться делом.

— Гардэм, сгоняй к Люсинде, узнай, как она, — приказала я лениво бродящему за мной тигру.

Белый хранитель весело умчался, ему хорошо, он к одному месту не привязан.

А я осталась, под взглядом шести пар желтых голодных глаз.

— Не говорите, что вас не кормили! — возмутилась черная ведьма.

Камышовые коты разом ответили «Мяв».

Пришлось отдать зверюгам половину своего ужина, и вот только после этого я наконец ворвалась в лабораторию!

И обнаружила, что зелье из маленького котелка, то самое, с шипами, Дохрай уже перелил, а вот к зелью красоты и привлекательности не приступил еще.

Замечательно!

Остановившись у стола, закрыла глаза и вдохнула воздух предстоящего колдовства. Казалось, все в лаборатории затаило дыхание в предвкушении, особенно зелье заинтересованно прислушивалось к

происходящему.

Черная ведьма коварно улыбнулась.

Да свершится великое волшебство!

Почему великое? А эксперименты всегда велики.

— Мы сотворим нечто, — подкрадываясь к зелью, пообещала черная ведьма.

Зелье стало прислушиваться уже настороженно.

— Нечто феерическое, — почти подкралась.

Зелье, развесив уши, все еще внимало.

— Нечто эпохальное! — подкралась.

Магическое, а потому почти живое зелье зеленой вопросительной каплей поднялось над котелком, намекая, что оно как бы уже сварено и к употреблению полностью готово.

— Одной привлекательности нам мало, — щелкая пальцами и зажигая огонь под котелком, сообщила я зелью, — нам нужно целую белую магиню обставить, так что...

Зелье, выражая полное свое несогласие, взмыло под потолком укоризненной кляксой.

— Так, лезь обратно! — потребовала черная ведьма.

Зелье отрицательно покачалось.

Нормально, да? Вот за что не люблю черномагические декокты, так это за наличие собственного отвратительного характера. И ведь теперь его уговаривать придется!

— И что, — убавляя огонь, начала я, — хочешь до конца своих дней оставаться банальным, совершенно обыкновенным и ничуть не выдающимся зельем, да?

Зелье кивнуло. Оно вообще ощутило себя свободным и, кажется, собиралось смыться.

— А там дождь собирается, — обломала я некоторым жидким и вредным все побегательные планы.

Зелье пригорюнилось, но сдаваться не собиралось.

Придется менять тактику.

— А я бы в тебя пару капель лунного света добавила, — мечтательно сообщила черная ведьма.

Зелье замерло.

— И щепотку бриллиантовой пыли.

Зелье опустилось чуть ниже.

— И пыльцу с крыльев цветочных фей...

Зелье подумало, махнуло кляксообразными конечностями на

побегательные планы и ухнуло в котел.

Так-то лучше.

— А еще, — стабилизируя зелье и лишая его подвижности, продолжила я, — мы добавим десять капель очарования, — я приманила нужный пузырек, отмерила пипеткой требуемое количество, — двадцать капель желанности, четыре капельки идеальности и... — зелье уже даже не трепыхалось, смирившись со своей участью, — и, несомненно, манящего блеска.

А влив все обещанные вреднучему вареву компоненты, я приступила к чтению заклинаний. Увы, зелья красоты и привлекательности без магии не варятся.

Затем наступила очередь непростых размышлений — подцепив капельку ногтем, я разложила состав на составляющие, сделала непростые вычисления и пришла к выводу — десять капель мало, а двадцать много. В смысле десять капель красоту белой магии не перебьют, а вот двадцать сведут с ума все мужское население Бриджуотера, что нам крайне невыгодно. Одна проблема — с математикой мы не особо дружим, так что...

— Будем экспериментировать, — решила я и уверенно направилась к выходу из лавки.

Да, мне нужна была жертва черномагического эксперимента.

Выйдя на порог дома, оглядела затаивших дыхание в ожидании меня дев. Дев было жалко, им еще замуж выходить и детей рожать. Взгляд изучил всю толпу, остановился на том, кого жалко не было, — госпоже Торникай.

Выставив ногу чуть вперед и заложив руки за спину, черная ведьма невинно поинтересовалась:

— А хотите зелье привлекательности получить совершенно бесплатно?

Толпа предусмотрительно отшатнулась на шаг, а госпожа Торникай на все десять.

Опыт, пиетет и все такое... понимаю, в прошлый раз жертва моего эксперимента ходила с лишней парой рук, зато в результате костевосстанавливающее зелье отлично работает! Правда, господин Бикар так и ходит с лишними, но вполне рабочими конечностями, но это ведь такие мелочи.

— Госпожа Торникай, — начала я с тяжелым вздохом, — зелье совершенно безвредно, максимум, что с вами может случиться, так это начнете нравиться всем мужчинам Бриджуотера и...

Земля затряслась. Я даже не сразу поняла, с чего это она, пока не увидела улепетывающую и сверкающую пятками дородную женщину. А бежала госпожа Торникай быстро.

— Нет, ну так же нельзя, — расстроилась черная ведьма, — мне же надо хоть на ком-то испытать это зелье!

Толпа заволновалась, начались перешептывания и горячие споры, а в следующее мгновение незамужний контингент Бриджуотера бодро вытолкнул еще более бодро сопротивляющуюся почетную старую деву города — госпожу Данкан. Девушка сорока семи лет отроду была одета в старый, местами поеденный молью кримплен, шляпка ее хранила следы недавней борьбы с пылью, ридикюль мог бы составить конкуренцию рыболовецким сетям, туфли вечная соискательница надела разные. Бывает. Особенно если учесть, что госпожа Данкан беспрерывно икала, что являлось прямым свидетельством принятия на грудь ради смелости какой-нибудь очень проспиртованной настойки.

— Эту не жалко, — заявили мне сестры Блошич.

В моем положении выбирать не приходилось.

— Дохрай, — позвала я.

Госпожа Данкан взвизгнула, упала на четвереньки и попыталась уползти с места событий, но мой дух-хранитель тоже был уже опытен, так что через мгновение визжащая дама стояла в моей лаборатории, скованная магией по рукам и ногам, а в двери осторожно, бочком, входило трое торговцев — наблюдатели. В смысле не то чтобы я в себе сомневалась, но мужской взгляд есть мужской взгляд.

— Итак, — отмеряя десять капель в пузырек, начала я, — смотрим внимательно, в случае желания жениться на госпоже Данкан активно мне сигнализируем.

На лицах присутствующих отразились явные сомнения — лицо протрезвевшей почетной старой девы выразило искренне сомнение в том, что она выживет, лица торговцев не скрывали скепсиса по поводу желания позариться на все это почетное и незамужнее.

— Итак, начинаем эксперимент с десяти капель, — занудно сообщила черная ведьма, подступая к жертве общественности.

— М-м-м-м! — попыталась заорать несчастная дева.

Несчастливая, но не невинная. Точно знаю...

Итак, госпожа Данкан предприняла попытку увернуться, но опыт черной ведьмы был неоспорим, и я вылила все десять капель в удерживаемый в открытом состоянии Дохраем рот.

Рот был закрыт и зажат могучей лапой.

Несчастливая престарелая дева дернулась, шмыгнула носом и... похорошела.

— Ох, — выдал господин Ульмар.

— Ух, — повторил его сосед, мясник Энгервейд.

— А... свободного пузырька не найдется? — занял Серович, жена коего была страшна как грех.

Госпожа Данкан икнула, распахнула приобретшие глубину и выразительность глаза, цапнула Дохрая за руку и, едва тот, взыв, убрал конечность, потребовала:

— Зеркало!

Дохрай, хоть и поглядывал на деву неодобрительно, но зеркало приволок — во весь рост. И легенда брачного рынка Бриджуотера потрясенно застыла, приоткрыв алые губы.

— Эффект налицо, — все так же занудно оповестила я, — но для затмения красоты белой магии явно недостаточен.

— Недостаточен! — подтвердили наблюдатели.

— Дохрай, — скомандовала я.

Но госпожа Данкан, взвизгнув, увернулась и гордо сообщила:

— Не надо меня держать, я и так на эксперимент полностью согласная. После чего высунула язык.

Не став воспитывать подопытную, молча из пипетки капнула ей в рот еще одну капельку и возвестила:

— Одиннадцать капель, эксперимент продолжается.

Подопытная, проглотив каплю, облизнулась и, крутанувшись, развернулась к зеркалу.

Несколько секунд ничего не происходило, но затем шляпа госпожи Данкан сползла на ухо, открывая не прежние мышинного цвета тонкие волосы, а густую копну пшеничных локонов...

Мы все застыли, потрясенно глядя на деву. А жертва общественности, радостно взвизгнув, повернулась ко мне и возвестила:

— Двенадцатая капля, продолжаем эксперимент.

Ну, как бы никто и не против — капнула на подставленный язык еще каплю.

Госпожа Данкан плотоядно облизнулась, постояла секунду и выдала:

— Тринадцатая капля, эксперимент продолжаем!

Мы с наблюдателями и Дохраем молча ожидали, чего будет. Было падение шляпки и рассыпание каскада волос по худеньким плечам.

Решила, что можно продолжать.

Так что к вящей радости госпожи Данкан ей досталась и тринадцатая

капля, после которой дева стремительно развернулась к зеркалу.

Казалось, ничего не происходит... совершенно ничего... но кожа на лице престарелой и незамужней медленно светлела, пока не стала юной и сияющей.

— О, пресвятая мать! — сорвавшись на фальцет, воскликнула наша жертва.

И тут же, повернувшись и высунув язык, выдала:

— Иш-ш-шо!

Вообще-то госпожа Данкан уже была крайне привлекательной... девушкой, так что я вопросительно посмотрела на своих наблюдающих. Мужики переглянулись и вынесли вердикт:

— Эффект налицо, но матримониальных желаний не вызывает.

А господин Энгервейд добавил:

— Хотя я бы от интрижки не отказался...

За что подвергся моему неодобрительному взгляду и кокетливому «Ра-а-азвратник» от похорошевшей жертвы эксперимента.

— Итог — эксперимент продолжаем! — решила черная ведьма.

Жертва радостно высунула язык.

Я же бодро капнула еще две капли, возвестив:

— Четырнадцатая, пятнадцатая.

И мы затаили дыхание, во все глаза глядя на легендарную старую деву.

Хотя какая она старая... прошла секунда, вторая, и худые плечи стали стройными, старая кожа окончательно засияла молодостью, пожелтевшие зубы засверкали снежной белизной, потускневшие глаза заблестели весельем и радостью.

И вот перед нами красавица без грамма макияжа. Юная, яркая, естественная, притягательная и манящая.

— Я... готов жениться, — простонал господин Энгервейд.

— Эксперимент считаю удачным, опытным путем выявлена идеальная дозировка в пятнадцать капель. Дохрай, волокиты, — решила вполне довольная собой черная ведьма.

— Иш-шо? — жалобно спросила госпожа Данкан.

— Вон отсюда! — грозно потребовала я.

Изобразив печальный вздох, безмерно счастливая и воодушевленная красавица гордым движением откинула волосы с плеча на спину, вскинула подбородок и плавной изящной походкой двинулась на выход. За ней, утратив какие-либо признаки осознанности и интеллекта, двинулись наблюдатели. Дохрай, хмыкнув, пожал мою руку, выражая свою гордость и полное одобрение, после чего умчался за пузырьками.

А я гордилась собой. Вполне заслуженно, кстати.

И возгордилась еще больше, когда на площади перед лавкой раздался всеобщий истошный визг: «Я первая!» Вот! А госпоже Торникай пусть будет стыдно.

Но напрасно я надеялась на наличие совести у мамыши девяти незамужних дочерей, потому что первой, кто возник в дверях лавки, оттолкнув благодаря габаритам всех остальных, была именно мамаша Торникай, огласившая весь мой дом отчаянным воплем:

— Пропустите жертву черномагического эксперимента!

Не сдержавшись, ехидно напомнила:

— Так вы же отказались.

Ничуть не смутившись, мамаша гордо поправила внушительный лиф платья и ответствовала:

— А я женщина и имею полное право передумать. Мы, женщины, вообще такие непостоянные.

Оценив выпад госпожи Торникай, я молча проследовала за стойку, принимая свое полное поражение.

Прошествовав с видом победительницы, женщина достала деньги и сказала:

— Десять.

— У вас девять дочерей, — на всякий случай напомнила черная ведьма.

Госпожа Торникай поправила грудь, вскинула подбородок и огорошила меня решительным:

— А я тоже еще очень даже ничего!

Не отвечая, щелкнула пальцами. На появившемся черном мерцающем экране зеленым огнем написала:

«1. Время действия — 6 часов.

2. Максимальная доза — 15 капель.

3. Принимать внутрь.

4. Цена — 5 серебряных.

5. Издевательства над гражданами Бриджуотера запрещены, но кому срочно надо замуж за офицеров гарнизона, отправляйте отцов за священником.

6. Упоительной вам охоты!».

И вот после этого, задумчиво постучав ногтем по столешнице, я подняла взгляд на мамашу Торникай и поинтересовалась:

— А хотите зелье бесплатно?

За что уважаю эту объемную женщину, так это за деловую хватку и сообразительность.

— Что нужно сделать? — мгновенно спросила она.

Черная ведьма коварно улыбнулась. Сделать следовало очень и очень многое. Белых вообще сложно обвести вокруг пальца, а я собиралась заняться именно этим.

Спустя час зелье было распродано абсолютно и полностью. Более того, к середине очереди стало ясно, что всем не хватит, а незамужним оно нужнее, и потому ко входу в лавку допускали уже только дев, не обремененных супругом.

Про время действия, то есть про шесть часов все прочли, впечатлились, рассчитали. Про священника совету вняли, в результате пока девы стояли в очереди, их отцы сооружали у фонтана арку из цветов, туда же приволокли нашего нового священника и ювелира, который, потирая руки, готовился выгодно и в кредит продать самые дешевые и заваливающие обручальные кольца. Энтузиазм его несколько поугас, когда обнаружилось, что в массе готовящихся к захвату женихов девушек находится и изрядная доля его родственниц. Пришлось вернуться в лавку и нормальных колец тоже набрать. А я сжалась над священником и отправила ему пару пузырьков успокоительного.

Через полчаса прибежал курьер из мэрии, поинтересовался, зачем народ священника приволок и алтарь соорудил. Молча указала ему на вывеску с ценой и остальным. Господин Уннир впечатлился, хмыкнул и спросил, чего соврать мэру.

И несмотря на то, что в моей лавке в очереди стояло штук двадцать незамужних, а потому нетерпеливых, я подалась вперед и, глядя в глаза оторопевшему от такого курьеру, зло спросила:

— А что, господин мэр сам прийти и поинтересоваться не желает?

Присутствующие затаили дыхание, а господин Уннир, невысокий конопатый юноша лет двадцати, заикаясь, сообщил:

— Так... это... мэр занят, он госпоже Анарайн сад показывает...

Где-то на площади грянул гром!

И вот с чего бы?! Но стоило вспомнить, как была одета белая магианна и каким вежливым в ее присутствии стал вообще не чувствительный к магии мэр, и, помимо прогремевшего грома, на площади еще и парочка молний ударила. А потом почему-то воображение нарисовало высокого породистого морду, в его охотничьем коричневом костюме, и с кинжалом на поясе, и рядом с ним магианну Анарайн с распущенными волосами, и

мэр ее своими руками сжимает, и...

— Ой, госпожа ведьма, — в лавку ворвался сынишка мясника Гобса, — вы там это... так гневались, что это... случайно арку цветочную подожгли.

Ну подожгла и подожгла, мы, черные ведьмы, вообще когда злимся...

— Другую поставите, — прошипела злющая я.

— А, ну хорошо, — мальчуган белозубо улыбнулся. — Только вы сразу скажите, если ее тоже палить будете, чтобы мы еще цветов приготовили.

— Больше не буду, — насупилась черная ведьма.

— Да не-не, вы палите, мы ж не против, только это, чтобы знать... —

Он вопросительно посмотрел на меня.

Мрачно поглядела в ответ.

Малый кивнул и умчался на улицу с воплем:

— Еще цветов заготовить надо, а то у госпожи ведьмы совсем плохое настроение!

Курьер тоже так решил, а потому, осторожно отступив от торговой стойки, пробормотал:

— Мм-м... а я чего-нибудь сам сокру господину мэру, вот, вы, главное, не нервничайте, госпожа ведьма.

После чего сбежал. А девы в лавке стали вконец смирные и больше даже шепотом по поводу очередности не ссорились. Так что я молча и вполне комфортно дораспродала все зелье, почему-то продолжая себе представлять, как морда в мэрском парке вовсю целуется с белой магинею. И вот ей он обвинения в привороте предъявлять явно не будет!

К Тьме все перемирие, пусть собирает свои чемоданы и валит прочь из моего города!

Под эти малоприятные мысли расцарапала накладными ногтями всю торговую стойку и даже не сразу заметила мрачную группку представителей торговой гильдии Бриджуотера, появившуюся, едва последняя девица покинула лавку. Предводительствовала группой госпожа Ультин, та самая цветочница, у которой цветочную лавку снесли во имя построения форта.

— Дохрай, — позвала я, — шипастое зелье.

Мой верный хранитель появился тот час же, неся корзину с им же разлитым зельем. К слову — когда зелья разливает Дохрай, они не выпендриваются!

— Сколько с нас? — выступая вперед, перешла к делу госпожа Ультин.

— Вы уже расплатились, — улыбнулась черная ведьма.

В конце концов, они мне все розовые лепестки и остальные части

цветов дали совершенно бесплатно, еще и в повозку помогли погрузить.

— Ох, госпожа ведьма... — растрогалась торговка.

— Без сантиментов, — потребовала я, — у меня репутация.

— И все такое, — поддержал с самым серьезным лицом господин Норбенг, владелец второго крупного магазина цветов.

— Именно, — стараюсь не улыбаться. — Разбирайте зелья.

Сама же, приманив к себе черный экран, движением стерла с него все, что про зелье привлекательности писала, и вывела:

«1. Время действия — 12 часов.

2. Дается вовнутрь.

3. От количества капель зависит количество шипов.

4. Срабатывает при воздействии на мягкое место объекта.

5. Болезненно.

6. Безвредно.

7. Не действует на жителей Бриджуотера.

8. Разрешено применять многократно».

Нет, можно было бы, конечно, и сказать — но по опыту уже давно поняла, что написанное воспринимают иначе и вообще запоминают лучше, особенно если буквы огненные.

После того, как мною был выведен последний пункт, торговцы переглянулись и стали набирать себе из корзинки не по одному пузырьку, как поступили вначале, а кто сколько мог.

Помахала всем на прощание и широко улыбнулась, когда в лавку, кутаясь в плащ, вошла госпожа Торникай. Женщина закрыла дверь, неожиданно робко посмотрела на меня и с придыханием спросила:

— Я стану стройной?

— Прямо как я, — пообещала черная ведьма.

* * *

Должна признаться, служители мэрии действительно постарались организовать чудесный праздник — парк был украшен бумажными фонариками и гирляндами, и здесь имелись накрытые столы, на площади устроена площадка для танцев, проход осуществлялся через саму мэрию, если точнее — через зеркальную галерею. Когда-то в Бриджуотере располагалась стекольная мануфактура, производство давно переехало в

столицу, зато в мэрии все еще сохранилась выставка наиболее роскошных местных зеркал. Подойдя к ближайшему полированному зеркалу в тяжелой серебряной оправе, весело подмигнула своему отражению, затем поправила белое в розовый цветочек платье, подкрученные локоны светло-каштановых волос, неприметное колечко на левой руке.

Вечер обещал стать незабываемым.

Вокруг звучали голоса и смех, с площади доносились звуки музыки, повсюду были красивые, очень красивые девушки и женщины — яркие, притягательные, с блестящими глазами, матовой кожей, счастливыми белозубыми улыбками и очарованием юности, что словно обволакивало жительниц Бриджуотера. На их фоне излишне нескромная белая магиня выглядела как увядающая белая роза в лавке, полной сверкающих росой свежесрезанных цветов — короче, никак. Вообще никак. И для мужчин именно госпожа Анарайн стала той, кого вообще никто не замечает. И если поначалу белая, продолжая флиртовать с мэром, который с бокалом шампанского стоял рядом с ней, улыбалась всем и каждому, то после того, как шестой мужчина чуть не наступил на шлейф ее платья, банально не заметив магиню, с трудом держала лицо. К слову, нервы у госпожи Анарайн сдали, когда господин мэр проводил глазами одну из сестер Блошич, которая, как и все сегодня, выглядела неотразимо.

— Господин Вегард! — раздался истеричный вопль на весь парк.

Маленькая, скромная и вся в белом черная ведьма, пряча улыбку, щелкнула пальцами — один из проходящих мимо мужчин, сам не понимая почему, выплеснул содержимое своего бокала... собственно на госпожу Анарайн.

Крик, ругань со стороны белой, которая выражалась иной раз хуже любой черной, и темное пятно от вина, расплзающееся по платью магини...

Во всем случившемся мне не понравились только два момента — ловец все же умен, и первое, что он сделал, так это начал оглядывать толпу приглашенных, а второе — как и было задумано, будучи очень воспитанным и ответственным, господин мэр галантно предложил госпоже Анарайн воспользоваться его комнатами, чтобы устранить пятно на платье и привести себя в порядок.

Когда, стоя за деревом, я смотрела вслед уходящей паре, над площадью опять грянул гром, но... но главное состояло в том, что градоправитель с праздника ушел, абсолютно и полностью развязав мне руки.

И представление началось!

Легкое движение — и над площадью снова прогрехотал гром.

Удар молнии, зеленая вспышка — и на пороге мэрии возникла... ну да, я и возникла. Шикарная черная ведьма в регламентированном наряде для охоты на белого мага, соответственно — высоченный каблук, длинное черное платье с высоким разрезом и глубоким декольте и необходимая по регламенту боевая раскраска на лице. Я была идеальна — полное соответствие всем черноведьминским стандартам.

И эта самая я обвела пристальным взглядом площадь и...

Мэтр Октарион появился рядом незамедлительно. Великолепный, в сверкающих доспехах, с белым развевающимся плащом, с зачесанными назад волосами, суровым лицом и с зеленой розой. Мне лично стало безумно любопытно, как поступит мамаша Торникай — как договаривались или в соответствии с любовью к импровизации? Если первый вариант — маг отделается небольшим позором, а вот если второй...

К слову, за парочкой следила не одна я — все присутствующие тоже с бо-о-ольшим интересом взирали на белого мага и черную ведьму. И на то, как белый маг склоняется к ручке черной ведьмы, и на то, как скользит губами по ее запястью и...

Звонкий хлесткий звук пощечины перекрыл на миг даже доносящуюся с площади музыку.

Голова белого мага дернулась, все же силища у мамыши Торникай поболее моей будет, но затем, наплевав на присутствие посторонних и вообще разум, белый маг одной рукой обвинил талию черной ведьмы и рывком прижал ее к себе, вторая ладонь жестко захватила волосы на затылке, и случившийся поцелуй был скорее проявлением насилия, чем страстности. Я дернулась было вмешаться, но тут раздался гневный окрик:

— Мэтр Октарион! Что здесь происходит?!

И все, как и я, повернулись к лестнице, на ступенях которой стоял мэр.

— Вот, — донеслось от одной из девушек, стоящих неподалеку от меня рядом со своим восторженно взирающим на нее кавалером, — господин мэр у нас благородный и слабых защищает.

— Это ведьма наша слабая? — искренне удивился мужчина.

Правильно удивился. Я не слабая, я зловредная, мстительная и изобретательная, что и подтверждает мой нынешний план. К слову, о плане...

Осторожно выйдя из-за дерева, плавно двинулась по аллее в поиске белых магов. Они точно должны быть на балу, начальство же, то есть рожа, здесь. Навстречу мне попадались все больше пары — бриджуотерские девы под руку с обалдевшими от красоты гарнизонными офицерами, и пионеры

брачного фронта целенаправленно вели свою добычу к арке со священником, так что сложностей не возникало достаточно долго.

Увы, везение мое все же закончилось.

— Такая милашка и без охраны! — Из-за деревьев вышли два гвардейца в серой парадной форме.

Искоса глянула на обоих — эти тоже явно из тех, кто в первых рядах на врага мчит, то есть без признаков интеллекта на гладко выбритых лицах. Огляделась, дабы удостовериться, что никто не заметит обзаведения мэрского парка еще двумя деревьями, и... вздрогнула от неожиданности, обнаружив приближающегося мэра.

— Что здесь происходит? — прошипел господин Вегард.

Мэр вездесущ?!

Оба гвардейца, которых не интересовали вопросы бытия, например о вездесущности мэра, как-то разом сникли, тот, что постарше, пробормотал:

— Госпожа одна, мы подумали... танцы... пригласить хотели...

Господин Вегард перебил их леденящим:

— И как произнесенная вами фраза соотносится с вежливым приглашением госпожи на танец?!

Гвардейцы переглянулись, после чего оба пробормотали неразборчивые извинения и попытались ретироваться в кусты, но были остановлены взбешенным:

— Обойти всех, передать мой личный приказ — никаких поползновений в сторону жительниц Бриджуотера. Если я узнаю хотя бы об одном инциденте, шакальими головами никто более не отделается и нарушители будут иметь дело лично со мной.

Не знаю, каково это иметь дело «лично с мэром», но гвардейцы спали с лица. Это был даже не страх, скорее ужас.

— Свободны.

Оба тотчас же исчезли, причем крайне поспешно.

Маленькая черная ведьма под прикрытием попыталась последовать их примеру и...

— Стоять! — мягче, но столь же приказным тоном произнес мэр.

Остановилась, медленно повернулась, недоверчиво взглянула на градоправителя. В смысле поверить не могу, что он так с незнакомыми девушками в принципе общается и...

И тут случилось необъяснимое.

Мэр, который хотел было что-то сказать со своей обычной невозмутимой миной, изумленно на меня вытаращился. Именно изумленно и именно вытаращился. Затем чуть подался вперед и хриплым шепотом

вопросил:

— Телль?

Недоуменно вскинула бровь, после чего вспомнила, что я вообще-то в данный момент никакая не черная ведьма, а самая обычная бриджуотерская девушка, а потому опустила глаза, сделала самый невинный и слегка застенчивый вид и, теребя подол в розовый цветочек, стыдливо ответила:

— Обознались вы, господин мэр.

После чего развернулась и уже подняла ногу для шага, как:

— Вот теперь я точно уверен.

Следовало бы уйти, но любопытство в черных ведьмах неистребимо, за что и страдаем. Так что никакого шага я не сделала, более того — обернулась, посмотрела господину мэру в глаза. Красивые они у него, такие насыщенного карего цвета, как шоколад без сахара, и ресницы черные, густые, и брови... одна сейчас вопросительно изогнута и...

— А как вы догадались? — невозмутимо поинтересовалась я.

Мэр тяжело вздохнул, сжал зубы так, что желваки на скулах узлами заходили, и с прорывающимся рыком ответил:

— Вы здесь единственная без повышенной привлекательности. — Затем улыбнулся и уже спокойнее добавил: — Ко всему прочему черная ведьма, которую знаю я, на поползновения мэтра Октариона ответила бы щелчком пальцев, а не пощечиной.

Нет, ну я теперь просто таки вынуждена признать — морда умен.

Хотя с пощечиной он прав — госпожа Торникай переиграла. И вот вопрос — как быстро догадается белый маг?!

Осторожно выглянула из-за морды, он просто весь обзор своим породистым телом загораживал, так что пришлось чуть в сторону отойти, после чего быстро огляделась и увидела пару черная ведьма + белый маг, танцующую на площади в полной изоляции, в смысле все остальные держались подальше. И выражение лица у Арвейна было ну очень задумчиво-подозрительным.

Мда, придется действовать быстро!

— Господин мэр, приятно было пообщаться, — торопливо пробормотала черная ведьма. И тут же решила спросить: — А вы не в курсе, где находится «березка»... э-э-э... в смысле Зигфрид и остальные белые маги?

Ответ его мне не понадобился — остальных четырех магов белой принадлежности я заметила на площади стоящими с краю и наблюдающими за танцующей фальшивой мной. К слову — танцевала госпожа Торникай не слишком изящно, ко всему прочему в окружении

испивших зелья привлекательности смотрелась не слишком хорошо да и вела себя... В общем, вторую пощечину мэтр Октарион явно не заслужил, мне это даже отсюда видно было.

— Господин мэр, чудный бал и все такое, — пробормотала я, подхватывая подол.

Действовать придется не то что быстро, а скорее молниеносно.

И я начала действовать — сорвалась на бег, игнорируя проявленное к нарушительнице правил внимание, и, лавируя между разговаривающими, танцующими и уводимыми к арке парами, оказалась возле четырех белых магов. Белые удивленно воззрились на меня, я же, уже давно сделав выбор, решительно шагнула к Зигфриду и страстно прошептала:

— Господин маг, вы такой... такой... краси-и-и-ивый!

Сказать, что белый удивился, — ничего не сказать. Белые маги вообще народ мерзкий, так что за ними одни мы, черные ведьмы, и увиваемся, а обычные соискательницы мужей и брачных колец к этим голубоглазым даже не приближаются. И не удивительно — белые на смертных не женятся, детей от них не заводят, подарками не балуют, ибо смысла в этом не видят, потому как достаточно магу щелкнуть пальцами, и любая все, что он пожелает, то и сделает.

Но Зигфрид, что удивительно, оказался не из таких.

— Девушка, — маг чуть нагнулся, чтобы я в гомоне играющего вальс оркестра точно его расслышала, — вы очень милая и очаровательная, но я вовсе не тот, кто вам нужен. Ступайте выберите себе офицера и идите к арке занимать очередь на бракосочетание. А лучше вовсе не торопитесь, вы достойны гораздо большего, чем брак с незнакомцем.

В первый момент я утратила дар речи. Благородство со стороны белого мага?! Мир сошел с ума или у меня слуховые галлюцинации?! Нужно будет внимательнее изучить состав того средства, что мне давал мэр.

В любом случае, сейчас у меня на это времени не было.

— Господин белый маг, — я сделала шаг ближе к Зигфриду, привстала на носочки и шепотом выдохнула прямо в его удивленное лицо: — Пианди элланда унр!

Всего лишь капелька магии, столь незначительная, но глаза у белого на миг засветились зеленью, и теперь он был в полной моей власти. Ненадолго, но долго мне и не требовалось.

Так-то лучше.

— Вы ведь не откажетесь проводить девушку? — проворковала я, делая шаг назад.

Зигфрид замычал, отрицательно покачав головой и сделал шаг вслед за

мной.

— Слушай, оставил бы ты девчонку, — неожиданно произнес Герман. — Они тут сегодня от своей красоты одурели, но это не повод...

— И Аэтэль расстроится, — добавил оруженосец Люнан.

Да что ж они тут все такие благородные?!

Бросив недовольный взгляд на магов, которые вели себя совсем не как маги, я схватила невменяемого «березку» за руку, развернулась и собиралась было уволочь белого за собой, но стоило развернуться, как нос уткнулся в блестящую пуговицу! После чего мэр холодно произнес:

— Госпожа Герминштейн, я все понимаю, но не кажется ли вам, что неразборчивость в связях не красит даже черную ведьму?

Мне захотелось взвыть!

Запрокинув голову, мрачно посмотрела на господина мэра и зло предупредила:

— Колдану.

Вместо того чтобы убоиться праведного гнева черной ведьмы, господин Вегард в ответ выдал:

— Переживу.

У кого-то глаз задергался. Во имя Тьмы, почему черная ведьма опять должна нервничать?!

— Да я вас... да я вас... — дыхания от злости не хватало, — да я вам грозу в спальне каждую ночь устраивать буду!

— Ничего, — голос мэра был убийственно спокоен, — я два года провел в тропическом лесу, опыт проживания под проливными дождями имеется.

У кого-то задергался и второй глаз.

— Господин мэр, уйдите с дороги! — У меня уже не было времени на угрозы.

— Госпожа ведьма, не стоит заводить детей, пусть даже это будущая черная ведьма, от нелюбимых мужчин, пусть даже белых магов.

Зигфрид, которого я цепко держала за руку, застонал, вздрогнул всем телом... Тьма, действие заклятия начинало ослабевать.

— Господин мэр, — у меня появилось желание разреветься от досады, — прекратите мне указывать! И вообще, шли бы вы со своей моралью к себе в... мэрию!

И как подтверждение моего предложения, со стороны сада раздалось кокетливое:

— Господин Вегард, где же вы?

Голос принадлежал белой магине. Криво усмехнувшись, кивнула в

сторону входа и уже тише посоветовала:

— Идите, господин мэр, вас ждут. Заждались уже даже. Хорошая партия.

Белые магини вообще на брачном рынке очень ценятся, и не только потому, что с изрядным приданным. Они за смертных только вторым браком выходят, но от белых магов в первом браке так натерпятся, что своих смертных мужей любят безмерно, преданы им, о доме заботятся... детей, правда, не рожают. Потому что полукровки под запретом жестким у белых. Впрочем, у черных тоже.

— Господин Вега-а-ард! — раздалось уже ближе.

— Идите, господин мэр, — почти издевательски протянула я, — белые не любят ждать.

Мэр медленно прищурил глаза, затем с глухой яростью в голосе ответил:

— Прекратите мне указывать, госпожа ведьма.

В этот момент мне захотелось отпустить руку уже гораздо более ощутимо дрожащего Зигфрида и высказать некоторым все, что я о них думаю, но...

Мы, черные, народ расчетливый, а у меня имеется конкретная проблема — беломагическая рожа! И ее нужно решать, а для мести время и позже найдется.

Опустив голову, посмотрела на пуговицу, которая опять упиралась мне в кончик носа, тяжело вздохнула и прошептала:

— Айе энтранс!

Черный смерч ворвался на площадь, разбрасывая цветы, что вырвал из женских причесок, фонарики, которые украшали деревья и саму мэрию, поднимая тучи принесенной с побережья пыли, гомон встревоженных птиц и туман, на мгновение окутавший площадь.

А когда туман развеялся, меня и Зигфрида на площади уже не было.

Потому что в этот момент, заперев дверь лавки на засов, я бежала вверх по лестнице, одной рукой удерживая на буксире опоенного магией белого, а второй стремительно расстегивая платье. Ибо сколько у меня времени, я совершенно не знала. Нет, по идее, если мэтр Октарион сообразит о случившемся, ловушки его на некоторое время задержат, вот только на какое?..

А потому, втянув белого в свою спальню, я торопливо сорвала с него плащ, нагрудник, камзол, рубашку и толкнула полуголого Зигфрида на постель. Следом на пол полетело мое платье, туфли, нижняя сорочка, и сиганув на кровать, я торопливо укрыла нас с магом одеялом, а после...

После наступило блаженство.

Натуральное, непередаваемое, чувственное блаженство...

Ведь что может быть приятнее, чем страдания белого мага из ордена, на которого, ко всему прочему, у одной черной ведьмы имелся зуб?! Причем вполне обоснованный.

Для начала раздался рев «ТЕЛЛЬ!», перекрывший гул веселящегося на балу народа и даже музыку.

А затем самый лучший из звуков — треск обвалившегося порога и повторный рык «Телль!» но уже из зарослей посаженной в яме злодейской крапивы. Мм-м... это как получить все подарки на смертовство в свое единоличное расположение — блаженство да и только.

— Мм-м, — застонал Зигфрид, на груди которого я вольготно и крайне недвусмысленно устроилась.

— Наслаждайся, дорогой, у нас интимный процесс продления черноведьминского рода, — сладко прошептала я ему на ухо.

Совершенно напрасно, потому что к этому самому процессу маг попытался перейти, но... не по регламенту все это, пришлось еще чуток колдануть, чтобы прыть у некоторых поубавить. К слову о регламенте — обернувшись к своему платью, грудой ткани лежащему на полу, тихо выругалась, а затем, протянув руку, указала на него пальцем, щелчок — и оно стало самым что ни на есть регламентированным нарядом. Призадумавшись, щелкнула повторно — и окно задернулось плотной тканью, в подсвечниках вспыхнули свечи, волосы мои приобрели покрашенный черный цвет, губы заблестели от помады, белое почернело и стало кружевным, на столе возникли бутылка, бокалы с вином, из которых якобы пили. Вот теперь обстановка более-менее соответствовала черноведьминскому кодексу.

В следующее мгновение рухнула дверь в лавку.

Я поняла это даже не по треску, шуму и звуку разбитого стекла, а по тому, как разом взвыли камышовые коты. Именно коты, а не те духи, которые в них вселились. Соответственно, ворвавшимся был мэтр Октарион.

Рядом нутжно сопел «березка», которому после моего небольшого магического вмешательства снился тот самый процесс, а внизу раздалось боевое «Ма-а-а-а-ау!».

Следом взбешенное:

— Телль!

И коты ринулись в атаку.

Почти сразу в полу возник торс Дохрая, и мой дух-хранитель

вопросительно на меня посмотрел.

— Так, чтобы коты не пострадали, — ответила я.

Дохрай вскинул нарост, который ему вполне замещал бровь.

— Ладно, уже можешь пускать, пока эта рожа беломагическая мне всю лавку не разнесла, — сдалась я.

Щелкнула пальцами.

Зигфрид судорожно дернулся и обмяк, погружаясь в гораздо более глубокий сон. Я же уютно устроилась у него на груди с самым блаженным выражением на лице. Мне действительно было очень хорошо сейчас.

Разъяренный и подранный белый маг возник на пороге моей спальни через минуту. Выглядел Арвейн не лучшим образом — на лице глубокие царапины и припухлости после крапивы, левый рукав оторван и свисает живописными лохмотьями, под правым глазом наливающийся синяк... И мне синяк был знаком, с такими часто господин Торникай ходил. Но самым интригующим оказался предводитель моего камышово-котового воинства, который осторожно, по порванному плащу подбирался для нанесения очередного удара магу... Ну или чтобы вцепиться ему в хребет, что тоже вполне в духе камышовых котов.

Собственно, именно на кота я и смотрела, пока мэтр Октарион потрясенно взирал на обстановку, меня и своего подчиненного.

Лицо его медленно меняло выражение, от невероятного бешенства до полнейшего отвращения.

— Ловко, — хрипло произнес он.

— У меня будет замечательная дочка, — промурлыкала черная ведьма, укладываясь щекой на грудь белого мага.

Мэтра передернуло.

Я улыбнулась шире.

Белые брезгливы — мне ли не знать, я у деда много времени провела, об их «белых» особенностях знаю не понаслышке.

— Какая же ты... ведьма! — прошипел Арвейн.

— Черная, — подсказала я.

Кот, добравшийся до шеи врага, издал быстрое «Ма-а-ав» и занес лапу для удара.

Не ударил. Кто-то взял и самым бесцеремонным образом снял его с белого мага. А когда мэтр Октарион, плюнув, развернулся и ушел прочь, появившийся в дверном проеме господин мэтр, небрежно почесывая дикого, злющего и вообще ни капли не ручного камышового кота за ухом, мрачно оглядел всю мою спальню. Затем взгляд его остановился на от чего-то

смутившейся мне... скользнул по спящему Зигфриду и вновь уделил внимание исключительно черной ведьме. Несколько секунд мэр просто смотрел в мои глаза, после, усмехнувшись, произнес:

— Вы крайне неопытны в любовных делах, госпожа ведьма, а потому упустили одну мелкую, но крайне значимую деталь — сапоги.

Искренне удивленная его речью, я привстала, придерживая одеяло, и переспросила:

— Что?!

Мэр улыбнулся, отпустил моего кота на пол, выпрямился, сложил руки на груди и совершенно невозмутимо пояснил:

— Какова бы ни была вспыхнувшая между любовниками страсть, мне еще не приходилось видеть ни одного мужчину, что забрался бы в постель женщины, не сняв сапог.

Информация оказалась настолько удивительной, что я только сейчас вспомнила, что сняв с белого столько всего, про обувь совершенно забыла. Потянулась, откидывая край одеяла с ног мага, увидела черные начищенные до блеска гуталином, а потому испачкавшие мою простынь сапоги, и задержала одеяло обратно, чувствуя, как краска заливает лицо.

— У вас что, никогда не было мужчин? — насмешливо поинтересовался мэр.

Краснея еще основательнее, зло огрызнулась:

— Белого мага не так-то уж и легко заарканить, знаете ли!

— Не имею представления, видите ли, никогда не арканил, — откровенно издевательски сообщил градоправитель. Затем добавил: — Сапоги я бы все же снял.

И как ни хотелось бы съязвить в ответ, но в чем-то ловец был прав. Щелкнула пальцами, отправив сноп зеленоватых искр к ногам спящего «березки», вследствие чего край одеяла приподнялся, сапоги с мага слезли и аккуратненько расположились у края постели.

— Слишком аккуратно, — сообщил мэр.

Щелкнула пальцами снова — сапоги рухнули как подкошенные. Подумав, еще и под кровать их запихнула.

Вошел камышовый кот, посмотрел на сапоги, на меня, подошел и начал урчать возле мэра.

— Милый котенок, — заметил он.

О том, что котейка одержим, я говорить не стала.

— Я подожду вас внизу, — почему-то предложил Вегард.

— Спасибо, не стоит, — мрачно ответила черная ведьма.

Поведя плечом, господин мэр повернулся и покинул второй этаж. Уже

с лестницы донесся его голос:

— Идея с крапивой мне понравилась, но в качестве ловушки не слишком действенно.

Угу, а ты магию заблокируй и с гораздо более действенными вещами столкнешься.

— И да, — судя по тому, что поскрипывание ступеней прекратилось, мэр остановился, — мне жаль говорить об этом, но рано или поздно мэтр Октарион сообразит, что в момент его эпического вторжения в вашу лавку ни Гардэм, ни Дохрай в битву не вступили.

Умный, да?!

— Гардэм — белый хранитель, он против белого мага бессилён, а Дохрай с беломагической рожей уже сталкивался и теоретически противопоставить ему ничего не может.

— А-а-а, — задумчиво отозвался ловец.

После чего покинул мою лавку.

Медленно поднялась с постели, прикрыв начавшего посапывать белого мага. Подошла к окну и уныло посмотрела на площадь — бал был в разгаре. Жители Бриджуотера танцевали, разговаривали, смеялись, веселились и да — женились, самая большая очередь была как раз перед аркой с уже заметно подуставшим священником. А в самом центре танцпола необъятная госпожа Торникай в трещащей по швам моей черной мантии танцевала с собственным супругом, который, кажется, был крайне горд женой. Еще бы, кто из смертных может похвастаться тем, что безнаказанно начистил рожу целому белому магу.

Оглядев площадь еще раз, увидела тех, кто привлекал всеобщее внимание — господина мэра и белую магианну. Вегард что-то сказал белой, госпожа Анарайн присела в реверансе, мэр галантно поклонился ей, затем подал руку, и пара проследовала на танцевальное место, где ловец и закружил в вальсе свою партнершу...

Кто-то заскрежетал зубами.

— Мм-м, — простонал «березка», силясь избавиться от чар.

Тяжело вздохнув, черная ведьма прошла к шкафу, достала самое обычное черноведьминское платье, переделалась, после нацепила туфли с узким загнутым мыском, остроконечную шляпу и отправилась вниз с целью покинуть лавку и навестить Люсинду.

И вот я спускаюсь, спускаюсь и замираю на пятой снизу ступеньке, с удивлением глядя на невероятную картину — Дохрай сидит за столом и составляет компанию пьющему мой чай мэру, который ко всему прочему еще и ест мою ветчину, нарезанную толстыми ломтями, как Дохрай обыкновенно и режет! То есть это когда шмат ветчины той же толщины, что и хлеб.

И я все понимаю, я даже готова смириться с тем, что кое-кто опять объедает одну чрезмерно добрую черную ведьму, но ведь...

Глянула в окно — мэр таки танцевал с белой магианной, а все на них смотрели.

Перевожу взгляд на свой столик и вижу — мэр с Дохраем мирно сидят за столиком, и на меня вообще никто не смотрит!

— Мне ваша идея с подменной понравилась, госпожа ведьма, — не поворачивая головы, произнес Вегард.

То есть, значит, настоящий ловец таки меня объедает!

Вопросительно посмотрела на Дохрая, тот взял и развел руками, мол, я ни в чем не виноват. Гардэм вообще на меня не реагировал, что и не удивительно — ему приказа не пускать мэра я не давала.

Но вот пока я переглядывалась с черным хранителем, мэр все преспокойно доел, в смысле свой гигантский бутерброд, после чего допил чай, поставил чашку на стол, обернулся ко мне и невозмутимо поинтересовался:

— Идем?

Оторопев от столь вопиющей наглости, потрясено переспросила:

— Куда?!

Мэр встал, поправил мундир и ответил:

— Я так полагаю, для начала мы навестим госпожу Люсинду Хендериш, а после попытаемся выяснить, куда же она ходила до того, как ваш демон выдернул ее из пространства.

Несколько утратив дар речи, я пару мгновений взирала на ловца, но после все же сочла своим долгом напомнить:

— Мы с вами в состоянии перемирия, а не мира, господин мэр, соответственно...

Но не дав мне развить мысль, мужик самым хамским образом пожал на прощание лапу Дохрая, после чего подхватил мой черный плащ, подошел ко мне и, взяв под локоток, подтолкнул к двери, издевательски произнеся:

— Ну, раз только перемирие, нам, несомненно, стоит поторопиться, госпожа ведьма.

И как-то совершенно неожиданно для себя я оказалась на пороге лавки, после спустилась по ступеням, вместе со всеми пронаблюдала за тем, как завершившие танец белая магиня и господин мэр раскланиваются друг с другом, а после собственно мэр уволок меня в ближайшую темную улочку.

И не давая воспротивиться столь неуважительному обращению, вернулся к теме убийства черных ведьм.

— Удивительное дело, — ведя меня по темной улице, заговорил ловец, — я опросил всех кузнецов в Бриджуотере, но ни один не отливал больших чугунных котлов для ведьм.

И я, передумав возмущаться, начала внимательно слушать.

Мэр продолжил:

— Более того, так как мастерские предприятия обыкновенно имеют династическое прошлое, мне удалось выяснить, что никто в Бриджуотере не отливал подобного как минимум век.

— Человеческий век? — уточнила я.

— Да, сто лет, — подтвердил ловец.

Дернув рукой, вырвалась из захвата, и теперь, когда появилась возможность идти гораздо медленнее, призадумалась. Странное дело — никогда бы не подумала о причастности котлов к ситуации, но мэр определенно крайне умен и детали знатно подмечает.

И вдруг случилось невероятное!

Вот только что мы спокойно шли по пустой улице, как вдруг господин Вегард схватил меня и, зажав рот, прижал к стене всем своим телом. Не успев даже вскрикнуть, я вскинула руку, так как мы все еще были вблизи моего источника и я вполне могла колдовать, но ловец наклонился, задев носом мой нос, скользнул губами по щеке, отчего моя рука неожиданно ослабла и опустилась как-то сама, и прошептал у самого уха:

— Шаги. Прислушайся.

Замерев, какой-то миг я слышала лишь биение собственного сердца, но затем...

Крррагш... крррагш... крррагш...

Звук, казалось, доносился отовсюду и ниоткуда. Он был пугающим, странным, неопределяемым. Пожалуй, именно неопределенность и пугала более всего, я просто не могла понять — есть он, этот звук, или мне это только кажется!

Но тут ловец взял мою руку, разместил ее плашмя ладонью на стене, чуть прижал, и... я ощутила вибрацию при следующем «Крррагш». То есть звук был реален, нереальные вибрации не создают.

Практически неслышное дыхание главы города вновь коснулось моей щеки, и мэр прошептал:

— Следует за нами от вашей лавки, госпожа Герминштейн, меня в расчет не берет, на вас вероятнее всего собирается напасть. Что будем делать?

Откровенно говоря, я была вынуждена признать, что совершенно растерялась в данной ситуации! Абсолютно! Да, я черная ведьма и знакома с потусторонним миром не понаслышке, но еще ни разу не сталкивалась с неведомым, более того, еще никто и никогда не собирался на меня нападать... ну, кроме смертных, а с ними это даже забавно.

А потом стало стыдно от осознания своей трусости.

Я черная ведьма! Мы не стоим в стороне и не прячемся... Хотя вот если взять ситуацию с орденом, то как раз таки все попрытались по лесам и весям, так что...

В этот момент из-за облаков вышла луна, скудно осветив темную улицу. Но даже этого призрачного света хватило, чтобы я отчетливо смогла увидеть высоченную, в два человеческих роста, непропорциональную гнутую фигуру с длинными, до земли, руками, тонким телом и жутчайшим полным черных треугольных зубов оскалом!

Ноги слегка подогнулись.

— Тихо-тихо-тихо, — прошептал чуть иронично господин мэр. И тут же все так же шепотом спросил: — Госпожа ведьма, вы что, никогда скандагов не видели?

Я не то что не видела, я даже названия такого не слышала жизни! Но именно сейчас, когда господин мэр заговорил, это жуткое чудище ломаными неестественными движениями развернулось к нам! Оно нас слышало!

— Скандаги, госпожа Герминштейн, — невозмутимо продолжал ловец, — это души магически одаренных личностей вроде вас, черных ведьм. В принципе милейшие существа после отправки в преисподнюю.

Чудище подалось к нам, все теми же рваными неестественными движениями. Призраки так не двигаются. И духи не так. А это было что-то жуткое, ненормальное.

— Но вот до отправки в потусторонний мир с ними, конечно, возни многовато, — вздохнул господи мэр.

После чего отпустил меня и развернулся к монстру.

Перепуганная черная ведьма, лишившись опоры, медленно сползла по стене, но тут же вновь поднялась — из положения сидя ситуация выглядела еще более устрашающе!

— И да, госпожа ведьма, никакой магии, — не оборачиваясь, предупредил мэра.

— Что? — с трудом выдавила из себя полузадушенный писк.

— Никакой магии, — уже без намека на веселье повторил ловец.

— Почему? Мой источник же близко! — возмутилась я.

Бенхард Джонатан Вегард обернулся, посмотрел на меня очень мрачно и тихо сказал:

— Госпожа Герминштейн, я же вам сказал: скандаги — души магически одаренных личностей. Данная конкретная особь, судя по рваным движениям, — недавно убиенная черная ведьма. И как любая черная ведьма...

Он не успел договорить — жуткое чудище подняло свою неестественно длинную конечность, и на кончиках ногтей заискрилась магия... магия моего источника! Я ощущала его всем телом, всем своим существом, я...

— Любые ваши заклинания скандаг будет перехватывать, — как-то буднично сообщил мне господин мэра, четким хищным движением извлекая нож из ножен. — И да, госпожа ведьма, огромная просьба — к тому моменту, как я закончу, оставайтесь, пожалуйста, там, где сейчас стоите.

С этими словами ловец плавно двинулся к монстру...

Мы, черные ведьмы, на самом деле очень смелые, не зря же добрая половина черных гибнет во время экспериментальных ритуалов... Но то ритуалы. А сейчас, закрыв рот ладонью, чтобы не заорать от ужаса, я смотрела, как Вегард стремительно приближается к неестественному полупризрачному монстру, и мне казалось, что это сон. Просто дикий, кошмарный страшный сон!

И как во сне ловец, едва оказавшись рядом с чудищем, крутанувшись, отсек монстру конечность, а затем без перехода, не отступая, нанес удар в грудь и, тут же вынув клинок, отсек и вторую руку.

Ночь потряс вой, от которого кровь стыла в жилах...

А из темноты шагнуло трое.

— Действуйте, — произнес господин мэра, отступая на шаг.

Снова вой, на этот раз отчаянный и полный боли, но трое мужчин в черном жалости не ведали. Бросок одного — и отливающее серебром лассо сковало скандага, сверкнувший в полете кинжал второго — и чудище падает, судорожно подрагивая. Третий с тихим звоном извлек из ножен саблю и...

И жуткую картину от меня закрыла внушительная фигура мэра.

Звук рассекаемого воздуха, странный хлюпающий звук за ним и удар,

словно что-то пустое и круглое упало наземь.

Я едва вновь не сползла по стене.

— Что же вы, госпожа ведьма, — ловец придержал за плечо, после, засунув нож в ножны, обхватил рукой и талию, — все хорошо, все уже позади. Что же вы так испугались? Вы же черная ведьма, вам по статусу положено быть вредной, ехидной и бесстрашной. Ну же.

В диком ужасе я смотрела на него. В диком непередаваемом ужасе. Я... я... я просто понять не могла.

— Вы, — голос упал до шепота, — вы знали и поэтому пошли со мной?! И... а если бы я отказалась, вы... вы...

Ловец улыбнулся, отпустил мое плечо, полез в собственный карман, достал белоснежный платок, чуть иронично вытер слезы, которые, как оказалось, струились по моим щекам, и совершенно невозмутимо, с каким-то небрежным спокойствием ответил:

— Я знал, что на вас совершат нападение. Знал примерный радиус — это должно было быть в зоне действия вашего источника, но вне зоны передвижения вашего хранителя. И да — ваш отказ или согласие не имели значения, я в любом случае отправился бы с вами.

Несколько секунд черная ведьма пыталась вникнуть в смысл сказанного, затем, резко оттолкнув от себя ловца, я гневно спросила:

— То есть меня вы использовали как подсадную утку?!

Ответом было:

— Не вариант, вы, я убежден, даже крякать достойно не умеете.

— Что?! — голос стал сиплым шепотом. — Да вы, вы...

И тут мой взгляд упал на круглый предмет на дороге. Я взглянула на него лишь мельком, вновь с ненавистью посмотрев на эту самоуверенную морду, но после...

Это как запоздавший желтый лист на дереве — вот он висел, а тут вдруг медленно отрывается от ветки и, планируя, кружась в воздухе, неспешно падает на землю... Так и осознание случившегося очень медленно достигло моего понимания. Медленно, но едва я все поняла, в душе словно грянул гром.

Потому что на дороге лежала голова Мадины!

И последнее, что я запомнила перед тем, как тьма накатила, было сказанное с досадой:

— Да что же вы, госпожа ведьма...

— Ну же, госпожа ведьма, я, несомненно, могу вновь принести вас в свою спальню, если вас, конечно, не беспокоит, что обо всем этом подумает та масса народу, что танцует на площади. Давайте же, Аэтелль, вы же смелая, сильная и вообще ведьма, — услышала я сквозь пелену тьмы.

— Господин Вегард, в таких случаях помогает корсет ослабить... — незнакомый совершенно голос.

— Уинорд, ты где-то здесь видишь корсет? — зло поинтересовался... кажется, мэр.

— Еще с дамами помогает по щекам ее... осторожно так, — еще один незнакомый голос.

— Господа, будьте так любезны вернуться к своим прямым обязанностям! — рык градоправителя Бриджуотера.

И я открыла глаза.

Надо мной сияла свеча. Маленькая, с голубоватым огоньком, она висела в воздухе, что прямо указывало на ее магическое происхождение. А еще мне было неудобно, потому что я тоже висела в воздухе, но при этом кто-то меня, кажется, держал...

— С возвращением, госпожа ведьма, — раздраженно произнес мэр.

— Свечка висит, господин мэр, — отозвалась я, продолжая разглядывать странное создание.

— Да, я знаю, госпожа ведьма, — раздражения в его голосе прибавилось. — А еще я лично должен заметить, что вам желательно взять себя в руки и более в обмороки не падать, потому что, к моему искреннему сожалению, теперь ваш дух-хранитель не подпустит меня к вашему дому и на десять шагов, а нести вас через всю площадь... Впрочем, не столь уж и плохая идея. В конце концов, мне как минимум начнут сочувствовать.

— Что? — недоуменно переспросила.

— Вы про идею? — уточнил ловец.

Невольно кивнула.

Продолжая держать меня на руках, господин мэр сверкнул улыбкой и, чуть посмеиваясь, произнес:

— Госпожа ведьма, вы, наверное, уже заметили, что жители Бриджуотера меня недолюбливают?

Даже кивать не стала, просто теперь очень внимательно слушала, пытаюсь понять, о чем речь. Ловец усмехнулся, поставил меня на ноги, мгновенно вновь обняв, потому как ноги мои подкашивались, после чего, упираясь рукой в стену, чуть нагнулся ко мне и весело произнес:

— Зато вас они обожают безмерно, госпожа ведьма.

Нахмурившись, попыталась отступить, но отступить было некуда —

позади стена.

— Соответственно, — продолжил ловец, — они будут любить и того, кто полюбит вас, госпожа Герминштейн. Теперь понимаете?

Отрицательно покачала головой.

Издав преувеличенно скорбный вздох, Вегард отпустил меня, повернулся к своим и спросил:

— Закончили?

— Так точно, — хором отозвались все трое.

Мне вспомнилась отрубленная голова Мадины...

— Госпожа Герминштейн, ну что же вы! — воскликнул мэр, придержав пытающуюся сползти на землю ведьму. И тут же добавил: — Впрочем, ладно, можете вновь падать в обморок, как мы уже решили, отнесу вас к себе.

После такого у потрясенной черной ведьмы откуда-то даже взялись силы, и я решительно удержалась на ногах. Несколько секунд приходила в себя, затем сипло спросила:

— Это была Мадина?

Перестав улыбаться, господин мэр кивнул.

— И вы с самого начала знали, что это была Мадина?! — голос дрогнул.

— Знал, — глядя мне в глаза, произнес ловец.

В этот момент мне захотелось его убить. Вот просто взять и...

— Кроме нее, больше никому, — совершенно спокойно продолжил мэр. — Люсинда жива, вы живы, госпожа Грехен Салиес тоже жива, я был у нее сегодня, а обратить скандагом можно лишь недавно убитое магическое существо. В Бриджуотере недавно убивали только одну ведьму, соответственно, да, я даже не сомневался в том, кто это.

И желание убивать мэра испарилось как-то само по себе. Просто очень больно стало где-то в груди, и, не отдавая себе отчета в том, что делаю, я подалась к ловцу, прижалась лбом к его мундиру и изо всех сил постаралась сдержать слезы. А он взял и обнял за плечи, прижимая к себе, и только очень тихо сказал:

— Это уже было только тело, госпожа Герминштейн, просто тело, которое подчинили чужой воле, тут не о чем сожалеть, поверьте.

Я верила, знала же, что Мадина мертва, даже оплакать успела, вот только...

— Аэтелль, что же вы, — господин мэр обнял крепче, осторожно погладил по волосам и ехидно добавил: — Вы же теперь практически мама.

Слезы прекратились мгновенно. Отодвинувшись от господина

Вегарда, скептически на него посмотрела и уже хотела сказать все, что я по поводу его замечания думаю, как мэр добавил:

— Полагаю, именно по этой причине с вами и постарались разделаться как можно скорее.

Оперевшись спиной о стену, мрачно посмотрела на ловца и уточнила:

— Вы полагаете, кто-то знал о моих планах?!

В ответ на данный вопрос мэр улыбнулся и произнес:

— Вы предсказуемы, госпожа Герминштейн.

И прежде чем я успела открыть рот, добавил:

— Полагаете, мэтр Октарион появился возле вашего двойника случайно? Нет, он ждал вас, догадываясь, каким будет ваш следующий шаг.

Я почувствовала себя глубоко оскорбленной всеми и сразу.

— Но мага вы обмануть сумели. — Толика похвалы в голосе мэра меня ничуть не успокоила.

Напротив, теперь я себя ощущала еще и униженной — мэр-то меня просчитал! И единственное, чего мне хотелось, это вернуться в свою лавку, запереть двери и поесть! Да, есть определенно, мне бы сейчас поесть. И кофе. И что-нибудь из запрещенных ритуалов, просто чтобы успокоиться, и...

— Возвращаемся? — поинтересовался ловец.

Тьма, неужели я настолько предсказуема?!

— Нет, я намереваюсь навестить Люсинду, — гордо ответила черная ведьма.

После чего решительно обошла стоящего мэра, вышла из тени здания, огляделась и... поняла, что больше не смогу безбоязненно ходить по темным переулкам ночью. Мне было страшно. Казалось, что изо всех щелей выглядывают монстры, из-за каждого поворота готовит удар неведомый враг, в каждом окне скрывается чье-то лицо.

Мне стало страшно как никогда в жизни.

— Госпожу Люсинду Хендериш охраняют два моих человека. — Господин мэр бесшумно подошел ко мне. — До утра с ней совершенно точно ничего не случится. Ко всему прочему сейчас черная ведьма спит. Полагаю, разумнее будет вернуться, госпожа Герминштейн. И я искренне надеюсь, что вы не против моей компании в качестве сопровождающего.

Обернувшись через плечо, взглянула на ловца, невольно передернула плечами и поняла, что придется согласиться с его доводами — сейчас мне одной ходить действительно не стоит.

— Вы очень быстро разделались с Ма... со скандалом, — пораженчески признала я.

— Опыт, — совершенно без бахвальства пояснил мэр.

Кивнув, я развернулась и направилась обратно к площади. На душе было как-то горько и пусто, в глазах застыли слезы. Кажется, по ночам я теперь смогу ходить только выпив лишаящего страха зелья. А мэр молча шел рядом со мной, и от его присутствия было спокойнее.

— Мне кажется, вам больше не следует передвигаться одной, — заговорил он через некоторое время, когда до нас уже начал доноситься шум музыки с площади. — Насколько я понимаю, ваш белый хранитель не привязан к одному месту, как Дохрай?

Вот и беломagическая рожа говорил то же самое — надо было послушаться.

Но, не желая развивать тему, я спросила:

— Вы были у Грехен?

— Да. У меня имелось достаточно свободного времени, пока вы портили вечер госпоже Анарайн массовой продажей вашего зелья.

Пауза, затем несколько напряженное:

— Единственное, чего я не могу понять, так что делали у вашей лавки мрачные члены торговой ассоциации Бриджуотера? Им ведь, как я понимаю, брачные узы вовсе не требуются?

Черная ведьма мстительно промолчала.

Пауза и напряженный вопрос господина Вегарда:

— Я надеюсь, никто не пострадает?

Шагая по темной улочке, весело ответила:

— Выживут все. Просто жизнь у некоторых станет... интереснее.

— Насколько интереснее? — разозлился он.

— Ощутимо интереснее, — даже улыбнулась.

— Госпожа Герминштейн... — начал было возмущенно мэр.

Но тут из-за поворота, прихрамывая, выскользнула фигура в остроконечной шляпе, и я услышала встревоженное:

— Телль, девочка, ты в порядке?

Грехен! Я была искренне удивлена, увидев ее, и кинулась к старушке, но меня неожиданно удержали с такой силой, что пальцы ловца, сжавшиеся на моем запястье, показались как минимум железными.

Возникла неловкая пауза, в процессе которой я, изумленно глядя на господина мэра, молча пыталась высвободиться, а он смотрел прямо на Грехен, не замечая моих судорожных попыток.

— Телль, милая, с кем это ты там? — затараторила, чуть шепелявя, Грехен. — Девочка, на меня было совершено нападение, Люсинда без памяти лежит, а Мадина... Мадину убили, Телль!

Я прекратила попытки вырваться, повернулась к ведьме и испуганно переспросила:

— Грехен, на тебя пытались напасть?

Черная ведьма пошатнулась и, оседая на дорогу, выдохнула:

— Я... я беспокоилась, шла к Люсинде, а там...

И старушка, видимо потеряв сознание, осталась лежать без движения.

В темном переулке раздался мой крик, но ловец удержал снова, не позволяя подбежать к упавшей Грехен, а когда я вскинула руку, призывая магию, неожиданно сжал мои ладони, не давая шевельнуть и пальцем, и очень гневно спросил:

— Телль, будьте любезны, скажите — почему вы направились к Люсинде пешком, не наняв извозчика?!

Этот вопрос выбесил окончательно, и, не сдерживаясь в выражениях, я прошипела:

— Слушай ты, морда мэрская, там лежит и умирает ведьма, а ты тут...

— Еще раз, — зло перебил меня ловец, продолжая удерживать столь сильно, что пальцы стали неметь, — почему вы, госпожа Герминштейн, не наняли извозчика?!

Да как же меня бесит этот человек!

Почему-почему?! Там Грехен, кажется, гибнет, а он со своими «почему»!

— Да потому что я была с вами! — заорала разъяренная я. — А на вас зелье, соответственно, ни одна лошадь вас к себе не подпустит! Поэтому какой смысл был нанимать извозчика?!

Господин Вегард кивнул очень спокойно, словно именно этого ответа и ждал. А затем тихо спросил:

— А по какой причине извозчика не взяла госпожа Грехен Салиес?!

Не понимая вообще, о чем он, попыталась снова вырваться и... перестала.

— Ведь очень неразумно ведьме в ее возрасте отправляться куда-либо пешком, — чеканя каждое слово, продолжил ловец, — особенно если она так стара и немощна, как пытается казаться.

И мэр отпустил меня. Я молча растерла занемевшие ладони, беспомощно взглянула на лежащую на дороге Грехен. Видеть ее здесь было как ножом по сердцу. Следовало немедленно вызвать кого-нибудь, чтобы ее перенесли в лавку и...

— И даже не думайте оказывать ей помощь в своем доме, в опасной близости к вашему источнику, — произнес ловец.

— А это уже слишком! — возмутилась я.

— Возможно, — на удивление не стал спорить мэр. — Вот только для того, чтобы управлять скандалом, нужно находиться не менее чем в пятидесяти шагах от него.

Черная ведьма гулко сглотнула и... осталась стоять рядом с мэром.

— Мм-м, вам не чужда рассудительность? — насмешливо поинтересовался он.

Мрачно посмотрела на ловца.

— Это вам за «Слушай ты, морда мэрская», госпожа ведьма, — все так же насмешливо уведомил он.

Нет, ну каким же гадом все же нужно быть, чтобы в такой момент...

— Имею полное право называть вас, как вздумается, после того, как вы себе позволили систематически меня объедать, — насупилась я.

— Между прочим, я вам жизнь спас, — перестал улыбаться мэр.

— Значит, мы в расчете, — меня мелко трясло.

— Сомневаюсь, — усмехнулся ловец.

— Ладно, можете объедать меня и дальше, более того — теперь буду готовить на двоих, — трясло все сильнее.

И вообще мне грозил нервный срыв, иначе я бы точно не сделала такого предложения смертному.

— Хм, — Вегард еще и соизволил размышлять, — заманчивое предложение, вот только...

— Вы против? Ну и чудесно! — Я сделала шаг вперед, подумала и... и вернулась.

Господин мэр, сопроводив мое возвращение ироничной улыбкой, преспокойно сказал:

— Я вообще-то согласен. Завтрак принесете в лес. Утром я предпочитаю бутерброды с ветчиной, чай и овощи.

Мне безумно хотелось ответить колкостью, но отцовское воспитание вселило какое-то подобие благородства, а этот человек, как ни крути, сегодня спас мне жизнь.

— Чай подостынет, — нехотя пробурчала черная ведьма.

— Я разожгу костер, — ответил он.

Тьма, кто меня вообще за язык тянул?!

А затем господин мэр достал серебряный свисток, подул в него, причем звука в итоге вообще не было, но словно повинуясь призыву из переулка вышло несколько человек. Не тех, что помогали добить скандала.

— И сколько у вас вообще людей? — раздраженно поинтересовалась я.

— Весь гарнизон в моем распоряжении, — безразлично поведал ловец. — Но конкретно для этой операции я задействовал всего восемь

специалистов.

— Всего? — почему-то очень хотелось цепляться к словам.

— Всего, — невозмутимо пояснил мэр. И добавил: — На этот раз наши противники не ожидали отпора, но полагаю, в следующий раз убийца черных ведьм будет гораздо изобретательнее и осмотрительнее, а его взять не удалось.

Вот после этого я просто не могла не спросить:

— То есть Грехен здесь ни при чем?!

Выражение лица господина мэра стало неопишным, после чего ловец сообщил:

— Она не маг, всего лишь ведьма, а для создания скандала...

Более я не слушала. Мрачно выругавшись, придерживая юбки, стремительно направилась к лежащей прямо на дороге старушке и... ноги замолотили по воздуху. В первый момент я не совсем осознала, что происходит, но после!

— Господин мэр, я понимаю, что вы спасли мне жизнь, но если вы еще раз посмеете...

— Госпожа ведьма, — холодно перебил он, — если я прав и скандалом управляла ваша коллега, заметьте, я говорю об управлении, а не создании, то первое же ваше прикосновение к ней сейчас позволит ведьме выпить наполовину ваш источник. Будете рисковать?

Решила, что не стоит.

И потому молча постояла рядом с умной, всезнающей и явно опытной мордой, пока какие-то его люди подошли к лежащей Грехен, затем переложили ее в имеющуюся повозку, и один из мужчин отчитался:

— Сэр, внешних повреждений не зафиксировано.

— К лекарю, — приказал господин Вегард.

Ведьму увезли в полном молчании.

Мы с ловцом еще немного постояли, после чего я уточнила:

— Уже можно идти?

— Вполне, — безразлично ответил мэр, задумавшись.

Пожав плечами, я неспешно направилась к лавке.

Иду, иду, остановилась. Не то чтобы меня судьба мэра интересовала, но я все же обернулась — он продолжал стоять все там же, смотрел на меня и вообще не двигался.

— И? — спросила черная ведьма. — Вы идете или как?

— А вы приглашаете? — задал неожиданный вопрос мэр.

Что?! Даже не собираясь отвечать, развернулась и направилась домой, отчего-то безумно злясь на морду.

На площади все так же веселились жители Бриджуотера, очередь у арки со священником стала гораздо меньше, ювелиры Варовски уходили довольные и с пустыми лотками, второй ювелир все еще торговал остатками, всучая последним неадекватным офицерам кольца для церемонии.

В общем, им всем было весело, а мне нет!

Меня все раздражало и бесило, даже не знаю почему.

Особенно бесил мэр. Необъяснимо бесил, но основательно.

Пройдя по площади, поднялась, вошла в лавку и...

— Я хочу участвовать в жизни нашей дочери, — хмуро, тихо, но очень решительно заявил сидящий в кресле Зигфрид.

Остановилась, недоуменно глядя на мага, затем вошла, закрыла двери и, сложив руки на груди, ответила:

— Не по регламенту.

Он поднял голову и молча посмотрел на меня. Сейчас парень выглядел как самый типичный белый маг — распушенные по плечам волосы, хмурое суровое лицо, пристальный немигающий голубой взгляд, решимость и безапелляционность света налицо.

Но что касается решимости и безапелляционности, то мы, черные, белым вовсе не уступаем.

— Свободен, — черная ведьма указала на дверь.

И вот это уже было полностью по регламенту. Да-да, именно так и поступали ведьмы с использованными магами. Правда, я его не использовала, ну да мелочи, по факту он мне совершенно с другой целью понадобился.

Жаль, магу этого объяснить никак нельзя было.

— Аэтелль, — Зигфрид продолжал смотреть на меня и даже не двинулся с места, — заметь, я не предъявляю никаких претензий и даже в чем-то польщен, что ты выбрала меня, но...

— Но мне лично все равно. — Я демонстративно распахнула дверь.

Маг не двинулся с места, и выражение его лица стало упрямее.

— Как пожелаешь, — утратила остатки терпения злая черная ведьма. — Дохрай.

Через мгновение белого мага в моей лавке уже не было, а дверь закрылась сама. После чего, уставшая и расстроенная, я отправилась спать, направив впереди себя чистящее и прибирающее заклинание. Так что когда

поднялась, в спальне уже никакими белыми магами и не пахло.

Стягивая черное платье, подошла к окну, посмотрела на площадь — мэр кружил в центре танцевальной площадки белую магианну, практически весь Бриджуотер кружился там же, праздник был в разгаре.

Мэтра Октариона нигде не было видно.

Не удивлена — белые брезгливы, и пусть у них, как у нас, черных, нет регламента, запрещающего отбивать мага у другой ведьмы, зато у...

В этот момент я увидела, как к ступеням моей лавки подошел Зигфрид с букетом. Маг молча положил цветы на ступени, развернулся и ушел. На душе стало окончательно паршиво. Нет, по регламенту я все сделала правильно, вот только от этого было как-то совсем мерзко.

А впрочем, о какой паршивости на душе может идти речь?! Я черная ведьма, совести, стыда и сопереживания у меня нет и в помине!

Напомнив себе об этом трижды, я отправилась спать. В конце концов, иного выхода в данной ситуации не было, потому что как ведьма я значительно слабее мэтра Октариона, а значит, оставалось лишь прибегнуть к хитрости и подлости, что я, собственно, и проделала. И мне не должно быть за это стыдно, вот никоим образом.

Ночью, примерно так часов после двух, на площади раздался отчаянный мужской вопль — сонно приоткрыв один глаз, глянула на часы, прикинула количество прошедшего времени и поняла, что зелье красоты и привлекательности прекратило действие. Да, кому-то очень не повезло оказаться уже женатым.

За час до рассвета кто-то заорал: «Ведьма, только попадись мне!» Я, то есть собственно ведьма, только зевнула, а на площади кто-то крикнул самоубийце: «Мужик, тебе рано умирать». Улыбнулась, полностью согласная с умным советчиком. И тут третий голос добавил: «Не, сама госпожа ведьма, может, и не убьет, но ее теперь господин мэр под опеку взял».

Сон как рукой сняло.

Вскочив с постели, накинула ведьминский плащ, выбежала на балкон и рывкнула:

— Что?!

На площади, как и всегда после праздников, обреталось пару десятков сильно любящих выпить и не особо любящих после испития домой ползти — но это до меня, а вот после моего вопля народ мигом бодренько расползся, чуть ли не рысью, а кто-то, спрятавшись за фонтан, возьми да и крикни:

— Так на лавке вашей вывеска имеется...

Не вступая в дискуссию, спустилась вниз, вышла из лавки, посмотрела на дверь и...

«Объект под опекой мэрии».

Табличка была насыщенного золотого цвета, надпись черная, ниже красовался штамп мэрии. Нет, такое мне уже доводилось видеть, к примеру, на школах. И данная вывеска свидетельствовала, что по любым спорным и имущественным вопросам следует обращаться не к руководству данных заведений, а непосредственно в мэрию, которая, собственно, и патронирует их. То есть вот так вот с тяжелой руки мэра меня приравняли к... да к детям! Меня!

Глаз задергался сам. В следующее мгновение в табличку полетело заклинание.

И вот после этого я преспокойно вернулась в лавку, поднялась и легла спать, улыбаясь самой довольной улыбкой.

* * *

Ночь закончиться нормально так и не удосужилась. Сначала кто-то швырнул, и я догадываюсь кто, мне на балкон табличку с надписью «Мэр под опекой черной ведьмы» — только хихикнула сквозь сон, просто господин Вегард еще не был в курсе, что едва он приволок мне эту табличку, на здании мэрии мгновенно материализовалась другая, полностью этой идентичная. Ну ничего, вернется, увидит и окончательно...

Бадзинь!

Уже вернулся. Быстрый.

Коварно улыбаясь, отправила вниз сообщение: «Господин мэр, у меня был сложный день, а вы мне спать мешаете». Сообщение умчалось вниз черным облачком, продемонстрировавшись адресату, самоуничтожилось вспышкой зеленой молнии.

А потом мне не спалось — ждала ответа. Не дождавшись, выскользнула из постели и выглянула из-за занавески — мэр молча уходил в мэрию с двумя табличками в руках. Это он еще не знает, что там, на мэрии, уже сияет третья...

Ловца почему-то стало жаль. Все же он мне сегодня жизнь спас и вообще.

Утро я встретила на кухне. Весело напевая песенку про «Пибоди-пабоди», то есть про старую колдунью, которая в лесу все мухоморы превратила в ягоды малины, отчего большой черный медведь осерчал очень, вернулся и... Нет, это веселая песенка, в итоге ведьма и медведь пошли собирать малину вместе. Так и я — собиралась подружиться с мэрской мордой. Точнее, отблагодарить за спасение моей черноведьминской жизни. А потому на плите жарились блины и бекон, лопатки и сковородки орудовали без меня, подпитанные магией. Я же творила бутерброды с ветчиной — магически это не получалось никогда, нож резал слишком большие куски, соответственно, приходилось вручную. Но мне почему-то нравилось, и, напевая песенку, я резала ветчину и сыр, укладывала зелень, заворачивала все в промасленную бумагу.

В этот момент к лавке кто-то подошел. Кто-то очень недобрый и с очень дурными намерениями. Откуда я знаю? Дохрай мгновенно перешел на боевой режим и устроил пришельцу лавовый душ, Дохрай у меня с нехорошими индивидами не церемонится, так что мне не было смысла даже выходить и смотреть, кто там, — смысл смотреть на обугленных?

Но тут раздался рев:

— Телль!

Голос был смутно знаком. А потому у появившегося на кухне Дохрая я лениво спросила:

— Кто?

Дух-хранитель поднял глаза к потолку. Все ясно — белый маг.

— «Березка»? — встревожилась я.

Отрицательно покачал головой, указал когтем на свои плечи, в район, где у белых обычно эполеты сверкают.

— Рожа, — догадалась черная ведьма.

Кивнул.

На площади повторилось:

— Телль, твою мать!

Преспокойно продолжила нарезать хлеб. Все понимаю, но какой-то этот белый неугомонный — ни один маг не взглянет на ведьму, которая с другим белым едва ли не на его глазах дочку по регламенту заделала. А выяснить правду мэтр Октарион никак не мог, это просто нереально.

— Телль!

Раздраженно бросив нож, стремительно вышла из кухни, прошла к

выходу и распахнула дверь. Маг, пошатываясь, стоял перед лестницей шагах в трех от ступеней. Маг был полугол по причине лавового ливня, в смысле сам-то он регенерировал, даже волосы отрастил, а вот мундир, доспех и плащ пострадали до невосстанавливаемой степени, так что кое-кто пугал пустую по причине раннего времени площадь обнаженным торсом.

Арвейн взглянул на меня затуманенными покрасневшим глазами и хрипло произнес:

— Ты не могла этого сделать.

Беломагическую рожу основательно шатало.

— Не могла, Аэтэль. Ты обманула и меня, и Зигфрида, да?

Демонстративно сложила руки на груди, презрительно глядя на белого. Бесит и раздражает, между прочим. Мэтр Октарион смотрел на меня с каким-то непонятным чувством во взгляде и молчал. Мне тоже нечего было ему сказать, да и в целом разговаривать не хотелось.

Маг устало покачал головой, затем выдал:

— Я же убью его, Аэтэль.

«Березку» стало жаль, но демонстрировать свои чувства я не собиралась — промолчала, продолжая безразлично смотреть на белого.

— Я убью каждого, кто к тебе прикоснется, — продолжил, распаляясь, маг.

Пожала плечами. Мне, откровенно говоря, было совершенно все равно, кого он там еще убивать собрался. Белые — они вообще постоянно кого-нибудь убивают.

— Убью Вегарда! — неожиданно прошипел маг.

Сердце взяло и екнуло. Неожиданно как-то совсем. И руки похолодели, а еще захотелось колдануть. Сильно очень захотелось, так чтобы белого раз и навеки... А потом я искренне самой себе удивилась — с каких это пор я так распереживалась за мэра?!

— А ты побледнела, Телль, — неожиданно угрожающе произнес мэтр Октарион.

Глянула на небо — оно стремительно светлело, что говорило о скором восходе солнца, затем перевела взгляд на мага и спросила:

— Чего тебе надо, белый?

Арвейн промолчал.

— Ты мой враг, — спокойно продолжила черная ведьма, которая, к слову, еще не была ни накрашена, ни причесана, да и стояла в одном халате, — а с врагами, мы, черные, не имеем никаких отношений, тебе ли не знать?!

Он устало выдохнул и хрипло произнес:

— Я не хочу быть твоим врагом, Аэтелль.

Пожав плечами, напомнила:

— Ты первый бросил все карты на стол.

— Бессмысленно было уже скрывать от тебя — ты все знала, — последовал ответ.

А затем, усмехнувшись, белый продолжил:

— Ты какая-то неправильная черная ведьма, Телль, с одной стороны, слишком регламента придерживаешься, а с другой — да какая из тебя черная, девочка? Ты хоть кого-то в своей жизни хоть раз убила?

— Подумаешь, тоже мне критерий отбора, — хмыкнула я. Затем добавила: — Это вы, белые, склонны к убийствам, черные убивают редко.

По губам мага скользнула странная улыбка, и, пристально глядя мне в глаза, Арвейн произнес:

— Знаешь, как Люсинда вошла в силу? — И не дожидаясь ответа: — А скольких сгубила Мадина? Или, может, тебе известно, из-за чего старая Грехен была вынуждена сбежать из Гартвера, прижимая к груди свой источник и пробираясь болотами?

Вот как-то никогда об этом даже не задумывалась.

— У тебя сговор с твоим демоном, да? — как-то без перехода задал вопрос белый маг.

Делиться подобной информацией с беломагической рожей я не собиралась, так что просто промолчала.

— Думаешь, я ничего не знаю о тебе? — продолжил мэтр Октарион. — Я знаю все, Телль. Знаю, кто твой отец, кто отчим, кто мать. Знаю даже то, что твои родственники не в курсе, где обретается их любимая девочка. Знаю, зачем твоему демону так важно, чтобы ты родила черную ведьму в ближайшее время. Я...

— Ну и? — перебила я.

Раздражать начал, откровенно говоря.

Маг перестал пошатываться, удивленно вскинув бровь.

— Слушай, белый, — я уже дико устала от этого разговора, — хочется понять — иди в трактир, там народ к пьяной болтовне привычный. Решил поугрожать — сходи убейся сам, милосерднее будет, правда. Лично мне совершенно не интересно стоять и слушать твой белый бред воспаленного алкоголем сознания. Ты уже даже не злишь, ты раздражаешь.

С этими словами я отступила внутрь лавки, намереваясь закрыть дверь и забыть о данном белорожевом индивидуе как о кошмарном сне, но...

— Ты не спала с Зигфридом, — неожиданно уверенно произнес мэтр

Октарион.

Даже не глядя на мага, начала закрывать створку.

— Следом за мной поднялся мэр, — продолжил он, — а затем вы ушли вместе. Ты не спала с Зигфридом, и Вегард об этом знает. Будь иначе, он не стал бы тебя ждать!

Забавно, я об этом даже не задумывалась. Подумала сейчас. Постояв и поковыряв ногтем краску на двери, задумчиво возразила:

— Мэр меня ждал, потому что знал о готовящемся нападении, и ему важно было поймать убийцу. — Посмотрела на мага и добавила: — К слову, мы его поймали. Прощай, рожка.

С этими словами я закрыла дверь и, весело напевая все ту же «Пибоди-пабоди», вернулась на кухню.

А вот на кухне все хорошее настроение испарилось как не бывало — почему-то меня очень пугала фраза «Убью Вегарда». О том, что белые маги убивают смертных, я была не просто наслышана — видела, и не раз. У белых лицензия на убийство, для них это ненаказуемое преступление. Вот в том, что мэтр Октарион не сможет убить Зигфрида, я была уверена — за убийство подчиненного магу грозит суд, но что касается мэра...

Дохран подплыл и продемонстрировал уходящие когтистые пальцы — все ясно, белый ушел. Уже неплохо.

Молча дорезав бутерброды, щелкнула, подзывая тарелку с блинами, тарелку с беконом и, едва те подлетели, завернула так же и уложила в корзинку. Следом туда была уложена бутылка с чаем, вареные яйца, два ножа и две прозрачные стеклянные чашки. То есть завтрак был готов.

А после всех приготовлений приманила из холодильного шкафа два говяжьих окорока, один лег перед оживившимся и проснувшимся в тот же миг Гардэмом, второй, расчленившись на шесть кусков, уложился перед уже давно крутящимися под ногами камышовыми котиками. Так что кухню я покинула под дружное урчание и довольное чавканье.

* * *

Утро выдалось удивительным — синее-синее небо, пробивающиеся на востоке солнечные лучи, довольно улыбающийся извозчик, который помог мне корзину с едой на сидение взгромоздить.

— А здорово это вы с зельем придумали, госпожа ведьма, — усаживаясь на козлы, со смехом сообщил он.

— Хотелось позлить белую магиню, — честно призналась я.

— У вас получилось, — заверил меня извозчик. — Стоит ли говорить — самой страшной на балу госпожа Анарайн была! Говорят, сам мэр от нее сбежал, вашей помощью воспользовавшись.

— Это какой? — удивленно спросила, едва мы тронулись.

— Известное дело какой, — на меня оглянулись, — магической. Это же вы охранника мэрского мэром на один вечер сделали. Ох и ругалась госпожа Анарайн, когда настоящего господина Вегарда возвращающимся от вас увидела.

Хорошо, что под капюшоном моей коварной улыбки не видно.

В результате к выходу из города я подъезжала в самом замечательном настроении. А вот едва подъехала, дверцу двуколки открыл выступивший из тени мэр, чем поверг в удивление и меня, и извозчика, и даже стражников.

— Доброе утро, госпожа ведьма, — вежливо поздоровался Вегард.

— Доброе утро, господин мэр, — несколько растерянно ответила я. — А что это вы тут делаете?

Глянув на меня своими карими глазами насыщенного кофейного цвета, мэр перевел взгляд на корзину, затем вновь посмотрел на меня, улыбнулся и достаточно громко произнес:

— Так и знал, что вы с утра повезете свою расчлененную девственницу закапывать. Решил помочь в деле сокрытия улики.

Искренне потрясенная его фразой, хмуро сказала:

— Интересная интерпретация выражения «съесть завтрак».

На козлах странно закашлялся извозчик, с трудом удерживая лошадь, так норовившую отодвинуться подальше от господина градоначальника. Один из стражников почему-то повалился на плиты, кажется, в глубоком обмороке. Присмотревшись, поняла, что он из новеньких, раньше я его тут не видела. Стоящий в нескольких шагах от нас сержант глубокомысленно протянул:

— Тяжела расплата за магические услуги... — Затем добавил: — Господин мэр, у меня есть виски, будет вам чем мертвечину запить.

Укоризненно посмотрев на меня, мэр взял корзину, после протянув ладонь мне, помог выбраться из двуколки. И в полнейшей тишине мы покинули город, выйдя через неприметную калитку в стене.

* * *

Все же до чего я люблю встречать новый день в этом лесу. Слегка

шелестели листвой высокие дубы, раздавалось пение птиц среди ветвей, где-то вдалеке трубил олень, в кустах и траве слышалось шуршание полевых мышей, а мы с мэром шли по узкой тропинке, я — заложив руки за спину, он — неся корзинку с едой и загадочно улыбаясь.

— А вы всегда мотивируете свои утренние пробежки чем-либо из производственной необходимости? — нарушил молчание господин Вегард.

— Зачем? Горожане превосходно и сами справляются с обоснованием моих прогулок. — Я улыбнулась, вспомнив, как поначалу меня, едва возвращалась, встречал с увещеваниями священник.

— Да, это я уже понял. — Мэр нес тяжелую корзинку совершенно без труда, успевая рассматривать по мере нашего движения и кусты, и деревья. — Интригующая вы личность, госпожа ведьма.

— Так и вы не менее интригующи, — резонно заметила я. И коварно поинтересовалась: — Как там поживает моя защищающая вас табличка?

Искоса взглянув на меня, Вегард неожиданно широко улыбнулся и сообщил:

— При работающем блокираторе магии она не возобновляется.

Мда, обидно. И я бы даже сказала — досадно.

— Вы удивительно мстительная черная ведьма, — продолжил мэр.

— Черным ведьмам свойственна мстительность, — хмуро напомнила я.

— Плащ можно уже снять, — неожиданно произнес ловец.

Исключительно из чувства природной черноведьминской вредности решила этого не делать.

А солнце, появившись, пронизывало лучами листву деревьев, окрашивая все в яркие тона и наполняя лес игривыми солнечными зайчиками, и...

— На вас было забавно ставить ловушки, — внезапно признался мэр.

Искоса глянула на него — он шел и мечтательно улыбался и выглядел неожиданно молодо.

— Особенно когда резал кусты и камыш, чтобы вы при падении не поранились.

В моем взгляде появилось удивление.

— К слову, завтрак от вас я не ждал, — заметил ловец.

— Долг чести, господин мэр. — Я улыбнулась.

— Вы и о подобном знаете, госпожа ведьма?

— Представьте себе, господин мэр. — Отчего-то улыбка становилась все шире и вообще безумно хотелось улыбаться.

— И в этих частях расчлененной девственности, — господин Вегард

демонстративно поднял повыше корзинку, — даже никаких зелий нет?

— В этих частях расчлененной говядины и не менее расчлененного хлеба нет ничего постороннего, — рассмеявшись, ответила я.

— Как? Вы забыли про овощи? — изумился мэр.

Забыла. Совершенно и напрочь.

— А я с собой взял, — гордо возвестил он.

— И в них нет ловушек и блокиратора магии? — в свою очередь съязвила я.

А он взял и задумался. Серьезно так задумался, основательно. И лицо стало очень сосредоточенным, словно ловец припоминал, сколько и чего позасовывал в свои овощи и...

— Есть будете сами, — мрачно решила черная ведьма.

Мэр расхохотался. Громко, но почему-то совершенно не обидно, и как-то неожиданно я улыбнулась тоже. А потом впереди показался олень. Мы оба остановились, не желая пугать животное, и лесной красавец, вскинув ветвистые рога, одарил нас внимательным взглядом, а затем так же величественно вошел в чащу.

— Красавец, — с долей восхищения произнес ловец.

Глянула на него. Почему-то подумалось, что мэр краше... даже не знаю почему.

— На чем вы приехали? — поинтересовалась я, вновь шагая по тропинке.

— Все на том же, — несколько нахмурился мэр. — Ваше зелье хоть чем-то смыть можно?

— Не-а, — настроение заметно поднялось. — Зато в следующий раз вы и про пиетет, и про уважение к черной магии помнить будете.

Господин мэр ничего не ответил, лишь бросил на меня откровенно насмешливый взгляд, а затем спросил:

— В плаще не жарко?

Скинула капюшон, подставляя лицо утреннему ветерку и поднимающемуся солнцу. Потрясающее утро. Удивительное, яркое, наполненное светом и искрящейся росой...

И тут почему-то вспомнилась угроза ополоумевшей магической рожи. Искося взглянув на Вегарда, осторожно спросила:

— Господин мэр, а вас когда-либо пытались убить белые маги?

Взгляд ловца стал крайне заинтересованным.

— Будут пытаться? — спросил он.

— Вероятно, — не стала лукавить я.

И мэр улыбнулся. Это была удивительная, широкая, чуть злорадная по

отношению к белым магам улыбка, выражающая мысль «Пусть приходят». Странное дело — улыбка меня успокоила. Мэр вообще казался каким-то надежным, сильным и знающим, что делает, странный он для смертного.

— Господин мэр, а вы точно не маг? — спросила просто так, на всякий случай.

Улыбаться перестал. Глянул на меня очень холодно и не менее холодно ответил:

— Не маг.

— Жаль, — вполне искренне заметила я.

Лицо мэра окаменело, движения стали резче.

Какое-то время мы шли молча, затем ловец произнес:

— Меня всегда поражало то, насколько магически одаренные считают себя выше всех остальных.

— Не выше, — задумчиво ответила черная ведьма. — Мы, к примеру, обычно высоким ростом не отличаемся. А вот белые — да.

— Речь не о росте. — У господина Вегарда, кажется, стремительно портилось настроение. — Об отношении к смертным.

Пожав плечами, не стала отвечать. Да и смысл. Хотя:

— Но вы же смертные.

Мэр остановился.

Затем резко развернулся ко мне и выпалил:

— Знаете, госпожа ведьма, насколько позволяет судить мой опыт, убивать магов не сложнее, чем обычных смертных!

— Но если никого не убивать, то маги и ведьмы живут дольше, — парировала я, делая шаг.

И останавливаясь, потому что мэр за мной не пошел. Мэр остался стоять на месте, испепеляя меня взглядом породистых глаз. Взглядами он не ограничился и ввернул фразу, относящуюся к расхожему мнению:

— Среди черных ведъм самая высокая смертность.

— Это потому что мы экспериментировать любим, — честно ответила честная черная ведьма.

— Да, к экспериментам у вас взаимная любовь до гробовой доски.

Мне было совершенно не понятно, отчего он так злится.

— Жить вечно тоже скучно, — не обращая внимания на продолжающего стоять Вегарда, я неспешно направилась вперед по тропинке. — Ко всему прочему, как вы наверняка знаете, сила ведъм достигает пика к пятидесяти пяти годам, а затем начинает медленно угасать, что не слишком приятно, и потому...

— Сколько лет вашей матушке? — задал неожиданный вопрос ловец,

настигая меня.

— Шестьдесят... — начала было я и осеклась.

За какой Тьмой я вообще должна отвечать на данный вопрос?!

— И как же вы отнеслись бы к ее смерти?

Остановившись, я посмотрела вдаль, там из-за куста осторожно выглянул заяц, затем вверх, туда, где сквозь ветви деревьев синело утреннее небо, после себе под ноги и нехотя призналась:

— Не хочу об этом думать.

И прежде чем мэр вставил бы еще хоть слово, добавила:

— К тому же у нее есть папа, он от экспериментов точно уберезет. А вы меня начинаете бесить, господин мэр.

И с этими словами решительно направилась вперед.

Нет, правда бесит! И вопросы у него дурацкие! И...

— Госпожа Герминштейн, меня уже несколько дней мучает вопрос — у госпожи Мадины Моргенштейн имелась дочь или семья?

Понятия не имею.

Остановившись, развернулась к ловцу, задумчиво посмотрела на него и честно ответила:

— Она никогда мне ничего о своей семье не рассказывала. У черных ведьм не принято лезть в чужие дела, господин мэр.

— Удобно. — Ловец догнал меня, и мы вновь зашагали рядом.

— Что именно? — решила проявить любопытство я.

— Удобно уничтожать вас, — усмехнулся он. — Черные ведьмы изолированы как от государства, так и друг от друга. Вы не создаете сообществ, не поддерживаете отношений, вы сами по себе — одиночки, которые никогда не лезут в дела других ведьм. Вы как стая летящих уток — если отстреливать по одной с конца, можно перестрелять весь косяк, и никто ничего не заметит.

Нахмурившись, я не стала ничего отвечать на этот бред. А потому что бред! Потому что...

— Плюс у вас сложности с размножением, — продолжил мэр.

— У нас нет сложностей с размножением, — едва не зарычала я.

— Есть, — невозмутимо парировал ловец. — Вы сами, госпожа ведьма, признались, что заарканить белого мага не так уж и просто.

Едва не выругавшись, хмуро заметила:

— Я просто молодая и неопытная ведьма и за дело по охмурению белого взялась слишком рано. А обычно черные ведьмы о продолжении рода к сорока-сорока пяти годам задумываются. И вот тогда и опыта, и силы, и...

— А вы почему с такой спешкой за это взялись? — перебил меня глава Бриджуотера.

Невежливо перебил. Никакого уважения к черной магии, достал уже.

— Не ваше дело, — нахмурилась я. И добавила: — Мне сейчас нужно.

Пожав могучими плечами, мэр, вместо того чтобы заткнуться, взял и сказал:

— Вам это не особо нужно, иначе вместо аферы с белым магом вы бы делом детопроизводительным занялись. Так что нужно не вам, госпожа Герминштейн.

Идея отблагодарить эту породистую морду завтраком за спасение моей жизни была отвратительной! Просто паршивая это была идея. Крайне.

Остановившись, я посмотрела на мэра, который с улыбкой следил за мной, и решила, что с меня хватит.

— Корзинку вернете, — непонятно даже к чему я это сказала, таких корзинок у меня еще целая одна штука. — Приятного аппетита, господин мэр.

И развернувшись, решительно направилась назад, в город. Хотелось бы вообще сорваться на бег и промчаться по тропинке, вмиг скрывшись от этого... морды. Хотелось вообще больше его никогда не видеть, и чтобы вещи собрал и из моего города свалил! И...

От прикосновения к моей руке словно разряд молнии прошелся по телу. Стремительно развернувшись к догнавшему и схватившему меня мэру, я неожиданно оказалась в его объятиях, а потом...

Его пальцы, скользнувшие по моей щеке...

Мои глаза, зажмурившиеся так, словно я боялась их открыть и увидеть...

Увидеть, как Джонатан медленно склоняется к моему лицу...

Как его губы ловят мои, накрывая осторожным, едва ощутимым поцелуем...

И эти птицы, чье щебетание стало почти оглушающим...

И рука ловца, обвившая мой стан, чтобы с силой прижать к твердому телу...

И мой стон...

И его «Тель» на выдохе...

И плащ, скользнувший по плечам на траву...

И...

И что-то темное, жуткое, промелькнувшее на грани сознания!

Что-то потустороннее, что ощутилось скорее интуитивно, чем какими-либо органами чувств, что-то смертельно опасное.

Я вздрогнула, распахнула испуганные глаза и посмотрела на мэра. Он, тяжело дыша, медленно отстранился, огляделся и хриплым сбивающимся голосом спросил:

— Что не так, Телль?

И мгновенно задержал дыхание, потому что, как и я, понял страшное — птицы больше не пели. И ветерок — его не ощущалось. И деревья словно замерли. И страх, липким жгутом сковывающий все тело...

Мэр посмотрел куда-то поверх моей головы, нахмурился и как-то плавно взял и... и задвинул меня за свою широкую спину, абсолютно и полностью перекрыв обзор на происходящее.

— Госпожа Герминштейн, — голос его прозвучал так, словно мы с ним оба находимся где-нибудь в мэрии, то есть где все официально и ничуть не опасно, — а вы ведь быстро бегать наловчились, не так ли?

— Да уж побыстрее вас буду, — стараясь сбросить оковы страха, раздраженно ответила черная ведьма.

Мэр не отреагировал на колкость, только сказал:

— К западным воротам бегите, у южных вас могут ждать.

От его слов перехватило дыхание.

— Ну же, госпожа ведьма, — напряжено произнес мэр. — Проявите уже наконец хоть одну черту черноведьминского характера. Бегите!

Я осталась стоять на месте, с изумлением глядя на широкую спину этой непонятной морды. Остального-то видно мне не было. Джонатан резко повернулся, одарил меня злым взглядом и прохрипел:

— Ну?! Вы будете спасаться или как?

— Или как, — решила черная ведьма. — А с какой стати вы мне вообще указываете, господин мэр?!

Но вместо конструктивного диалога ловец чуть склонился ко мне и прошипел:

— Брысь отсюда, Телль! Живо!

Черная ведьма молча и выразительно вскинула бровь. Мэр побагровел.

Темная опаснейшая потусторонняя субстанция выпрыгнула из кустов!

Дальнейшие события смешались каруселью — для начала мэр отшвырнул меня в сторону с такой силой, что, уронив на траву, меня по инерции проволокло еще шагов пять. А после поднявшаяся на четвереньки и отплевывающаяся от бурьяна черная ведьма с ужасом увидела, как Джонатан с одним единственным ножом бросается на громадного черного медведя, чей жизненный срок закончился с месяц назад как минимум. Медведь был мертв. Мертв и под воздействием подчиняющего заклинания, на что четко указывали его тускло светящиеся зеленым глаза. И медведь не

видел мэра — вся его смертоносная туша была четко ориентирована лишь на одну цель. На меня.

Сверкнул нож ловца. Сверкнул и утонул в шкуре медведя, ничуть не остановив умертвие, рваными резкими движениями бросившееся на меня. Мэр такое игнорирование его персоны ничуть не обидело — рывок, и Вегард запрыгнул на медведя сзади, начав самым недвусмысленным образом кромсать его шею в попытке отделить голову от тела. Медведь был мертв, он не ощущал боли, он не замечал препятствий, он имел лишь одну цель — убить меня, и поэтому на меня же и надвигался, игнорируя своего неожиданного всадника.

— Телль! — заорал ловец.

Его крик заставил меня подскочить, сбросив охватившее оцепенение, и помчаться к городу. Медведь, осознав, что жертва убегает, упал на все конечности и на четырех лапах рванул за мной. Мэр, проявив чудеса ловкости и явные навыки верховой езды, удержался на медведе и теперь мчался на умертвии, используя нож в качестве уздечки.

Через несколько минут стремительного бега до меня донесся голос этой наезднической морды:

— Госпожа ведьма, а куда вы, собственно, направляетесь?

Не оборачиваясь, стараясь сохранить темп, я крикнула:

— В зону действия моего источника.

— Логично.

На повороте, перепрыгнув очередной куст, оглянувшись — мэр все так же мчался за мной следом, оседлав медведя. Выражение лица у мэра было примечательным, и он явно хотел еще что-то спросить, но понимая, что я могу сбиться с темпа, молчал. И что самое приятное — продолжал держаться за медведя, снижая скорость мчавшегося за мной умертвия.

То, что подумают про все это в городе, лично меня не интересовало до тех пор, пока не ворвалась в Бриджуотер, едва не снеся сержанта, открывающего мне калитку. К слову, сержант меня не узнал, на что недвусмысленно указало его:

— Девушка, а вы...

Я промчалась мимо, уже чувствуя, как перед глазами начинают прыгать черные точки, а дыхание сбивается от долгого и быстрого бега.

Но не миновала я и окраины, как с догоняющего меня медведя послышалось:

— Аэтелль, наймите извозчика!

У меня не было сил уже даже обернуться. Как не было и возможности крикнуть раздающей советы морде, что это будет ошибкой — умертвие,

потерявшее цель, начнет искать новые и нападет на жителей города. Может, я и черная ведьма, но мне население было жаль. Тем более это уже город, здесь полно детей. И все, что я смогла крикнуть в ответ:

— Нельзя!

Никогда не думала, что Бриджуотер настолько огромный город! Гораздо больше того отрезка лесного пространства, которое я привыкла пробегать. Где-то за две мили до площади и центра я споткнулась и больно упала, поранив ладони. А вот подняться мне помогли.

Вскинув голову, посмотрела на пришедшего на помощь и с удивлением увидела господина Вегарда. Мэр поставил на ноги меня, достал платок, вытер мои ладошки и сказал:

— Теперь можно не торопиться.

Испуганно оглянулась — умертвие медведя, связанное по всем лапам, продолжало меня упорно преследовать, но уже ползком. Тяжело дыша, перевела взгляд на Джонатана.

— Осознав, что вы намереваетесь и далее марафонить по городу, я понял, что пора принимать меры. Очень кстати мы с медведем как раз проносились мимо строительной лавки.

— И вы украли веревку? — с трудом спросила я. — Как вы могли, вы же мэр!

— Вы очень неправильная черная ведьма, госпожа Герминштейн, — с доброй укоризной произнес господин мэр. — Идти сможете?

Ловец подал мне руку.

Не став отказываться, уцепилась за его локоть, и мы степенно направились к площади: мэр — с лицом, исполненным достоинства и благожелательности, то есть истинно по-мэрски, и я — пытаюсь отдышаться и откровенно повисая на мужчине.

А за нами упорно полз медведь. Очень упорно и очень настойчиво, не замечая, как привлекает массу внимания и уже основательную толпу. К слову, Вегард связал умертвие весьма качественно, так что, подойдя к площади, мы даже посидели в кофейне, попивая кофе и с самым невозмутимым видом ожидая подползающего.

А потом медведь приполз, из последних сил залез на террасу, подполз к нашему столику, отбивая всяческое желание доесть пирожные, которые господин мэр заказал для меня, с тоской посмотрел на свою жертву и...

— Будете добивать? — весело поинтересовался господин Вегард.

Вскинув руку, щелкнула пальцами — зеленоватое пламя, сорвавшись с кончиков ногтей, окутало медведя, сжигая на нем веревки и подчиняя уже моей воле. Умертвие поднялось, встав на задние лапы, галантно мне

поклонилось, после чего, развернувшись, с достоинством отправилось в мою лавку.

— Куда вы его послали? — проследив за удаляющимся зверем, спросил мэр.

— Плащ мне принести, — призналась я, делая еще глоток кофе.

Дрожь от пережитого постепенно отпускала, но руки все еще подрагивали, не говоря о перетруженных ногах. И самое неприятное — я бы не добежала. Не оседлай мэр умертвие, а после не свяжи его веревкой, я бы не добежала. Не смогла. Мне физических сил не хватило бы. И сейчас, поглощая кофе маленькими глотками, я была вынуждена признать — Джонатан Бенхард Вегард опять спас мою жизнь. Неприятное осознание. Крайне неприятное.

— О чем вы задумались? — поинтересовался мэр.

К слову, пока я сидела и ждала подползающего медведя, Джонатан успел умыться, снять охотничью куртку и в белой свежей рубашке, весь совершенно не уставший и спокойный, с удовольствием поглощал свой омлет с ветчиной, сидя напротив меня. Выглядел ловец крайне довольным, и случившееся никак не повлияло на его настроение.

— О жизни, — мрачно ответила я, делая еще глоток кофе и глядя в сторону своей лавки.

Оттуда зеленоватым облаком дыма вылетел Дохрай. Обалдело огляделся, увидел меня, мгновенно успокоился и погрозил когтистой лапой. Все ясно, дома меня ожидает еще и взбучка от хранителя. Потрясающе. Следом выскочил Гардэм. Не один — за ним увязалось все войско камышовых котов, и вот все это помчалось ко мне. А потом уже из лавки вывалился медведь, несущий целый ворох моих плащей!

С тихим полным отчаяния стоном спрятала лицо в ладонях и поняла, что хочу куда-нибудь далеко-далеко, очень далеко. Примерно так обратно в лес и чтобы мэр меня обнял и...

Руки похолодели, я вздрогнула и, растопылив пальцы, с ужасом посмотрела на господина Джонатана Бенхарда Вегарда. Мэр заинтересованно смотрел на меня своими завораживающими насыщенного карего цвета глазами. И под этим взглядом мое сердце забилось гораздо быстрее, а дыхание и вовсе перехватило.

— Госпожа Герминштейн, с вами все хорошо? — в голосе господина Вегарда промелькнула неподдельная тревога.

А я смотрела на его... лицо, четко очерченные губы, на породистый нос, брови, скулы, внушительный широкий подбородок с ямочкой посередине, снова в глаза... Сердце все ускоряло биение, и дело было вовсе

не в том, что я совсем недавно бежала из последних сил... И не в том, что Джонатан сегодня меня спас.

Дело было в другом!

В том, чего быть совершенно не могло!

Абсолютно, никак и никоим образом быть не могло! Потому что он просто смертный! Он только смертный, он...

— Вы на меня странно смотрите, госпожа Герминштейн, — очень тихо и как-то крайне холодно произнес ловец.

— Как смотрю?! — продолжая глядеть между растопыренных пальцев, упавшим голосом спросила я.

Мэр отложил нож и вилку, взял салфетку, промокнул губы... и от этого жеста я на миг перестала дышать, затем так же холодно сообщил:

— Вы смотрите на меня так, словно собираетесь обвинить в использовании приворотного зелья.

И Джонатан посмотрел прямо в мои глаза.

Приворотное зелье...

А это мысль!

Убрав руки от лица, потянулась к кофе и...

И тут медведь разом вывалил на меня весь ворох моих же плащей.

Груда далеко не легкой ткани меня не порадовала. Щелкнув пальцами, отправила прочь и плащи, и медведя, и они бодрой вереницей направились к лавке, а вот я, утерев лицо после разлившегося на меня кофе, повернулась к Вегарду и прямо спросила:

— Господин мэр, так, значит, вы не отрицаете факт использования приворотного зелья?

Мэр сжал челюсти и вперил в меня очень тяжелый, злой взгляд.

— Молчание — знак согласия, — резюмировала черная ведьма.

И подозвала официантку, чтобы та налила еще кофе.

Вместо ответа господин Вегард подался ко мне и, игнорируя резко сократившееся личное пространство требующей пиетета и уважения черной ведьмы, зло произнес:

— Боюсь, что увлекшись теорией приворотного заговора в отношении вашей персоны, госпожа ведьма, вы недальновидно отослали все плащи, не озаботившись сохранением хотя бы одного.

Осторожно отодвинувшись от злющей морды, оглянулась — действительно, за мертвым медведем уплывали все мои плащи. Но не суть — щелкнув пальцами, заставила последний плавно поплыть в обратном направлении, в смысле ко мне. К слову, под моим столом уже сидело шесть камышовых котов, а рядом со стулом встревоженным изваянием застыл

Гардэм, из-за чего официантка с кофе тоже застыла, но шагах в пяти, явно опасаясь приближаться к столику, находящемуся под столь суровой охраной.

То есть кофе мне больше не светит!

Как оказалось — не только кофе.

— Благодарю за столь насыщенные событиями утро. — Мэр, скомкав и швырнув салфетку на стол, решительно поднялся. — Надеюсь, в будущем вы станете гораздо благоразумнее в отношении собственной безопасности и более не будете покидать пределы действия своего источника без сопровождения белого хранителя. — Злой взгляд на меня и гораздо тише:

— Всего доброго, госпожа ведьма.

С этими словами мэр гордо ушел, расплатившись с перепуганной официанткой за наш завтрак. А я даже ничего больше не смогла сказать, глядя ему вслед и думая... думая о том, где он мог раздобыть приворотное зелье и когда мне его дал, хотя...

В глубине души, совсем глубоко, там, где регламент черноведьминский не касался, я сильно сомневалась в том, что мэр мог приворотное использовать. Потому что он все-таки благородный. И сегодня меня спас. И вчера. И...

А с другой стороны — этот смертный меня опять поцеловал! Меня! Потомственную черную ведьму! И, говоря откровенно, если бы не медведь...

С благодарностью посмотрела на своего спасителя. Медведь как раз вплывал в лавку и... И если я правильно оценила нити оплетающего его заклинания, сейчас это вонючее умертвие повесится на вешалку вместе с остальными моими плащами! Пришлось посылать в него очередной заряд магии, дабы предотвратить неизбежное. А потом, когда медведь вывалился на площадь и застыл, сидеть и думать, что с ним делать дальше.

И что делать дальше с господином мэром?..

И, увы — что делать дальше с Зигфридом?! Потому что белый маг как раз шел через площадь, направляясь ко мне.

— Мяугрр, — сказал Гардэм, придвигаясь ближе.

— Мяс, — хором поддержали камышовые коты.

— Катись все к Тьме! — решила черная ведьма.

Я вообще привыкла решать все проблемы именно таким образом. И для черноведьминского характера лучше, и для всей нервной системы в частности, и морщинок меньше.

А потому преспокойно притянула кофейник у официантки, налила себе чашку до краев и, попивая обжигающий напиток, дождалась, пока

подойдет Зигфрид с букетом белых роз.

— Люблю черные, — заявила приблизившемуся магу.

Мужик печально посмотрел на меня, но менять ничего не стал, и белый букет лег на стол передо мной. Затем, даже не спрашивая разрешения, маг сел напротив, заняв место, где еще недавно сидел мэр. С мэром было определенно лучше, даже не знаю почему.

— Надеюсь, сегодня мы сможем поговорить, — произнес «березка», складывая руки на груди.

Безразлично пожала плечами, мол, начинай, я не против, мне вообще все равно.

— Я хочу участвовать в жизни нашей дочери, — начал белый.

— Черной ведьмы? — насмешливо уточнила я.

Скрипнув зубами, Зигфрид несколько мгновений смотрел на меня в упор, а затем едва слышно произнес:

— Не важно, кем она будет, это и моя дочь тоже.

Захотелось сказать правду, но, прикусив язык, я молча отхлебнула еще кофе. Как бы ни была неприятна мне эта ситуация, однако настоящие неприятности ждут, если мэтр Октарион просечет отсутствие интимного процесса между мной и «березкой». Потому что одна черная ведьма против мэтра белой магии — просто ничто.

А к Тьме!

И я, запрокинув голову, посмотрела на голубое летнее небо, пролетающих птиц и белые кучевые облака, напоминающие стадо отдыхающих барашков.

— Это да? — уточнил Зигфрид.

— Мне все равно, — ответила черная ведьма.

— Мне нет, — с нажимом произнес маг. — И лучше нам заключить брак сегодня.

Перевела удивленный взгляд на белого. Зигфрид вздрогнул и хрипло произнес:

— Мэтр Октарион не простит ни мне, ни тебе случившегося, Аэтелль. Но если я и встречу смерть в ближайшее время, я хочу быть уверен, что ты и малышка никогда ни в чем не будете нуждаться. Я достаточно богат, Телль, как и любой белый маг. Мои сыновья обеспечены, с женой в разводе. В любом случае наша дочь получит четверть моего имущества, завещание я уже изменил, но мне будет спокойнее, если ты будешь защищена моим именем и состоянием.

На душе стало как-то окончательно мерзко. Я не ожидала подобного благородства от белого мага. Совершенно не ожидала. И сейчас очень

хотелось сказать ему правду и про то, что ничего не было, и про то, что я не планирую заводить от него дочь.

Но сказала иное:

— Мэтр Октарион тебя не тронет, Зигфрид, дуэли между белыми магами запрещены законом.

Он усмехнулся так, что сразу стало ясно — закон в данном случае роли не играет, соответственно, мэтр Октарион действительно этого так не оставит. Мерзко. И остается выбор — спасти «березку» и подставиться самой или поступить как любая нормальная черная ведьма и оставить мужчин разбираться между собой... Непростой выбор.

И, к сожалению, я уже знала, как поступлю...

Отставив чашку, подалась вперед, к белому, и, глядя в его голубые глаза, тихо произнесла:

— Можешь оставить благородные порывы на будущее, Зигфрид, между нами ничего не было. Я лишь использовала тебя для защиты от твоей начальственной беломагической рожи. Просить прощения не буду, мы черные, мы не извиняемся. На этом все.

И резко поднявшись, попыталась уйти, чувствуя себя последней тупой курицей, которая не сумела использовать белого мага. Да какая я теперь черная ведьма?!

Оказалось, что никакая.

Потому что в следующее мгновение «березка» пошел рябью, и вот на его месте сидит более чем довольный собой Арвейн. Сердце замерло! Да просто ухнуло куда-то вниз, к камышовым котам!

Рожа протянул руку, и белые розы вмиг окрасились в черный. Затем маг насмешливо посмотрел на меня, издевательски ухмыльнулся и не менее издевательски произнес:

— И ты еще называешь себя черной ведьмой, Телль?! Деревенскую клушу обмануть сложнее, чем тебя.

Пальцы щелкнули сами. Это даже как-то неосознанно произошло, просто в едином порыве, потому что бесит! И не успел белый даже дернуться, как на стуле напротив меня сидела деревенская клуша. В смысле курица, только размером с мэтра Октариона. У курицы была очень наглая беломагическая рожа, а потому еще одним щелчком я устроила ей свидание. С петухом. Превосходящим клушу по размерам, и, собственно, это был увеличенный бойцовский петух господина Канса, которому он практически заменял сторожевого пса. И не то чтобы я была злая черная ведьма, а исключительно потому что... зря рожа так с представителями черной магии. Очень зря.

— Ха-ха, Телль, — мужским басом произнесла курица.

Маг просто еще не увидел бегущего к нему через всю площадь петуха.

— Действительно смешно получилось, — не стала отрицать я, задвигая стул и выходя из-за столика.

— Далеко собралась? — уточнил белый.

— Не хочу тебе мешать. — Петух как раз перепрыгивал фонтан, весь охваченный любовным порывом. И закрепила заклинание легкомысленным: — Паннетти пум!

Детское заклинание, одно из самых раннеизучаемых, призванное стабилизировать магические опыты. Помнится, впервые я использовала его на маминой ступке для измельчения лесных кореньев. Качественно использовала, настолько качественно, что до поступления в магистериум мама оставляла меня на попечение ступки, которая стала самой строгой нянькой на свете, а потом ее еще и отдавала всем знакомым ведьмам, тоже в качестве няньки.

— Телль, — донеслось мне вслед, когда уходила из кофейни.

Ничего не отвечая, накинула плащ, отступила, чтобы не попасть под ноги к промчавшемуся петуху, и, вскинув руку, щелкнула пальцами, блокируя магию белого. Не то чтобы надолго, но пару «приятных» минут я роже точно обеспечила. Пусть почувствует себя... мной.

Откровенно говоря, не знаю, что там происходило дальше — крики, звук падающих предметов мебели, клекот по-боевому настроенного петуха до меня доносились, но как-то сквозь пелену странной отрешенности. Мне было совершенно не интересно, как будет выкручиваться из ситуации мэтр Октарион, хватало своих проблем. И потому, подойдя к медведю, уже с месяц как бывшему умертвию, я принялась внимательно его разглядывать.

Медведь был не местным — здесь в лесах водились бурые представители данного вида, этот был черным, раза в полтора больше, а еще — и я сомневаюсь, что это появилось сегодня, — у медведя были порваны ноздри. Причем не просто порваны — их порвали уже после его смерти, иначе это все выглядело бы иначе... То есть можно предположить, что ранее у данного медведя было кольцо в носу, соответственно...

А кто в Бриджуотере мог держать ручного медведя?!

Городок небольшой, богатых людей по пальцам пересчитать, в основном средний и зажиточный класс, цирковых артелей не то чтобы нет, но медведя у них никогда не было. Точно знаю, местные мамочки очень уж животных любят, за издевательство над собачонкой, которую по веревке заставляли ходить, цирковые биты были нещадно скалками да вениками, так что иной живности артисты не держали. Значит, если медведь и был

где-то, то тайно... Тайно содержать только за высоким забором могли, соответственно...

Через пять минут, после быстрого душа, переодевшись в традиционный наряд черной ведьмы, я покинула лавку в сопровождении Гардэма, оставив умертвие медведя сидеть на лестнице. И да — мне было совершенно все равно, что там с мэтром Октарионом. Настолько безразлично, что я в ту сторону даже смотреть не стала.

* * *

Как уже говорила, богатых людей в Бриджуотере можно было по пальцам пересчитать, причем в прямом смысле слова. Всего их было пять семей и, соответственно, пять особняков в историческом центре городка, то есть на побережье. Первое время я несколько завидовала жильцам особняков, точнее тому, что они из своих окон могли любоваться чудесным видом на море, но затем перестала — на площади все же веселее. Опять же мэрия рядом, клиентам добираться проще и вообще.

До улицы богачей, они же почетные жители города, я доехала на извозчике, который всю дорогу нервно оглядывался на Гардэма. Около первого особняка расплатилась и вышла из двуколки, чтобы удивленно остановиться — госпожа Розалински, жена господина Розалински, собственно хозяйина дома, стояла у высоких окованных железом ворот, худенькая и перепуганная, и, кутаясь в черный платок, вопросительно смотрела на меня.

Удивленно оглядев седовласую женщину, я обратила внимание на ворота особняков по соседству — как оказалось, почти все их владельцы стояли собственно у ворот и смотрели на меня. Испуганно-вопросительно смотрели. Причем все, кроме хозяина пятого особняка, там у открытых ворот было совершенно пусто.

— А что происходит? — напряженно спросила напряженная черная ведьма.

— Господин мэр обыски проводит, — любезно уведомила меня госпожа Розалински.

От соседних ворот ко мне уже торопливо шагал пухленький господин Урдок, владелец половины портовых складов, который еще на подходе начал говорить:

— И странные это обыски, скажу я вам, госпожа ведьма. Сначала, значит, в ворота стучат, после требуют хозяев лично, с дворецким моим

общаться никто не пожелал, как и с секретарем, а стоило мне выйти, так господин мэр всего один вопрос задал: «Медведь у вас сдох?» И я ответить ничего не успел, как господин Вегард вынес вердикт: «Нет, зверинца у вас нет и никогда не было. Доброго дня, господин Урдок», после чего он и его люди в другие ворота стучаться ушли.

Остальные богатеи тоже ко мне спешили, а госпожа Розалински, покивав, пока слушала речь господина Урдока, сказала:

— Вот-вот, и мне господин мэр тот же вопрос задал и тоже ответа не ждал — словно по глазам моим все прочел.

И все на меня вопросительно уставились, потом на Гардэма глянули и снова на меня.

— Значит, тайного зверинца ни у кого не было? — скорее уточняя, чем спрашивая, произнесла я.

Подошедшие и присутствующие закивали. Все, кроме господина Амански, которого тут не присутствовало, и собственно его дом сейчас и осматривался, как я понимаю.

— Так что случилось? — спросил господин Нильске, владелец полусотни торговых кораблей.

Тяжело вздохнув, честно ответила:

— На меня напало умертвие медведя. Причем это был черный медведь, а такие в местных лесах не водятся.

На миг воцарилось молчание, после господин Урдок глубокомысленно произнес:

— Не водятся... — Он нахмурился, потер переносицу и добавил: — И вот что я вам скажу, госпожа ведьма, с некоторых пор странные дела творились у Амански, мы уж думали вас звать.

— Да-да, — закивала госпожа Розалински. — Поначалу экономка Амански перестала на базар за продуктами ходить, ну, мы-то внимания не обратили, деликатесы и на кораблях доставлять могли, да только...

— Из ворот выходить домочадцы Амански и вовсе перестали, — встала госпожа Нильске, прячась за мужа.

У меня в груди все похолодело.

Шесть человек — господин Амански, его жена, теща, трое детей. Еще двенадцать слуг да ко всему белый маг-недоучка, студент, на год приехавший обучать сына Амански, у которого родители заподозрили наличие силы. Ну как сказать заподозрили — понадеялись, что есть, вот только магия по крови передается, и потому надежды были тщетны.

Итого — девятнадцать человек.

— Как давно не выходили? — выдохнула я.

— Да со вчерашнего дня, — ответила госпожа Розалински.

— С восхода ворота не открывали, — добавил господин Нильске.

Не задавая более ни единого вопроса, я сорвалась с места на бег. Гардэм мгновенно последовал за мной, а вот господин Урдок крикнул:

— Вы осторожнее, госпожа ведьма, я сейчас мушкет захвачу и за вами, не торопитесь!

А я бежала так быстро, как только могла, и, едва домчалась до ворот, ворвалась на территорию особняка Амански, практически не разбирая дороги, за что и поплатилась, с разбегу врезавшись в господина мэра.

Точнее, я бы врезалась, если бы, словно почувствовав мое появление, Вегард не повернулся, прервав разговор с пятью такими же одетыми в черное, как и он, ловцами, и не поймал меня в объятия.

На какое-то мгновение я растерялась и, вместо того чтобы, сохраняя лицо, пиетет и все такое, оттолкнуть мэра, прижалась к нему, более того — лицо на его широкой груди спрятала, но затем...

Я все-таки черная ведьма!

— Господин мэр, — отстранившись, стремительно отступила на шаг, — что вы тут делаете?

Вегард, прищулив глаза, хмуро произнес:

— Собираюсь задать вам тот же вопрос, госпожа ведьма.

Догнавший меня Гардэм ткнулся носом в спину, а после и вовсе зарычал. Обернувшись к нему, увидела, что мой белый хранитель напряженно смотрит куда-то в сторону сада. Проследив за его взглядом, увидела... плащ Люсинды. Тот, отличаясь от стандартного регламентированного кокетливым кружевом по вороту, валялся в пыли у входа в садово-парковую зону особняка.

— Госпожа ведьма, откровенно говоря, вам лучше уйти, — произнес мэр, перекрывая мне обзор своим внушительным телом.

Памятуя о том, что эта территория находится в зоне действия источника Грехен, демонстративно подняла руку и щелкнула пальцами — зеленые искорки должны были напомнить некоторым о том, что мы, черные ведьмы, далеко не беззащитны.

Вот только вместо того чтобы служить нормальным зеленоватым напоминанием о моей ведьминской силе, вспыхнувшие зеленым искорки внезапно изменили цвет и обожгли мою ладонь красноватым огнем, чтобы тут же охладить кожу синеватыми всполохами, свидетельствующими о невероятном — магия белых!

— Н-н-не поняла... — потрясенно пробормотала потомственная черная ведьма.

Мэр перехватил мою ладонь, всмотрелся в кончики пальцев, все еще искрящиеся голубыми искрами, затем перевел взгляд на мои же явно округлившиеся глаза.

— Потомственная черная ведьма? — хрипло переспросил он.

— И только попробуйте в этом усомниться, господин мэр, — прошипела я.

Мы переглянулись и снова уставились на мою ладонь — синие искорки никуда не делись, более того, становились все ярче.

— Вы ведь не понимаете, что происходит, не так ли, госпожа ведьма? — Вопрос господина Вегарда прозвучал странно.

— Все я понимаю! — поспешила уверить ловца. И тут же спросила: — А что происходит?

Карие глаза насыщенного шоколадного оттенка скептически взглянули в мои, затем Джонатан неожиданно улыбнулся и гораздо тише произнес:

— Вы очаровательны, госпожа Герминштейн.

Отчего-то ощутила прилив тепла к щекам. Надеюсь, они не покраснели. А господин мэр тут же стал суров, оглянулся на своих людей, нахмурился еще сильнее и, вновь повернувшись ко мне, тихо сказал:

— У вас биполярная магия.

И мы вместе еще раз посмотрели на мою ладонь — искры превращались в пламя. На какой-то миг захотелось испытать эту магию, в смысле белую. Но потом стало противно — стряхнула пламя с ладони, сложила руки на груди, нахмурилась. После решила все же уточнить:

— Я потомственная черная ведьма. С черным источником.

Подошедший Гардэм очень некстати ткнул мне в ребра своей белой мордой.

— Совершенно черная, — сочла своим долгом напомнить мэру и себе заодно.

— У вас биполярная магия, — повторил ловец. — Что теоретически вполне объяснимо.

— Чем же? — враждебно поинтересовалась я.

— У вас отец — белый маг, — припечатал мэр.

— Ну, знаете ли, у всех черных ведьм отцы белые маги, — разозлилась окончательно.

Но господин Вегард как-то задумчиво посмотрел вдаль и произнес:

— Вот и я об этом подумал...

И тут раздался грохот шагов по деревянному крыльцу особняка Амански и следом:

— Вегард, алтарь нашли!

Я сорвалась первая, но даже не особо удивилась, когда ноги опять замолотили по воздуху. Перестала совершать бегательные движения, укоризненно посмотрела на мэра. Тот молча поставил меня на землю, неодобрительно покачал головой и задал неожиданный вопрос:

— Госпожа ведьма, а вам в лавку не нужно? Зелья там варить разной степени коварности, народ Бриджуотера обременять матримониальными планами и вообще?

— Нет-нет, сегодня я совершенно свободна, — поспешила заверить черная ведьма.

— Жалость какая, — усмехнувшись, выдал ловец.

А вся толпа его подчиненных после слов того, выбежавшего на крыльцо, устремила собственнo в особняк Амански, и мэр с явной тоской посмотрел им вслед, я тоже, но меня продолжали удерживать на месте.

— Слушайте, госпожа ведьма, а что, если я вас найму? — задал неожиданный вопрос господин Вегард.

— В смысле? — безрезультатно дергаясь в направлении дома, удивилась я.

— Да даже не знаю, — мэр как-то неожиданно расстроился, — разбирательство с моими врагами вам поручать бесчеловечно, мне врагов жаль, сотрудников мэрии вы уже воспитали, гарнизон весь по стойке «смирно» ходит при одном упоминании вашего имени, разве что поручить вам приготовление зелья...

— Приворотного? — скептически поинтересовалась я, отчего-то обиженная его тирадой.

— Слишком опасно, с вашим-то подходом и размахом, у меня так весь город в сортире засядет на пару недель точно... — Мэр выдал это и тут же явно пожалел о сказанном, потому что как-то настороженно посмотрел на меня, ожидая реакции.

Мне действительно стало очень обидно. Я бы даже сказала — совсем.

Поэтому, перестав вырываться, мрачно сообщила:

— Что вы, не приемлю издевательств над ближними.

— Да? — недоверчиво переспросил господин мэр. — А со мной тогда что это было?

— А вы не ближний, вы прибывший без предупреждения!

Мэр взял и психанул, прорывав:

— То есть мне вас лично о приезде предупредить нужно было?!

Пожала плечами. Мог бы и поставить в известность, кстати, все-таки черная ведьма не последнее лицо в Бриджуотере.

Вегард некоторое время ждал моего ответа, а затем неожиданно

произнес:

— Госпожа Герминштейн, вы меня с ума сводите.

— Что поделать — профессиональная обязанность потомственных черных ведьм, — равнодушно ответила я.

— Должен признать — прежде черные ведьмы меня не волновали, — как-то очень зло сказал мэр.

Грустно посмотрела на него. Мэр на меня. Я продолжала смотреть на него, думая о том, что впереди меня ждут неприятности с мэтром Октарионом, обнаглевшим окончательно, и надо еще с этой биполярной магией разобраться, и котов с Гардэмом пора кормить, и да — на алтарь бы хотя бы взглянуть одним глазком и с убийцей Мадины поквитаться, и...

И вдруг все мысли взяли и унеслись куда-то очень далеко, напрочь покинув мою голову, а все на свете затмил... собственно мэр. Это было очень странно, но почему-то я смотрела в его серьезные глаза и не могла оторвать взгляд. Меня вообще словно затягивало омутом куда-то глубоко и надолго, и сердце начало биться все медленнее, словно замирая и...

— И, кажется, я уже сошел с ума, — глухо произнес господин мэр, неожиданно резко склоняясь ко мне.

А черная ведьма еще более неожиданно подалась ему навстречу, обвивая руками породистую мэрскую шею и опуская ресницы, что мне вообще не свойственно, и задыхаясь, едва горячие губы коснулись моих губ, а ладони сжали мою талию.

И это все было очень-очень неправильно! И не по регламенту! И моя остроконечная шляпка упала почти сразу, и зарычал недовольно Гардэм, но кровь побежала по венам стремительнее, словно наполняя огнем, и поцелуй смертного мужчины казался самым магическим на свете, и эта магия пульсировала в моем теле, лишая мыслей о неправильности, лишая воли, сводя с ума и наполняя сердце вконец неправильной мыслью — не хочу, чтобы это заканчивалось!

И тут на крыльце снова раздался топот, а после:

— Господин Вегард, там... оу... э-э-э... Там это... труп уже... так что не торопитесь и это... я пошел.

А мэр что-то невразумительно промычал, сжимая меня сильнее, отчего мои ноги окончательно потеряли опору и вся я повисла на мужчине, который и сам с ума сошел, и меня, кажется, этим заразил. И, о Тьма, что же я делаю?!

И поцелуй все длился и длился, и я едва дышала, а мэр дышал тяжело и хрипло, а где-то там раздался перестук копыт, и кто-то въехал во двор особняка Амански со словами:

— Господин мэ́р, там госпожа черная ведьма Грехен... А что тут происходит?..

Понятия не имею! Но мои пальцы запутались в густых волосах ловца, притягивая его сильнее, словно я боялась, что он остановится... И Джонатан не останавливался, он подхватил меня на руки и понес куда-то... Потом опустил где-то и тут же прижал своим телом к стволу дерева, продолжая жадно, безумно, исступленно целовать... и черная ведьма даже на секунду не была против. Позор какой!

А потом все закончилось.

И мэ́р остановился, упираясь левой рукой в дерево, а правой продолжая прижимать меня к себе.

— Приворотное зелье? — осипшим голосом с надеждой спросила черная ведьма.

— На меня подобные не действуют, — хрипло и зло ответил мэ́р. — И на тебя, к слову, тоже.

Закусив губу, промолчала. Да, не действуют, я же черная, но ему знать об этом вовсе не обязательно. А он, гад, взял и узнал! И вот интересно откуда?!

— Даже не спрашивай! — как-то просек ситуацию ловец.

Скривилась. Посмотрела наверх, на крону дерева, к которому меня прижали частично, потом хмуро взглянула на мэ́ра. Мэ́р, все так же тяжело дыша, вопросительно взирал на меня, словно чего-то ждал.

— Идея с зельем была неплоха, — скорбно сообщила я.

— К черту, Телль, — прорычал мэ́р.

— Много бы объяснила, — продолжила рассуждать я.

Прикрыв глаза, Вегард судорожно выдохнул, затем вновь посмотрел на меня, мрачно так, и хрипло произнес:

— Госпожа ведьма, мне очень жаль, но я вынужден быть откровенным и признать — я безумно, всепоглощающе, окончательно и бесповоротно сошел по вам с ума. И это не зелье, не магия и не проклятие — я просто в тебя влюбился.

Мое черноведьминское сердце взяло и... остановилось. А потом забило быстро-быстро, отчего перед глазами все, кроме лица мэ́ра, поплыло, и еще дыхание перехватило. И...

— Скажи хоть что-нибудь, — вдруг тихо попросил Джонатан.

Не смогла. Смотрела на него, в его карие глаза, чувствовала, как напряглась сжимающая мою талию рука, как каменеет от напряжения все тело Вегарда, и понимала, что это неправильно. Все неправильно. Он смертный, я ведьма, которая еще не родила дочку. Неправильно.

— Я вас понял, госпожа Герминштейн, — глухо произнес мэр, опуская правую руку и отпуская меня.

А меня словно охватило какое-то оцепенение — так и не смогла ни пошевелиться, ни произнести и слова.

— Я вас понял, — повторил, отворачиваясь.

Закрыв глаза, стиснул зубы так, что послышался скрежет, резким движением, словно отрывая себя, отшатнулся от дерева и, соответственно, от меня. Отвернулся, засунув руки в карманы. Сжал ладони в кулаки. Постоял так несколько секунд и глухо произнес:

— Вам сейчас лучше уйти, госпожа Герминштейн.

Это я как раз прекрасно понимала, что лучше просто уйти, и желательно молча. Просто молча и тихо. Просто уйти. Просто так неправильно, он смертный, а я... я слишком молодая черная ведьма, у которой даже нет дочери и...

— Знаете, вам следует обратить внимание на госпожу Анарайн, она вам больше подходит, — почему-то сказала я.

Мэр усмехнулся, зло как-то, и, не оборачиваясь, ответил:

— Вы совершенно правы, госпожа Герминштейн.

Почему-то на это я продолжила:

— Или на любую другую девушку в Бриджуотере... только не на сестер Блошич.

— И тут я с вами совершенно согласен, — подтвердил мэр.

Его согласие почему-то отозвалось неприятным чувством в сердце, и все же я сочла нужным продолжить:

— Просто согласитесь, что черная ведьма — это совсем не та партия, которая вам годится...

— Согласен! — рявкнул мэр и резко повернулся ко мне.

И вот это было очень зря, потому что говорить ему в спину я еще могла, а стоило Джонатану посмотреть в мои глаза, как дар речи взял и самым коварным образом покинул одну потомственную черную ведьму. Совершенно покинул. И, собственно, продолжать мысль о том, что черная ведьма и ловец — это совершенно не пара, стало очень сложно.

Нервно сглотнув, осторожно попросила:

— Господин мэр, отвернитесь обратно, пожалуйста.

— Что? — не понял почему-то совершенно злой мэр.

— Отвернитесь, я мысль закончу. — Просьба вышла какой-то совершенно жалкой.

Но он продолжал стоять и смотреть на меня, только глаза яростно сужались, и под этим злым взглядом мне стало совершенно не уютно, да и

продолжать разговор уже не было никакого желания.

Беспомощно оглянувшись на особняк Амански, я обнаружила, что на крыльце не двигаясь стоит толпа подчиненных ловца и жадно нас слушает, ну, или вслушивается, потому что на таком расстоянии они точно ничего расслышать не могли. А еще из окон подвала выглядывает все семейство Амански и тоже... слушает. И мужик на лошади, что въехал во двор, тоже... замер.

— Какого демона? — вдруг напряженно произнес мэр.

Я глянула на него и поняла, что и он обратил внимание на странное поведение народа. И любопытство тут было ни при чем — живые могут быть любопытными, но мертвые... А семейство Амански к живым уже не относилось.

— Телль, ты ведь быстро бегаешь? — сипло спросил ловец.

— Что, опять?! — не поверила я.

В парке из-за деревьев раздалось хриплое рычание явно умертвия.

— Заклинание экранировано пределами усадьбы. — Вегард плавно приблизился ко мне, еще более плавно извлекая нож из ножен. — Гардэм выиграет пару минут, успеешь добежать до ворот.

Нож беззвучно вошел в мое платье, рывком мэр распорол юбку регламентированного черноведьминского одеяния. Молча отреагировала на издевательство над моим платьем, так же молча посмотрела на выпрямившегося все так же с ножом в руках Джонатана и уже хотела возмутиться, как вдруг раздались издевательски-насмешливые аплодисменты.

Мы с мэром разом повернулись к дорожке и замерли.

Там стоял маг. Белый. Молоденький. Со спутанными русыми волосами до плеч, в затертых давно не чищенных серебряных доспехах и с совершенно безумными голубыми глазами. То есть нашему взору предстал абсолютно типичный и наиболее опаснейший вид магического противника — маг-недоучка! Да-да, тот самый тип сошедших с ума на почве попытки обрести силу заранее, из-за которых белых и держат под присмотром семьи до того, как те произведут пару-тройку наследников и научатся контролировать свой источник. Собственно, я сразу поняла, кто это — студент, приехавший обучать сына Амански. Конечно, странно, что он дошел до такого — студентов если и выпускают из-под опеки, то самых слабеньких, практически безобидных, да ко всему еще и награждают печатью, которую снять невозможно и которая уберегает вот от подобного, а тут...

— Как мило, — растягивая гласные и срываясь на свойственный

сумасшедшим фальцет, проговорил маг, — и кто бы мог подумать — ловец и ведьма!

Тьма, какой позор мне. И не только мне — на запыленных доспехах болталась прядь волос Мадины — недвусмысленно указывая на ее убийцу.

— Печати нет, — всматриваясь в белого, напряженно сообщил мэр. — Уровень силы высокий.

— Это и так ясно, — меланхолично отозвалась я, продолжая взглядом изучать «студента».

Вот только за такое спонтанное и неестественное усиление источника маг заплатил безумием. Судя по всему, абсолютным. И каким образом он вообще смог снять печать?!

— Хватит на меня смотреть! — зло потребовал маг.

— Аэтелль, очень осторожно... к воротам, — напряженно приказал Вегард.

Я и сама чувствовала, как белый накапливает силу для удара — ощущала всем телом нити призываемой силы и с удивлением поняла — этот сумасшедший сейчас контролирует и живых, и мертвых, и даже те умертвия, в которые превратились обитатели зверинца Амански. Он контролировал все в пределах усадьбы. Все и всех, кроме меня, ловца и Гардэма. Вот только вместе с осознанием его силы пришло и еще одно крайне неприятное осознание — он блокировал черный источник, оставляя меня без защиты. Без сил. Без возможности сохранить жизнь.

— Телль, черт бы тебя побрал, мягко отшагни на два шага, мне больше не потребуется, и беги к воротам, — прорычал мэр.

Бросив на него скептический взгляд, вновь посмотрела на белого. Сбежать, конечно, можно, особенно если у Джонатана есть хотя бы один блокиратор магии, но я все-таки черная ведьма, отступить не в моих правилах. Впрочем... Мадина, вероятно, поступила так же, как и Люсинда, чем это закончилось, я уже знала. Белый все же силен. И весьма.

— Госпожа ведьма, вы вообще меня слышите? — разозлился мэр.

— Отчетливо, господин мэр, — отозвалась я, продолжая внимательно рассматривать сумасшедшего мага.

К слову, на территории усадьбы ветер отсутствовал. Не знаю, почему я ранее не обратила на это внимания, но сейчас шевелились только волосы мага, все остальное, даже листочки на деревьях, оставались без движения. То есть белый еще сильнее, чем мне показалось вначале. Тьма, как-то в последнее время чужое всеисие бесит!

— Я ждал тебя, Аэтелль, — вдруг произнес белый, жутко скалясь.

Вопросительно вскинула бровь.

— Молоденькая ведьма... — Понятия не имею, как ему удастся говорить с таким оскалом. — Юная, сладкая...

— Каннибализмом страдаем? — уточнила исключительно из любопытства.

Оскал мага как-то сошел на нет, точнее, искривился, видимо, из-за упорной работы мысли белого, но затем сумасшедший выдал:

— Не пробовал на вкус... — И почти без перехода вопрос: — Вкусно?

— Меня спрашиваешь? — удивилась черная ведьма. — Понятия не имею, никогда коллег не ела.

Студент задумчиво почесал свои шевелящиеся патлы. К слову, а отчего его волосы шевелятся при полном отсутствии ветра? Может, вши? Парнягато не моется, так что все возможно.

— Живность не мешает? — поинтересовалась учтиво.

Маг вытащил руку, с сомнением поглядел на нее, засунул обратно в шевелюру и вновь почесал.

— На убийство ведьм времени хватило, а на помыться, видимо, никак, — сделала я резонный вывод.

— К воротам беги, говорунья, — прошипел мэр, плавно закрывая меня от белого своим внушительным телом.

Вот только тут не медведь, которого интересовала одна я, а оставлять эту отчаянную мэрскую морду наедине с безумным белым магом мне не хотелось. Не знаю отчего. И почему, не знаю. Хотя нет, знаю — с безумцами ловец вряд ли имел ранее дело, и да — блокиратор магии не работает с теми, у кого сорвана печать.

— Телль! — Видела я теперь только широкую спину мэра. — Исчезни, пожалуйста.

У меня медленно выгнулась и вторая бровь, жаль, скепсиса Джонатан не заметил. Но, собственно, я не могла не указать на то, что:

— Господин мэр, так, исключительно к слову — он контролирует ваших людей. И умертвия контролирует также.

Словно в подтверждение моих слов в кустах повторно раздалось рычание.

Тяжелый вздох и почти угрожающее:

— Мне это известно.

— Правда? — даже не знаю, с чего издеваться начала.

Мэр оглянулся, бросил на меня убийственный взгляд и прошипел:

— Марш к воротам!

— Благодарю, я с утра уже набегалась, — язвительно ответила черная ведьма.

Выражение лица у некоторых не любящих собирать чемоданы стало зверским.

— Ко всему прочему, — отчего-то я заулыбалась, — это вам не медведь.

— Правда? — не менее язвительно, чем я, любопытствовал взбешенный ловец.

— Я вам не мешаю? — вмешался вдруг сумасшедший.

— Нет! — разом ответили мы.

Потомственная черная ведьма ко всему прочему решила добавить:

— За медведя вам отдельная благодарность, а то я все думала, где бы шкуру, достойную лежания на пороге моей лавки, раздобыть.

Маг ошалело посмотрел на меня, а мэр, скептически хмыкнув, напомнил:

— Она же воняет.

— Ничего, вымою, — вставила я, слыша отдаленный шум, такой, словно сюда бежало много народу.

Гвардию вызвали?

Мэр тоже что-то услышал, повернулся, взглянул на меня, нахмурился.

— Ваше подкрепление? — поинтересовалась вежливо черная ведьма.

— Нет, операция была секретна, — еще более хмуро ответил ловец.

— Вас никто не спасет, — отчего-то поспешил заверить маг.

— А нас и не нужно спасать, — более чем уверенно вставила я.

Ворота распахнулись разом обеими створками, а следом во двор владения Амански ворвалась толпа... местных жителей. Я, выглядывающая из-за дерева, с изумлением узнала господина Урдока с мушкетом наперевес. Очень некстати вспомнились его сказанные мне вслед слова: «Вы осторожнее, госпожа ведьма, я сейчас мушкет захвачу и за вами, не торопитесь!». Так вот, господин Урдок захватил не только мушкет, но и две небольшие пушки, всю свою вооруженную челядь и окрестный народ, который примчался кто с чем мог и пугал мой взор наличием вил, кос, топоров, сковородок, скалок, метелок, молотков и даже...

— Где ведьмин убивец?! — заорал грозным басом старый кузнец господин Греви, замахиваясь жуткого вида оружием — на булатной палке болтались три шипастых шара, скрепленных цепью.

Меня, как потомственную черную ведьму, по факту удивить было сложно, но сейчас признаюсь честно и откровенно — испытала крайнюю степень потрясения.

— О, смотрите, шляпка ведьминская! — взвизгнул кто-то тонко.

К слову, остроконечная шляпа, упавшая с меня в момент натиска мэра,

так посреди двора и валялась.

И тут же раздался рев госпожи Торникай:

— Госпожу Герминштейн убивают!!!

От рева уважаемой мамыши девяти дочерей дрогнула не только я — дом Амански содрогнулся! И толпа умертвий, из окон выглядывающая, рухнула на пол. И чары белого, сковавшие людей господина мэра, тоже рухнули, а еще на территорию имения ворвался ветер, что прямо указывало — маг потерял контроль.

И я не стала терять времени даром.

Щелчок пальцами — и белая магия обжигает ладонь, но доступа к черному источнику у меня не было, как и выбора — маг слишком силен, и для него начать убивать здесь всех, включая жителей и мэра, ничего не стоило. Проблема лишь в том, что все, что я знала о белой магии, заключалось в уклонении от весьма специфических чар госпожи Анарайн и тесного с ними знакомства, а потому...

Белый не сумел уйти от удара.

Синий огненный шар влетел в его немытую физиономию, осыпал снопом голубых искр и впитался без следа. В следующее мгновение я вдруг оказалась в объятиях мэра, который понесся прочь, одной рукой удерживая меня, второй разматывая аркан, сорванный с пояса, и я не успела сказать даже слова, как меня неожиданно всучили госпоже Торникай, а после ловец стремительно развернулся к парку, крикнув:

— За пределы усадьбы всем! Живо!

Его слова действовали, но не на жителей Бриджуотера — за пределы усадьбы рванула толпа умертвий, выломав окна и двери. Бежало все семейство Амански и за ними две рыси, настоящий лев и шесть черепаш — зверинец оказался крайне экзотическим. В то же мгновение зашевелились подчиненные ловца, и все крыльцо особняка засветилось защитным красноватым сиянием — что прямо указывало на активацию охранных амулетов.

Апофеозом идиотизма стало вовсе невероятное — в ворота усадьбы, вынудив остановиться толпу умертвий, ворвался Арвейн в сияющих магических серебряных доспехах и верхом на белом жеребце. За ним, тоже сверкая и тоже верхом, появились еще четыре мага, среди которых был и «березка», отличающийся от других внушительным синяком на пол-лица. Мэтр Октарион, оказавшись внутри, глянул на остановившуюся нежить, вскинул руку, и над всей усадьбой вспыхнул голубоватый контур, куполом накрывший территорию. Следующий удар пришелся на нежить, и неупокоенная толпа тут же повалилась наземь, лишившись всяческих

признаков жизни, — да, беломагическая рожь был силен.

Следующим действием белого стал поисковый импульс, за секунду облетевший сад, и озвученный Арвейном итог был таков:

— Белый маг, печать сорвана, уровень силы высочайший, крайняя степень безумия...

Пауза, в течение которой мэтр Октарион напряжено хмурился.

И вопрос:

— Почему не нападает?

Лично мне было превосходно известно, отчего белый псих не нападает, и я была более чем уверена — не нападет еще достаточно долгое время — не менее получаса точно, но черную ведьму никто ни о чем не спросил. Меня совершенно неуважительным образом прижимала к себе госпожа Торникай, а мэтр целиком и полностью закрывал обзор на парк, и, собственно, когда все вопросительно повернулись к парку, я опять же ничего не увидела!

И когда мэтр Октарион, используя объединенные силы своего отряда, расшвырял деревья, открывая видимость на сумасшедшего, я продолжала наблюдать исключительно спину господина мэра. И вот эта спина неожиданно содрогнулась. И вся толпа жителей, которым было видно, содрогнулась тоже. И белые отреагировали странно.

И только черной ведьме ничего не было видно!

А затем мэтр очень медленно повернулся ко мне и очень внимательно посмотрел. И что самое интересное — госпожа Торникай меня отпустила и тоже очень внимательно на меня посмотрела. И все присутствующие жители. И группа ловцов. И белые маги, которые продолжали сидеть верхом. И кажется, даже их кони. Одни умертвия не смотрели, и то потому, что их мэтр белой магии упокоил.

— Что? — хмуро оправляя платье, мрачно спросила я у мэра.

Бегард, не выпуская аркана, сложил руки на груди и мрачно произнес:

— Любопытное решение, госпожа ведьма.

Нет, все-таки он меня бесит.

— Единственное возможное, господин мэтр, — раздраженно ответила я.

— Единственное? — мэтр скептически выгнул бровь.

— Ну, знаете ли, это действительно единственное бело-магическое заклинание, которое я знаю, и то благодаря магианне Анарайн, которая вечно пыталась меня им наградить и делала это столь часто, что хочешь не хочешь, а выучишь. И оно в моем арсенале всего одно, так как я, позвольте вам напомнить, потомственная черная ведьма! А доступа к черному

источнику тут, как вы понимаете, нет! И вообще, будьте так любезны, сдвиньтесь в сторону, господин мэр, вы мне весь обзор закрываете!

Очень медленно мэр сделал шаг вправо, продолжая все так же укоризненно взирать на меня. Вернула ему не менее укоризненный взгляд и посмотрела в парк.

Собственно, парка уже не было — белые маги, чтобы себе путь расчистить, повыдрали половину насаждений, зато теперь было превосходно видно, как обезумевший сумасшедший бывший студент самозабвенно целуется с... деревом. А рядом с ним стоит Гардэм и стыдливо прикрывает глаза лапой — видимо, белый хранитель кинулся на мою защиту, но и сам понял, что сражаться тут не с кем. А может, и напал, но маг не отреагировал, сраженный беломагическим любовным заклинанием. Да-да, это и было то единственное, что я вообще из белой магии знала.

— А вы страшный человек, госпожа ведьма, — глубокомысленно произнес мэр.

Остальные молчали, все так же потрясенно на меня глядя. А мэр еще и продолжил:

— До этого момента я был искренне убежден, что хуже расчлененной девственницы уже ничего быть не может... Нет, знаете, в качестве белой магии вы гораздо опаснее, должен заметить.

Вот Тьма!

— Еще раз, для особо непонимающих — я черная ведьма! Черная! Потомственная! Ведьма! — прошипела разъяренная я.

Мэр глубокомысленно покивал.

В довершение моего прилюдного позора мэтр Октарион подъехал ближе на своей ошалевшей лошади, посмотрел на психа, продолжающего расцеловывать дерево, затем на меня и, ничуть не пытаясь говорить тихо, произнес:

— Это беломагическое заклинание, Телль. — А затем и вовсе повысив голос: — Ты применила беломагическое заклинание!

И теперь об этом вообще все знают, в смысле и те, кто наш диалог с мэром не расслышал!

Мрачно выругавшись, сложила руки на груди и, посмотрев на белого, поинтересовалась:

— А у меня был выбор?!

Все молчали. Вот бесят же.

— Между прочим, — прошипела окончательно взбешенная я, — этот, — указала на влюбленного в дерево, — ваш беломагический выросток

с сорванной печатью и зашкаливающим уровнем силы мог выпить всех присутствующих в течение минуты, а то и меньшего промежутка времени. Эти, — указала на ловцов, — находились в состоянии стазиса и ничего не могли сделать. Вы, господин мэ́р, против мага подобного уровня при всем вашем опыте выстоять не в силах. А ты, — мой палец указал на мэтра Октариона, — со своим отрядом подмастерий мало того что действующий белый источник обнаружить не сумел, так еще и опоздал!

Окружающий люд как-то призадумался над услышанным, а беломагический выродок, подавшись вперед, с проникновенной хрипотцой произнес:

— Ну извини, любимая, я был занят... — В синих глазах вспыхнуло бешенство: — Снимал твое заклинание!

Окончательно взбешенная, я, зло прищурившись, поинтересовалась:

— Повторить?!

Вокруг белого заискрилась магия. Угрожающе заискрилась!

Потомственная черная ведьма вскинула руку и щелкнула пальцами — те же сине-голубые искры окутали и меня, недвусмысленно указывая мэтру Октариону, что отпор будет. Причем жестокий отпор.

Вот только белый не собирался играть честно.

Сверкнула на солнце победно-торжествующая улыбка, Арвейн выпрямился в седле, снисходительно глядя на меня, и едва до моего сознания начала доходить неправильность ситуации, усмехнулся и провозгласил:

— Незарегистрированная белая магия без печати и идентификации уровня силы.

Я мгновенно опустила руку. И даже вороватым движением за спину спрятала. А мэтр Октарион улыбался все шире, продолжая победно смотреть на меня. Мне же, понизив голос, и сообщил:

— Как старший член ордена Света в Бриджуотере я обладаю полной и неограниченной властью над всеми белыми магами данной территории. Как зарегистрированными, так и свежесоблагодетельствованными. Полной и неограниченной властью, Аэтелль. Ты моя.

Сердце дрогнуло и перестало биться...

Ужас ледяной рукой сковал душу...

И почему-то взгляд испугано метнулся к Джонатану, даже не знаю почему. Но едва я посмотрела на него, как мэ́р совершенно по-хулигански мне подмигнул, а затем, будто ни к кому не обращаясь, произнес:

— У этих белых совершенно никакого пиетета к черной магии. Даже черных ведьм уважать перестали... непорядок.

И вот к чему это было сказано?!

Я уже собиралась было поинтересоваться, как продолжающая стоять возле меня госпожа Торникай возмущенно выкрикнула:

— То есть один раз получить по роже ему было мало!

— Да что же это такое! — заорал кто-то в толпе. — Никакого уважения к нашей черной ведьме!

— Да наша ведьма тут вообще всех спасла! — еще один вопль.

— Не дадим своих в обиду! — заорал престарелый кузнец Гриви и, не раздумывая, запустил в белого мага свое странное шипастое оружие.

Это оказалось только началом! Следующим, что полетело в мэтра Октариона, стала скалка, за ней сковородка, после метла и молоток и вообще все, что местные жители приволокли с собой. Согнувшись под градом предметов, маг натянул поводья, вынуждая коня отступить, но едва попытался призвать магию, поднявшийся гвалт перекрыл голос господина мэра:

— Позвольте напомнить, мэтр Октарион, без соответствующих распоряжений с моей стороны вы не вправе применять магию в отношении жителей города.

И призванная энергия образовала лишь защитный контур, который оградил белого от праведного народного гнева, так что помчавшийся на встречу с беломагической рожей молоток завис в воздухе и свалился на землю. Народ недовольно зароптал, маг взбешенно смотрел на мэра Бриджуотера, а я...

— Пошла я, — решила потомственная черная ведьма.

— Куда, позвольте спросить? — мгновенно поинтересовался мэр.

Я обошла толпу, подняла свою валяющуюся шляпу, отряхнула, нахлобучила и, направившись к воротам, с достоинством ответила:

— Разбираться с расчлененной девственницей!

Гардэм, прекратив смущаться влюбленного в дерево сумасшедшего, в несколько прыжков покинул парк и догнал меня. Вслед нам из толпы слышалось:

— Котов ей кормить пора и этого тигру.

Нет, ну никакого пиетета к черной магии!

* * *

Вечером последние новости стали известны всему Бриджуотеру. Как оказалось, студента-недоучку господин Амански нанял не совсем легально,

за что и поплатился. Спустя три дня семейство хоронили всем городом, мы с поправившейся Люсиндой тоже сходили на поминки. Черная ведьма стала необыкновенно молчалива, о случившемся ничего не помнила и была уже совершенно не против печати, которую мэтр Октарион отказался накладывать ввиду того, что Люсинда лишилась части силы и уже не имела возможности войти в рассвет черноведьминского могущества.

Расстроенная всеми этими событиями, я потратила несколько дней на то, чтобы привести медведя в подобающий вид. Для начала отвела его к лучшему чучельнику Бриджуотера, где и упокоила. После долго выбирала форму его дальнейшего существования — превращать умертвие в банальную шкуру на пороге показалось мне кощунством. Все-таки медведь отчаянно пытался меня убить, а я уважаю врагов, пусть даже и бывших. В результате у меня появился дворецкий, в чьи обязанности входило открывать двери и брать у посетителей шляпы, зонты или плащи. Некоторая проблема состояла в том, что если посетитель являлся без всего вышеперечисленного, Борун пытался отобрать что-нибудь взамен, но обязательно возвращал при уходе. Некоторые были не слишком рады тому, что у них насильственно изымают парики, очки и тому подобное, но быстро приспособились и завели несколько дежурных зонтов под ступеньками у меня на пороге, кои и вручали медведю.

В общем и целом жизнь постепенно входила в прежнее русло, разве что я перестала бегать по утрам да и вечерами предпочитала отсиживаться в своей лавке за учебниками. Впрочем, проснувшаяся прилежность к учебе объяснялась просто — мэтр Октарион. К моему искреннему сожалению, я точно знала, что все белые — психи и не любят отказываться от задуманного, а значит, мне еще предстояло как минимум одно выяснение отношений. Не давали расслабиться и букеты черных роз, что неизменно появлялись у меня на пороге каждое утро...

К моему счастью, пока что белый маг был занят расследованием случившегося. Как сообщали мне информаторы из мэрии, приносившие сведения вместе с просьбами о выдаче успокоительных зелий, под угрозой отлучения от любимого дерева, страсть к которому у студента не ослабевала, маг-недоучка максимально подробно поведал о случившемся. Исходя из его рассказа, он прибыл в Бриджуотер для обучения младшего сына господина Амански, но вскоре обнаружил древнюю рукопись, в которой описывался ритуал усиления белого источника. Не сумев удержаться от соблазна (дармовая сила — она вообще очень соблазнительна), парень провел нужный ритуал и обрел... точнее, утратил разум окончательно. В смысле первого пропавшего белого мага убил как

раз студент, собственно, для того, чтобы усилиться. Чему их в беломагических академиях обучают, совершенно непонятно, к примеру, у нас в магистериуме первой заповедью было — не трогай ближнего своего, то есть коллег по черномагическому промыслу, а тут... Впрочем, белых никогда не понимала.

Мадину также убил сошедший с ума недоучка. Ее кровь нашли на алтаре, выстроенном в подвале особняка Амански, и выяснилось, что именно маг около двух недель медленно выпивал ведьму. После того как рассказавший мне это господин Эхерн, секретарь мэра, ушел, я проревела весь вечер, утешаемая Дохраем и Гардэмом, под синхронные завывания камышовых котов. Было очень больно за Мадину, еще больнее от того, что уже ничего не исправить.

Люсинду также пытался убить он, к слову, звали белого Орхус Маддейн, точнее, все еще зовут. После разбирательств, как поведал мне все тот же господин Эхерн, психа увезут в столицу, где юноша будет... выпит. Да, белые от дармовой силы вообще никогда не отказываются. К слову, сам студентик о будущем своем не переживал ни капли — ему пообещали, что любимое дерево поедет вместе с ним.

А вот лично у меня с будущим имелись сложности.

Спустя неделю после событий и через сутки после завершения разбирательств с Орхусом Маддейном на моем пороге нарисовался мэтр Октарион собственной персоной. К этому моменту мне уже было известно, что между мэрией и орденом идут ожесточенные переговоры по поводу черной ведьмы Аэтелль Герминштейн, но... откровенно говоря, я и так знала, что с этой беломагической рожей будут проблемы.

Маг начал с не слишком вежливого:

— Откроешь или мне двери выломать?

Мы с Дохраем переглянулись, и я кивнула Боруну. Медведь с достоинством прошел к двери, галантно ее распахнул и отступил, впуская белого. Мэтр Октарион в простой белой рубаше и неожиданно черных брюках шагнул за порог, остановился, передал дворецкому подхваченный при подъеме на ступеньки общественный зонт и посмотрел на напрягшуюся за стойкой меня. Затем несколько минут демонстративно оглядывал лавку, чтобы в итоге произнести:

— К слову, ты белая, Телль.

Потомственная черная ведьма молча сложила руки на груди.

Мэтр Октарион по-хозяйски прошел в мою лавку, с самым наглым видом уселся в кресло, закинув ногу на ногу, и продолжил:

— Так уж вышло, что твоя мать выбрала не того мага — Ангус Деррион

на момент твоего зачатия уже был в звании мэтра, о чем Самаэль Герминштейн не имела понятия. Соответственно, белый источник перекрыл черный многократно.

И маг широко мне улыбнулся. Он держал эту наглую улыбку несколько секунд, ожидая моей реакции, которой не последовало. Затем продолжил:

— Если бы Самаэль не скрыла факт твоего рождения, ты воспитывалась бы как белая магиня, но, к сожалению, мэтр Дерион слишком поздно узнал о существовании своей дочери — ты уже прошла обучение как черная. К еще большему сожалению, у твоего отчима оказались связи при дворе, и король удовлетворил его ходатайство и ходатайство неожиданно поддержавшего прошение Аримарха Дериона, приходящегося тебе дедом, и тебя оставили матери.

Я продолжала молча смотреть на Октариона, чувствуя, как растет непреодолимое желание превратить его во что-либо крайне отвратительное... Проблема в том, что я понятия не имела, что может быть отвратительнее конкретно этого белого мага.

— Но ты все равно белая, Телль, — продолжил Арвейн. — И сейчас в столицу будет отправлено мое заявление, которое, несомненно, будет поддержано ныне верховным магом ордена Ангусом Дерионом... твоим отцом. Объяснить, что это значит?

Да я и так догадывалась — белые предвзято и с удовольствием признают меня белой магианной. Соответственно, полной собственностью отца. А далее моя судьба будет зависеть от того, кого моя мама столь неосмотрительно выбрала на роль моего родителя. То есть здесь мне все понятно. Необъяснимым для меня оставался лишь один момент.

— Белый, — недобро протянула я, — а для чего ты мне все это сейчас рассказываешь?

Мэтр Октарион улыбнулся, широко и почти издевательски.

Черная ведьма с подозрением продолжила:

— И почему «в столицу будет отправлено мое заявление» сказано в будущем времени?

Маг покачал ногой и протянул:

— Умненькая девочка.

А после несколько секунд смотрел на меня, чтобы в итоге произнести:

— Я все равно получу тебя, Телль. Но, учитывая все вышеописанные проволочки, на это уйдет не менее двух месяцев, ведь твой отец в силу его и моего высокого положения будет настаивать на пышной свадьбе. Ко всему прочему, признав белой, твой черный источник переключат, стимулируя рождение сыновей, я же хочу от тебя дочь, и не одну, как уже

говорил.

Нет, подозрительность всегда присуща нам, черным, но в данный момент она не имела никакого отношения к моему роду магии — я просто сердцем ощущала, что что-то тут не так.

— И? — прозвучал мой вопрос.

Скрыв нервозность очередной широкой улыбкой, белый маг продолжил:

— Мое заявление может... сгореть, к примеру, а мои люди будут молчать.

Пауза.

Беломагическая рожа выжидательно смотрит на меня, я молча на него. Если он ждал, что я ухвачусь за подобный вариант развития событий, то напрасно.

— Ты ведь все понимаешь, — протянул Арвейн.

— Возможно, — не стала отрицать я.

— И осознаешь, что выбора у тебя нет, — еще более проникновенно.

Молча пожала плечами — как знать, мы, черные ведьмы, отличаемся коварством и находчивостью, не говоря об изворотливости.

Усмехнулся и, резко подавшись вперед, выдал, не стесняясь ни присутствующего Дохрая, ни Гардэма, ни котов с медведем:

— Я хочу тебя, Телль. Хочу сейчас! Без проволочек, задержек и насильственного укладывания в супружескую постель. Я хочу тебя настолько, что готов нарушить правила ордена и сохранить твой черный источник! Я даже готов согласиться на то, чтобы одна из наших дочерей была черной! Все, что пожелаешь, Телль, я готов практически на все.

И белый вновь откинулся на спинку кресла, молча глядя на меня.

Отвечать я не собиралась.

— Что ж, одна ночь тебе на раздумья. — Арвейн встал. — Ночь, Телль, утром я приду за ответом. согласишься на мое предложение — у тебя будет самый нежный любовник, готовый ради твоей улыбки свернуть горы, нет — получишь мужа, обладающего полной властью над тобой, твоим единственным оставшимся белым источником и всей твоей жизнью. И учти — меня устроят оба варианта, в конечном итоге все, чего я хочу, — видеть тебя в своей постели.

Даже не пошевелилась.

Когда Борун закрыл за белым дверь, вот только тогда медленно оперлась руками о торговую стойку, уныло размышляя о перспективах. Перспективы не радовали. С одной стороны, предложенный белой рожей вариант был хорош — мой черный источник оставался при мне. А если уж

мама сумела выкрутиться и сделать меня черной, что стоит мне так же обвести мэтра вокруг пальца. Практически ничего.

Вот только...

На какой-то миг представила, как руки мага сжимают меня, а губы... И ведь можно сделать все правильно и по регламенту, вот только вместо правильного белого мага мне почему-то постоянно представлялся совершенно неправильный смертный мэр и его поцелуй, от которого земля уходит из-под ног...

Дохрай подплыл ближе, обрисовал руками чемодан.

— Да, бегство самый правильный вариант, — была вынуждена признать я.

Мой хранитель согласно закивал.

— К утру будем уже далеко, — убитым голосом произнесла черная ведьма, чувствуя, что ей совершенно, вот никоим образом не хочется уезжать из Бриджуотера.

И тут раздался стук в двери.

Борун поспешил открыть, и в мою лавку вошла Люсинда.

— И чего этот белый от тебя хочет? — мрачно спросила она.

Дохрай выдал жест, от которого даже мне стало стыдно.

— Так я и думала. — Люсинда прошла в лавку и уселась в то же кресло, которое только что занимал мэтр. — Хотя что может быть красноречивее цветов на твоём пороге.

— Логично, — мрачно подтвердила я.

Мы помолчали.

— Угрожал выпить источник? — продолжила расспрашивать ведьма.

— Практически... — Рассказывать всего не хотелось, но, видимо, степень отчаяния оказалась слишком высокой, и я едва слышно продолжила: — Мой отец на момент моего зачатия являлся крайне высокопоставленным белым и...

Договорить не смогла. На душе было мерзко.

Люсинда поцокала языком, тряхнула седыми прядями, постучала ногтями по подлокотнику кресла и задумчиво произнесла:

— У Грехен, насколько я знаю, отец был главой ордена Света, но она черная.

Я с надеждой посмотрела на Люсинду. Ведьма повела плечом и задумчиво продолжила:

— Может, она чего знает?

Мы с Дохраем переглянулись — хранитель кивнул, взгляд на Гардэма — тигра тоже был согласен. Информация лишней не бывает, это все черные

знают преотлично, ко всему прочему всегда остается запасной вариант.

— Вещи мои соберите, — попросила я. — Если Грехен ничего не знает, тогда сбежим.

Хотя бросать лавку не хотелось категорически.

Гардэм молча подошел ко мне, ткнулся носом в плечо.

— Со мной хочешь? — догадалась я. — Не стоит, у Грехен хранитель нервный, тебя белого рядом не вынесет.

— Я с тобой пойду. — Люсинда встала. — Хоть проведу, а то Грехен совсем старая стала, неизвестно, сколько еще продержится на этом свете.

Я кивнула и метнулась на кухню — не хотелось идти с пустыми руками, Грехен булочки любит свежие, а у меня как раз с утра на кухне святой отец побывал, так что сейчас имелись и булочки, и пирожки, и даже оладьи с медом.

Набросав сдобы в корзинку, я подумала, что мы с Люсиндой скоро вернемся, поэтому заварила чай, накрыла чайничек вышитым полотенцем, две чашки приготовила и, подхватив корзинку, направилась к двери. Уже на пороге вспомнила, что должен был прийти господин Инвер за снотворным зельем — после событий с семейством Амански многих жителей кошмары мучили, поэтому вернувшись, торопливо написала записку «Скоро буду» и прицепила ее к двери.

Странное дело — когда крепила записку, что-то кольнуло... Какое-то предчувствие, несоответствие, что-то... Но один взгляд на лежащие на ступенях букеты роз — и, скрипнув зубами от бешенства, я поспешила к Люсинде, которая уже садилась в двуколку нанятого извозчика.

* * *

Мы проехали до конца города, слезли у заброшенной церкви, потому что напрямую через заросший парк было быстрее, чем проезжать еще два квартала, и, заплатив извозчику, им был мой старый знакомый господин Бран, я прыгнула на траву первая.

Люсинда, кряхтя, сошла следом, она после попытки убийства вообще слабенькая стала, и тут извозчик вдруг сказал:

— А знаете, госпожа ведьма, не дает мне покоя один момент.

— Какой момент, господин Бран? — придерживая и корзинку, и дверцу, чтобы Люсинде было удобнее спускаться, спросила я.

— Да помните, вы все про госпожу Мадину расспрашивали? — Он почесал висок рукой кнута.

Я кивнула.

— Ну так не ездила она в богатую часть города, — протянул извозчик.

Не совсем поняла, о чем он, поэтому продолжила стоять и вопросительно смотреть.

— И это, — господин Бран поправил шапку, — госпожа Люсинда тоже никогда туда извозчиков не нанимала, только вы. Понимаете, госпожа Аэтелль, вы вежливая и сдержанная, от того богатеи вас и нанимали, а так все к лекарям...

Закрыв дверцу двуколки, я поудобнее перехватила корзинку и напомнила:

— Мадину там убили, в особняке Амански.

— Это-то я знаю, — отмахнулся извозчик. — Все знают, только вот сколько мы с мужиками дело это ни обсуждаем, все никак понять не можем, каким образом маг ведьм ловил. Вы, черные, вы же осторожные всегда. Эксперименты-то ваши это одно, а так, по жизни...

Странно все это. Очень странно. Ладно, Мадина, может, и попала в особняк Амански незаметно, но вот Люсинда...

— Жаль, ничего не помню, — расстроенно проговорила ведьма.

— А может, и к лучшему. — Я ободряюще потрепала ее по рукаву.

— Как ты вообще уговорила своего демона мне помочь? — Несмотря на сгущающийся сумрак, я отчетливо разглядела блеснувшие в глазах Люсинды слезы.

А мы, черные ведьмы, сантиментов не терпим.

— До свидания, господин Бран, — торопливо попрощалась я с извозчиком и, зашагав по тропинке, весело ответила Люсинде: — Святые блины тому причиной.

— Блины? — Люсинда бросилась меня догонять. — В каком смысле?

Историю по блины, приготовленные священником, я рассказывала, пока мы, пригибаясь, шли по уже заросшей тропинке, по которой, похоже, никто давно вообще не ходил. Впрочем, а кому тут еще ходить, кроме нас, черных ведьм? Когда жители Бриджуотера узнали, что лет сто назад тут было кладбище, парк перестали посещать совершенно, оттого он и заброшенный. А лично я об этой тропинке узнала, когда в городок только приехала — Грехен показала, как к ней пройти коротким путем. Жители же искренне верили, что мы, черные ведьмы, ходим сюда, чтобы проводить обряды на старом кладбище, и мы никого не разубеждали.

Пройдя через парк, свернули к разрушенной часовне, прошли ее насквозь и вышли к неприметной калитке в старом полуразвалившемся заборе. Калитка открылась без скрипа, выпуская нас за город. Еще

несколько минут, и впереди, среди лесной чащи, показался огонек в окошке — почти пришли.

По дороге к домику Грехен росла трава-мурава, мягкая как ковер, по которой пройдешь, и она тут же поднимается, словно и не ступала здесь нога человека. Всегда завидовала этому — у меня такую не посадишь, во-первых, вымощенная булыжником площадь, во-вторых, места нет, сразу ступени и порог.

К домику подошли беззвучно, Люсинда поднялась первая, но едва вскинула руку, чтобы в дверь постучать, как та распахнулась, открывая нам освещенный свечой силуэт Грехен:

— Телль, Люси, девочки, рада вас видеть, — произнесла старая ведьма.

Через несколько минут мы уже сидели на кухоньке. Я разложила булочки, Люсинда сходила в подвал и принесла варенье из лесных ягод и трав, Грехен сделала всем чай. Травяной, вкусный, хоть и слегка горчил.

Мы помолчали о Мадине, а потом Грехен повернулась ко мне и тихо спросила:

— Телль, девочка, что у тебя случилось?

Я хотела было ответить, но стоило вспомнить про белого мага и сказанное им, как горло словно спазмом сжало. Сглотнув, огляделась по сторонам, пытаясь успокоиться, заметила в углу кухни на полу корзинку, накрытую белым полотенчиком, на котором был вышит кот... Мадина вышивать любила, и чаще всего своего любимого черного кота Гардэма... Почему-то пожалела, что таки не взяла хранителя с собой.

И тут что-то кольнуло меня опять.

Что-то странное, непонятное.

Что-то такое... несоответствие. Мы ведь с Люсиндой вместе пришли, и выглядела она не менее подавленно, чем я, то есть на месте Грехен я бы вообще к ней сначала обратилась.

Повернувшись к седой сгорбленной старой ведьме, я напряженно спросила:

— Грехен, а почему ты решила, что у меня что-то случилось?

Глаза у старой ведьмы были тусклые, старческие, но стоило мне спросить, как в глубине их словно что-то сверкнуло... странно.

— А что у меня уже может случиться? — горько усмехнувшись, спросила Люсинда. — Белый выродок наполовину меня выпил, так что я теперь даже орден Света не интересую, я...

Ее голос сорвался.

Люсинда молча взяла чашку, отхлебнула пару глотков, затем отставив

ее, взяла булочку и, отщипывая мелкие кусочки сдобы, продолжила:

— Грехен, ты сегодня когда ко мне заходила, обмолвилась, что отец у тебя был магом высокого звания, даже и не помню, к чему ты это сказала... — Ведьма призадумалась. — Совсем память подводить стала... Ну да не в этом суть. Я, как ты и просила, зашла вечером Телль провести, а там маг к ней как раз наведалься. Постояла, подождала, пока уйдет, потом уже вошла, а на девочке и лица нет.

Нахмурившись, будто бы пыталась что-то вспомнить, Люсинда отложила булочку. Потом подняла взгляд на Грехен... На лице ее промелькнуло что-то непонятное, но, тряхнув головой, ведьма словно отогнала мысли, нахмурилась снова.

— Что-то не так, деточка? — спросила Грехен.

Снова мотнув головой, Люсинда произнесла:

— Такое ощущение, что все это уже было. Ты, стол, чай именно этот, булочка, только Телльки не было, а так...

— Нет, деточка, давно ты у меня не гостила, — улыбнулась Грехен. — Что-то рано тебя память подводить стала, Люсенька.

Люсинда кивнула, взяла чашку, начала как-то очень жадно пить.

А у меня почему-то всяческое желание пить чай в домике старой ведьмы пропало! Напрочь. И взгляд снова к корзинке метнулся. И могу поклясться — я эту корзинку уже видела. Точно видела! Вот только, кажется, не здесь.

— Так что за проблемы у тебя, Теллечка? — участливо спросила Грехен.

Медленно переведя взгляд на нее, с удивлением заметила черные пряди в еще недавно совершенно седых волосах. А между тем Люсинда жадно пила чай, я же... я разглядела едва заметную трещинку в фарфоре ее чашки. И волосы у Люсинды словно становились все более седыми...

— Моему отцу было сто двадцать лет, когда я родилась, — неожиданно нормальным, без какого-либо старческого дребезжания голосом, произнесла Грехен.

Не слушая ведьму, я протянула руку и с силой вырвала чашку из окаменевших рук Люсинды. Ведьма не отреагировала, продолжая держать пустой воздух словно чашу и хлебать воображаемый чай с отсутствующим видом...

— Моя мать была очень неопытной ведьмочкой, — продолжила Грехен, посмеиваясь при виде происходящего. — Она не сумела определить уровень силы завлеченного мага и зачала меня, даже не подозревая, что использовали как раз именно ее. Это ведь так заманчиво —

просто родить и мгновенно обрести силу пятидесятилетней ведьмы.

Мне захотелось вскочить, заорать, заставить Люсинду прекратить пить несуществующий чай, попытаться сбежать... но все, что я могла, — это, с трудом повернув голову, в ужасе смотреть на Грехен!

— Дивный чай, не правда ли? — Ведьма, не такая уж и старая, белозубо мне улыбнулась. — Отец любил поить им глупых студентов, приезжавших отдать дань уважения величайшему из магов современности... Папочка прожил до двухсот пятидесяти, а студентики гибли молодыми.

Она расхохоталась и продолжила:

— Удивлена, что я черная? Напрасно — отец просто любил экспериментировать, захотел проверить, какой источник победит, поэтому и отдал меня матери. А когда я прошла посвящение и стала черной ведьмой, забрал.

Она откинула голову назад, скинула остроконечную шляпу, тряхнула длинными черными волосами и вновь улыбнулась мне. И это была моложавая ведьма лет сорока на вид, в которой ничего, совершенно ничего не было от той старой Грехен, которую я знала.

— Мой котел, — продолжила она, — ты выбросила мой подарок... Ай-яй-яй, плохая и неблагодарная ведьмочка, лишила меня возможности подпитываться твоей энергией.

Она вновь широко улыбнулась, а затем, подавшись ко мне, шепотом, будто не хотела, чтобы нас услышала Люсинда, поинтересовалась:

— А как же ты догадалась, Телль?

Я не догадалась. Я даже не подозревала — это все Вегард. Вегард понял, что с котлом что-то не так! Он догадался, не я.

— Молчишь, — хмыкнула Грехен. — Не ожидала от тебя такой сообразительности, Аэтелль.

Хотелось грязно выругаться. Грязно и зло.

— Никто и никогда не догадывался. — Она сделала задумчивый глоток чаю. — Что всегда позволяло быть в тонусе... А когда энергии не хватало, я выпивала ведьму.

Так значит, Мадину убила Грехен?!

Я попыталась дернуться, но все, что вышло, — едва слышное мычание.

— Мадина? — правильно поняла мое мычание старая ведьма.

И улыбнулась так плотно, как не умели, вероятно, и демоны. А затем, задумчиво попивая чай, продолжила:

— С твоим приездом стало несколько сложнее манипулировать как

Люсиндой, так и Мاديной. Знаешь, странное дело, но за поддержкой они стали ходить к тебе, особенно Мадина. И пришлось подтолкнуть ведьму в нужном направлении, чуть-чуть вмешиваясь во время приготовления... зелий.

Я вспомнила о том, как в последнее время не ладились дела у Мадины, вспомнила и глухо застонала — проклятая Грехен!

— Неудача за неудачей, — продолжила старая ведьма, — клиенты, которые постепенно стали ходить к тебе — «во избежание», так сказать, и Мадина отправилась ко мне за советом.

Тьма! Проклятая Тьма! Так вот куда она пошла, предварительно приготовив булочки и заварив себе чаю. Она отправилась к той, кто был старше, мудрее, опытнее. Отправилась за помощью и... и попала в ловушку! И записку оставила, думая, что скоро вернется, и извозчика не брала, ведь ей-то до заброшенного парка недалеко совсем, вот и прошлась пешком... Тьма!

— Мадина была сильной ведьмой. — Грехен мечтательно улыбалась. — Я получила много, очень много лет жизни... — Неожиданно мечтательная улыбка сменилась полным ярости оскалом, и ведьма прошипела:

— Но этот проклятый мэр!

Я вздрогнула всем телом, не понимая, при чем тут он.

— Орден Света, — Грехен сплюнула на пол, — мне удавалось дурачить много лет — старуху, что едва ноги передвигает, никто в убийстве не заподозрит, а дурачков с белым даром я всегда умела использовать. Но этот мэр вознамерился «отчистить город от черной магии». Мерзкий параноик!

Снова сплюнула, затем прошипела:

— И белый мэтр оказался здесь в очень неудачное время — в момент кровавой луны.

Я вспомнила тот миг, когда ощутила смерть Мадины... Сердце сжалось от боли и горечи утраты, я ведь больше никогда ее не увижу, мы никогда не будем сидеть у меня на пороге, попивая чай, и все из-за этой проклятой Тьмой полоумной старой ведьмы!

— Да-а-а, — продолжила Грехен, — белые сообразили, что убийства происходят на территории Бриджуотера...

Она снова потянулась к чаю, затем взглянула на меня и улыбнулась, поймав мой полный ненависти взгляд.

— Тебе жаль Мадину, девочка? — издевательский смех резанул по ушам. — Я долго ее убивала... Долго, с наслаждением, выпитывая каждую

капельку ее жизни... Впрочем, ты на своей шкуре прочувствуешь весь ритуал, правда, — ухмылка, — за одну ночь.

И, подавшись ко мне, зашептала:

— Видишь ли, моя дорогая ведьмочка, мэр оказался слишком умен, и когда после допроса меня отпустил орден Света, человек ловца продолжил слежку... С чего бы?! Ведь белые маги, проведя расследование, доказали мою непричастность... Ты знала?

Даже если бы и знала, ответить все равно была не в силах.

— Во всем был виноват тот белый маг-недоучка, — Грехен отвратительно оскалилась. — Да-да, именно он, а до этого сошедший с ума маг в отставке, а до... Впрочем, дурачков всегда хватало. Но треклятый новый мэр к старой ведьме прицепился как репей, чтоб его!

А потому что Джонатан умен, в отличие от белых магов.

— Слишком умен, — словно прочитала мои мысли Грехен, — а значит, придется скрыться... снова. — Она подмигнула мне и прошептала: — Этот белый маг так вовремя воспылал страстью к одной наивной ведьмочке...

Не поняла...

— Он придет к тебе за ответом утром, не так ли, Телль? — Усмешка ведьмы откровенно пугала. — И я, — Грехен поправила волосы, — скажу ему «да». Арвейн ведь так хорош собой, к тому же его положение оградит его супругу от любых вопросов.

Грехен собирается замуж за белого мага? Мир сошел с ума или я чего-то не понимаю?! Впрочем, идея мне понравилась сразу, в конце концов, мэтр Октарион от меня отстанет и жить сразу станет лучше.

— Он настойчивый, — черная ведьма улыбнулась снова, — настоящий мужчина. Почему ты удостоила вниманием другого... Зигфрид слабее. — Или, — палец ведьмы длинным черным ногтем коснулся моей руки, — договор с демоном?!

А какая черная ведьма не имеет договора с демоном?! Риторический вопрос. Без договора мы не получаем доступ в преисподнюю, соответственно, не имеем хранителя источника. Просто договора бывают разными. Мой демон, к примеру, требовал, чтобы я детей завела пораньше, а не к сорока годам, как у нас полагается. Нормальное требование, и хуже бывают. К тому же требовал неспроста — это же у демонов народная забава — чья ведьма быстрее верховной станет. А сила к нам с родами приходит.

— Договор с демоном, — утверждающе произнесла Грехен.

И тут же продолжила:

— Одного я не могу понять, к чему тебе было спасать эту, — кивок на

застывшую без движения Люсинду, на ресницах которой блестели слезы.

Все понимает и слышит, а дернуться, как и я, не может?

— Все планы порушила, — скривилась старая ведьма.

Я, скосив глаза, смотрела на Люсинду. Та указала взглядом на корзинку Мадины.

— Что там? — заинтересовалась Грехен, повернув голову.

В этот миг Люсинда вдохнула, впитывая в себя частичку силы черного источника Грехен и... И ничего! Зеленые искорки, вспыхнувшие было вокруг ведьмы, задохнулись кроваво-красными и осыпались на пол.

— Ай-яй-яй, Люсинда, — Грехен расхохоталась, — ты и в правду ничего не помнишь.

То есть Люсинда попыталась колдовать, но что-то погасило черный источник. Что-то...

Нет, ни одна уважающая себя черная ведьма даже не попытается белой силой воспользоваться — мы испытываем к ней брезгливость с рождения, это все равно что пить из грязной навозной лужи, в то время как дома тебя ждет полный кристальной прохладной воды колодец, но... когда речь идет о выживании, не до выбора. И я потянулась к черному источнику Грехен, вдохнула его силу, попыталась снять оковы и...

Зеленые огоньки черной магии вмиг сменились голубоватыми, присущими истинно белой. А из всей белой магии я овладела всего одним заклинанием... к моему дикому сожалению.

— Заставишь меня влюбиться в дерево? — язвительно поинтересовалась Грехен.

Тьма!

Хмурую посмотрев на ведьму, я собралась с силами и, преодолевая оцепенение, с трудом выговорила:

— У меня не было выбора!

Глаза Грехен полыхнули зеленью, и, подавшись ко мне, она прошипела:

— Мэр должен был сдохнуть, Телль! Сдохнуть там, в битве с недоучкой, а не срывать мне все планы!

С трудом криво улыбнувшись, ответила:

— Я так и поняла.

О том, что я в тот миг вообще ничего не понимала, просто хотела его спасти, говорить не стала. Да и в целом пусть думает, что я умнее... Хотя какое-то чувство самоуважения у меня останется. Ибо до крайности неприятно, что вот так бездарно попала в ловушку к старой ведьме. А ведь могла бы сообразить! У Мадины были проблемы — она помчалась к этой

карге за советом. У Люсинды возникли сложности с орденом Света — та же история, собралась, записку оставила и к этой змее подкольной отправилась. И ведь извозчик прямо сказал — ни Мадина, ни Люсинда к особняку Амански не ездили, что же стоило мне остановиться и головой подумать. Головой, а не... другим местом, которое к холодной логике отношения не имеет. И ведь ответ был на поверхности, он был более чем очевиден, так почему я поверила, что во всем виноват студент-недоучка?!

— Не ожидала, что ты прибегнешь к белой магии. — Грехен откинулась на спинку стула, задумчиво глядя на меня.

Ради Джонатана? Легко. Ради жителей Бриджуотера тоже. И пусть это отвратительно и мне до сих пор противно, но выхода действительно не было — не влюби я белого недоноска в дерево, Вегард бы погиб. Возможно, удалось бы спасти остальных, в конце концов, и белые маги подросли, но моего мэра в живых бы уже не было бы, студент с сорванной печатью оказался слишком силен.

— Так почему ты спасла Люсинду, Телль? — вернулась к уже заданному вопросу Грехен.

Я чувствовала, что могу ответить, сил бы хватило, но какой смысл?

— Ты ощутила, что выпив Люсинду, твой враг станет сильнее?

Я даже не ощущала, что у меня есть враг. И мысли не было.

— Да, — Грехен скривилась, — ты оказалась умнее, чем я полагала.

Глупее, но не будем об этом.

— Ты и мэр... — протянула старая ведьма. — Два просчета, которые испортили мне все дело...

Она постучала ногтем по столу, усмехнулась и бодро продолжила:

— Ну да ничего, мэтр Октарион все исправит!

Скептически выгнув бровь, я ждала продолжения ее слов. И дождалась.

— Утром, — Грехен улыбнулась, — он придет в твою лавку и получит... — драматическая пауза, — меня.

Не сдержавшись, я хмыкнула.

— Ты вовсе не против? — уточнила старая ведьма.

— Только за, — ответила я, думая, что белый маг и Грехен друг друга стоят.

И к слову — славная выйдет парочка. Оба насквозь лживые и подлые.

— Благословение требуется? — ядовито поинтересовалась, впитывая в себя отвратительную белую магию и готовясь нанести удар.

Да, я всего одно заклинание знаю, но мне будет вполне достаточно этого для удара.

Грехен не менее ядовито улыбнулась в ответ. Затем взяла чашку и сделала медленный глоток, пристально глядя на меня... И белый источник стал недоступен! Вмиг! Тьма!

— Меня всегда умиляло то, как белые и черные сопротивляются до конца, — усмехнулась Грехен. — Со смертными проще, они сдаются почти сразу.

Зря ты так, знаю я одного смертного, который и белых, и черных за пояс заткнет.

— К слову, на днях господин мэр обязательно навестит меня, — внезапно сказала Грехен.

У меня похолодели пальцы.

— Не знаю, что именно ты сделала, но до господина Вегарда уже дошел слух, что я могу решить его маленькую неприятность с лошадьми. Как думаешь, скоро этот смертный явится просить о помощи?

Никогда!

Мэр — он не я, и он умен. Кто-кто, а он точно к этой змее престарелой не придет! Потому что умный. И догадливый. И не верил ей с самого начала. И умный... кажется, я об этом уже думала. И бесит всех, даже эту старую ведьму. И он не Арвейн, он сразу поймет, что что-то не так, и даже если я погибну, выведет старую каргу на чистую воду.

Если я погибну... Впервые пришло в голову осознание этого пренеприятного факта — я погибну. И Дохрай тогда тоже. Гардэм выживет, он к белому источнику привязан, он останется, а вот Дохрай в преисподнюю вернется тенью. Тьма! И все из-за моей глупости! Как я могла?! Джонатан ведь сразу сказал — Грехен в деле замешана, что стоило прислушаться? Пресловутая вера в то, что плохие всегда белые? Чем я вообще думала?!

— Маленькая Телль испугалась смерти? — спросила Грехен.

Ответить я не смогла — карга перекрыла не только возможность использования источника, она окончательно вогнала меня в оцепенение.

Ведьма откинула голову и расхохоталась. Смех становился все громче и громче и вдруг резко оборвался, не достигнув высшей точки, а сама Грехен нахмурилась и резко повернулась к своему черному хранителю.

Змей приподнялся, высунул раздвоенный красный язык и прошипел:

— Человек. Смертный. Один. Совершенно один. Вокруг никого на милю.

Грехен, побарабанив ноготками по столу, задумчиво произнесла:

— Как интересно. Господин мэр даже раньше, чем я предполагала.

И почти сразу раздался стук в дверь. Я же сидела и не могла

пошевелиться, но была надежда — безумная надежда, что это пришел кто-то из жителей Бриджуотера за зельем.

В следующее мгновение я четко осознала, что предпочла бы сдохнуть бесславно тут на месте, чем услышать этот голос, который произнес:

— Госпожа Салиес, я прошу прощения за беспокойство в столь поздний час, но не могли бы вы мне помочь?!

Потому что голос принадлежал... мэру!

Моему мэру! Который был здесь «Один. Совершенно один. Вокруг никого на милю»! Нет-нет, Тьма, прошу тебя, только не это! Я же ничего не смогу сделать, совершенно ничего!

— Забавно... Удачная ночь, расправлюсь с вами обоими разом. — Грехен поднялась и начала стремительно стареть. — Сейчас мы ему непременно... поможем.

И, отчаянно волоча ноги, сторбившаяся старая черная ведьма с крючковатым носом и седыми лохмами последовала к двери.

Он же даже не маг! А она сильная черная ведьма на своей территории вблизи своего источника! Что делать?! Тьма, что мне делать?!

Я не могла даже пошевелиться! Просто пошевелиться! Ничего не могла! Лишь с ужасом прислушиваться к тому, как открылась дверь и Грехен скрипучим старческим голосом произнесла откровенную ложь:

— А, господин мэр, не ожидала вас увидеть.

И с замиранием сердца услышала голос Джонатана:

— Доброй ночи, госпожа Салиес. Простите, что потревожил вас, но мне действительно нужна ваша помощь.

— Чаю, господин мэр? — радушно предложила она.

— С удовольствием, госпожа Салиес, — вежливо ответил мэр.

Он же всегда вежливый, даже когда ко мне чрезмерно волосатый ворвался, даже тогда... Джонатан, что же ты делаешь?!

Я попыталась замычать, отчаянно задергаться, издать хотя бы один звук, пусть упасть! Тогда просто грохот будет и он услышит... Все, что угодно, лишь бы остановить его!

Но скрип закрывшейся двери, звук уверенных шагов и голос Грехен:

— Присаживайтесь, господин мэр, сейчас принесу чай.

— Благодарю вас.

По моим щекам потекли слезы. Отчаянные горькие слезы совершеннейшего бессилия!

Грехен, все так же шоркая ногами, вошла в кухню. Бросила на меня насмешливый взгляд, издевательски приложила палец к губам, словно призывая к молчанию, взяла мою чашку... Чувствуя, как соленые капли

стекают по щекам на шею, я проследила за тем, как старая ведьма выливает все из моей чашки и чашки Люсинды в чайничек, после протирает чашку Люсинды, ту самую, с едва заметной трещинкой, свою чашку. Располагает это на подносе, перекладывает туда же блюдо с булочками, ставит чайничек и, подмигнув мне, уходит со всем этим к Джонатану... Фактически убивать его!

Тьма, я хочу умереть!

— Давайте я вам помогу, — слышится из гостевой комнаты ведьмы.

— О, вы так любезны, господин мэр.

Звон посуды в поставленном на стол подносе. Следом журчание наливаемого чая.

— Сахар, господин мэр?

— Да, два кусочка, если вам не сложно, госпожа Салиес.

Джонатан, нет! Нет, пожалуйста! Если на меня, ведьму, этот чай так подействовал, тебя вырубит с двух глотков. Не пей, умоляю тебя, только не пей!

Но вопреки всем моим мольбам, я слышу:

— Мм-м, какой необычный вкус. И эта легкая горчинка придает напитку нечто невероятное.

— Рада, что вам понравился чай, господин мэр, — ядовитый, полный торжества голос Грехен!

Я перестала дышать...

Я перестала жить...

В этот самый миг я отчетливо осознала, что мне как-то все равно, что будет со мной, но если пострадает Джонатан...

Из гостевой донеслось недоуменное:

— Странно, даже не думал, что так устал за сегодня.

— Много работали, вот и вымотались, господин мэр, — поспешила успокоить его Грехен.

Я убью ее! Я еще не знаю как, но я убью эту тварь!

— Да, как-то я сегодня... — судя по звуку, Джонатан широко зевнул. — Прошу прощения, действительно вымотался с этим сошедшим с ума магом. Вы, наверное, слышали?

— Обрывками, господин мэр, исключительно обрывками. Знаете, в моем возрасте от любопытства мало что остается.

— Д-д-догадываюсь... — голос ловца звучит все тише.

В моем сердце что-то обрывается... Слезы текут потоком, душа стонет и боль, дикая боль охватывает все тело.

— Может вам стоит прилечь, господин мэр? — Грехен спрашивает

почти издевательски.

Джонатан, я сама вещи соберу и из Бриджуотера уеду. Я тебе лично лавку оставлю! Я вообще сделаю все, что захочешь, только не умирай... Пожалуйста. Только не...

И тут прозвучало невероятное:

— Нет-нет, благодарю вас. Да и чай, должен признать, не столь уж и впечатляющий. Так, значит, вы общались с Орхусом Маддейном исключительно обрывками? И раз уж мы заговорили об обрывках, не могли бы вы сразу пояснить, откуда у вас взялся тот обрывочный свиток, что позволил этому недоучке снять с себя печать?!

У меня перехватило дыхание! И надежда, невероятная надежда заставила сердце забиться быстрее. Потому что голос мэра... он прозвучал... он прозвучал бодро, по-деловому, с нотками уверенности, которая так присуща была ловцу. И никакой показной слабости или усталости! И я вдруг поверила в то, что в ловушке вовсе не мэр... Он же у меня очень-очень умный!

А из гостиной старой ведьмы послышался недоуменный шепот старухи:

— Ч-ч-чай... вы же пьете чай... Вы и сейчас его пьете... Этот чай... Вы...

— Правильно, пью, — до меня донесся звук прихлебываемого напитка, — но вы бы обратили внимание на то, из какой чашки я его пью.

Пауза... В течение которой я пыталась понять, о чем он, а Грехен... Грехен, видимо, оценивала ситуацию.

— Знаете, в чем ваш главный просчет, госпожа Салиес? — поинтересовался мэр. И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Вы настолько заигрались в старость, что стали хуже видеть. Присмотритесь к чашке, из которой пьете, и вы обнаружите трещину... Да-да, ту самую. И я догадываюсь, что те котлы, которые вы имели наглость подсовывать приезжим ведьмам, обладали теми же свойствами, не так ли? То есть это, как я понимаю, относится к открытой вашим отцом технологии отъема силы?

— ТЫ!!! — визг старой Грехен резанул по ушам.

— Я, — спокойно подтвердил мэр. — Тот самый смертный без каких-либо магических предметов и поддержки, который только что провел вас — древнюю биполярную ведьму с опытом в сто семьдесят лет и количеством убийств, превышающим количество прожитых вами годов. Знаете, всегда подозревал, что ваша магическая братия смертных недооценивает, но впервые понял, насколько.

— Ты-ы-ы! — судя по звуку, Грехен вскочила, от чего с грохотом упал ее стул.

— Вкусный чай, — продолжил Джонатан. — Вы выпили чуть больше половины чашки, полагаю, стоять ровно для вас уже проблематично?

И в подтверждение его слов раздался глухой звук упавшего тела.

— Полагаю, мне стоит выпить еще глоточек? — Мэр явно издевался и даже этого не скрывал. — Не скажу, что мне приятно, но на что не пойдешь ради дела, не так ли, госпожа Салиес?

И он отпил. Громко. В тот же миг страдальчески застонала ведьма.

— Нет, я бы вас пожалел, — очень вежливо и даже благожелательно заверил господин мэр, — но видите ли, в отличие от белых магов, которые безразлично отнеслись к гибели семейства Амански и всей их прислуги, мне лично безумно жаль загубленных вами людей. Да и животных. Вот скажите, чем вам не угодили животные, госпожа Салиес? Зверюшки бы точно не смогли никому сообщить, что вы по ночам наведываетесь в особняк.

Пауза и почти издевательское:

— А вот подзаборные пьянчуги оказались куда как разговорчивее.

Рев старой карги.

— Впрочем, — скрипнул стул, — будем откровенны — я с самого начала заподозрил вас.

— Ты... ты... — шипела ведьма.

— Вы ее пили? — Вопрос Джонатана показался мне неожиданным, а еще у мэра внезапно изменился голос. Он стал злым, и в то же время в нем ощущалась тревога. — Я не успел остановить и знаю, что она уже у вас. Вы ее пили, госпожа Салиес?

Кого пили?! О чем он?!

И вместо ответа сдавленный хрип.

— Если вы успели ее обидеть, вам лучше сдохнуть самой, госпожа Салиес. Где она?

Я ничего не увидела, лишь послышалось змеиное шипение — хранитель источника старой ведьмы бросился в бой, и... И все стихло. Я не знаю, что сделал мэр, но боя не последовало, ничего не последовало, но и шипения более слышно не было.

А затем, судя по звукам, Джонатан поднялся и, не обращая внимания на застывшего без движения у дверей кухни хранителя старой ведьмы, спокойно вошел. Остановился на пороге, улыбнулся обездвиженной мне. А я смотрела на его спокойное лицо, на коричневую охотничью куртку, темные брюки, высокие черные сапоги и снова в его глаза, и... по щекам

текли слезы.

— Я же сразу сказал — это старуха, — с легким укором произнес мэр Бриджуотера. — Так зачем вы потащились в лапы врага, госпожа Герминштейн?

Мне было нечего ответить на это, да и не было такой возможности.

— Вы же умная девушка, госпожа ведьма, — продолжил ловец, — неужели вас, как и белых, не насторожил тот факт, что господин Орхус Маддейн находился в Бриджуотере всего год, в то время как убийства начались гораздо раньше?

У меня все так же не было возможности даже пошевелиться, да и подумать — я просто смотрела на него и благодарила всех духов и демонов за то, что мэр жив. Что оказался умнее даже старой Грехен.

— Нет, когда ты так на меня смотришь, мне даже злорадствовать уже не хочется, — грустно улыбнулся Джонатан.

А затем мягко подошел, наклонился, подхватил меня на руки и понес прочь из домика старой черной ведьмы навстречу звукам сотен шагов, голосов, лаю собак. И когда мы вышли в лес, оказалось, что дом окружен гвардией и ловцами в черном, а еще я увидела стоящих неподалеку извозчиков с ружьями и мушкетами и даже госпожу Торникай со сковородкой и других жителей.

— С госпожой ведьмой все хорошо, — остановившись, крикнул мэр. — К утру последствия отравления пройдут и будет как новенькая.

И гораздо тише, своим людям:

— Грехен заковать и в штаб, учтите — оклемается быстро. Госпожу Люсинду Хендериш к лекарю. Хранителя я блокировал. Дом исследовать.

А затем Джонатан понес меня через лес к городу, там, на дороге уже ждала повозка с двумя запряженными мулами, в которую ловец и сел.

Мне сложно сказать, долго ли длился наш путь, потому что все, что я чувствовала, это его легкие прикосновения губами к моим волосам... большего господин мэр себе не позволил. А я, закрыв глаза, растворялась в каждом его прикосновении, и мне совершенно не хотелось ни о чем думать. Вообще ни о чем.

В какой-то момент колеса загрохотали по булыжникам, выстилающим площадь, после двуколка подъехала к мэрии. Мэр все так же бережно отнес меня на второй этаж, в свою спальню, осторожно уложил на постель. А затем, подойдя к шкафу и открыв его, несколько минут перебирал черные пузырьки. Вернулся ко мне с одним из них, взглянул в мои глаза и предупредил:

— Вы уже пили это зелье, госпожа Герминштейн. Оно просто

восстановит ваши силы. Об ужине я распоряжусь. Отлежитесь час и можете возвращаться к себе, задерживать я не буду.

И, подойдя, он молча влил жидкость мне в рот, после надавил на шею каким-то странным образом, вынудив проглотить зелье. А затем, сев рядом, просто ждал, ссутулившись и глядя в пол перед собой. Не прошло и пяти минут, как я смогла пошевелить рукой.

— Вот и замечательно, — господин Вегард поднялся. — Я позову кого-нибудь, чтобы посидели с вами. Думаю, госпожа Торникай уже должна была вернуться. Отдыхайте, госпожа ведьма.

И, не глядя на меня, мэр пошел к выходу из спальни. Он уже открыл дверь, когда я смогла наконец найти в себе силы и хриплым шепотом позвала:

— Джонатан...

Остановился. Все так же не глядя на меня. Затем медленно повернулся, темно-карие глаза с тоской посмотрели в мои, и ловец тихо спросил:

— Что, Аэтэль?

Я приподнялась, не отрывая от него взгляда, но ничего не смогла сказать. Слова, какие-то бессмысленные обрывки проносились в сознании, но выговорить хоть что-то я...

— Мне не стоило говорить о том, что я испытываю к тебе, — мэр грустно улыбнулся, — сейчас ты бы не чувствовала себя обязанной.

Я и... не чувствовала. Чувств было много, и очень разных, и ситуация почему-то до крайности бесила, но вот обязанной себя точно не ощущала. Я...

— Джонатан, — каждый звук давался с трудом, — просто... к сведению... — откашлялась, ощущая сладость зелья в горле. — Если ты... еще раз... еще хоть раз... — И неожиданно четко и громко: — Я тебя сама убью!

Ловец потрясенно вскинул бровь, несколько ошарашенно глядя на меня.

А я больше ничего не смогла сказать, просто смотрела на него глазами, полными слез, и совершенно ни слова не могла произнести. Он стоял еще всего секунду, а затем решительно захлопнул двери, подошел и, склонившись надо мной, хрипло произнес:

— Я ведь смертный, ведьма.

Не хочу об этом думать. Не хочу, не буду и даже не собираюсь.

И повинуюсь какому-то совершенно неправильному и нерегламентированному чувству, я обняла его, четко осознавая только одно — безумно хочу, чтобы он меня снова поцеловал. Джонатан сжал в

объятиях. Крепко-крепко, а затем рывком пересадил к себе на колени, сев на постели, и продолжал крепко-крепко обнимать. И как-то даже не сразу я расслышала его тихое:

— Зачем ты потащилась к Грехен, Аэтелль?

Можно было бы не отвечать и даже ничего не говорить, но, уткнувшись носом в шею Джонатана, я прошептала:

— За советом...

Сжал крепче и чуть громче спросил:

— За каким советом?

Меня трясло, все никак не могла успокоиться, и страшно было вовсе не за себя... я до ужаса перепугалась за Джонатана. И в свете этого даже не имело значения, что я начала все ему выкладывать.

— Орден Света и беломагическая рожа, — судорожно вздохнула, прижалась сильнее. — Там, в усадьбе Амански, я использовала заклинание из белой магии...

Нервно сглотнула, ощутив, как рука ловца начала успокаивающе гладить по спине.

— Я так понимаю, это было то самое заклинание, что не раз применяла белая магианна госпожа Анарайн?

Кивнула и снова уткнулась носом в его шею... Ну и что, что я черная ведьма и мэр меня бесит?! Сейчас не хотелось совершенно думать об этом. Мне просто нравилось сидеть в его объятиях, нравилось, как он меня гладит, и я была безумно счастлива, что он жив... И в свете этого уже было абсолютно не важно, что впереди ждала схватка с Арвейном, схватка не на жизнь, а на смерть, потому что сдаваться я не собиралась, и не важно, что противостоять придется и тому белому, что является моим отцом, не важно даже то, что Грехен оказалась... не просто злой черной ведьмой, а чем-то злобным и мерзким... Все стало каким-то незначительным в объятиях мэра Бриджуотера, пусть даже он и простой смертный.

— Телль, — ласковый с хрипотцой голос, — у ордена претензии к белому заклинанию?

Я подняла голову и посмотрела в его глаза. Все-таки у него удивительные глаза — глубокие, словно затягивающие в омут, и в то же время на редкость умные и проницательные... Глаза, от которых не хочется отрывать взгляд и взгляд которых совершенно не хочется терять...

И словно сами собой с губ полустоном срываются слова:

— У меня договор с моим демоном, и до его исполнения я не могу со смертным... — оборвала себя на полуслове.

Господин мэр улыбнулся. В его улыбке были спокойствие и

уверенность, затем он тихо сказал:

— Я разберусь с твоим демоном.

И я почему-то даже поверила. Нет, умом понимала, что это невозможно, Джонатан всего лишь смертный, а Гернаримарнахр — он демон, но... все равно поверила. И гораздо тише продолжила:

— Если я свяжу себя со смертным до рождения дочери, совет верховных объявит меня вне закона и мой источник погасят.

Джонатан улыбнулся чуть шире, наклонился, коснулся губами кончика моего носа и уверенно произнес:

— Я разберусь с вашим черноведьминским советом.

Удивленно посмотрела на него, отстранилась и уже несколько настороженно сообщила:

— Существует вероятность, что я действительно биполярна, то есть практически... белая, — последнее слово произнесла, содрогнувшись от омерзения.

Нет, даже предполагать, что я белая магианна, не хотелось совершенно. Это же просто отвратительно.

— И я...

Договорить Джонатан мне не дал. Улыбнулся так, что я утратила дар речи, наклонился, поцеловал столь головокружительно, что и слов у меня уже не осталось, чуть отстранился и, глядя мне в глаза, произнес:

— Я разберусь с орденом, Телль. И с мэтром Октарионом. И за советом тебе следовало пойти не к старой карге, а прямиком ко мне.

Легкое недоуменное напряжение, охватившее меня после такого заявления, внезапно усилилось. Сев ровнее на его коленях, я с некоторым недоумением посмотрела на мэра, но вспомнила почему-то поведение белого. Беломагическая рожа ведь пришел договариваться. Не приблизился, не попытался даже тронуть, не орал, а пытался надавить исключительно морально... И это его «Хочу сейчас! Без проволочек, задержек и насильственного укладывания тебя в супружескую постель. Я хочу тебя настолько, что готов нарушить правила ордена и сохранить твой черный источник! Я даже готов согласиться на то, чтобы одна из наших дочерей была черной! Все что пожелаешь, Телль, я готов практически на все». И как бы ни бесил меня мэтр Октарион, именно сейчас я задумалась над вопросом — а с чего это белый вообще пришел о чем-то договариваться?

— Г-г-господин мэр, — с трудом выговорила несколько оторопевшая от предположений черная ведьма, — а вы... а рожа... в смысле мэтр Октарион... а...

— Уже говорил, — перебил меня Джонатан, — ты находишься в

Бриджуотере без опеки своей семьи, соответственно, фактически под опекой главы города. Как твой опекун я дам свое согласие на любой твой брак только по твоей личной просьбе.

С сомнением посмотрев на господина мэра, я уточнила:

— То есть вам известно о претензиях беломагической рожи?

Кивнув, он подтвердил:

— Да, мне известно о безосновательных претензиях мэтра Октариона.

— Безосновательных, господин мэр? — изумленным эхом повторила я.

Джонатан посмотрел на меня как на неразумного, но очень любимого ребенка, улыбнулся и повторил со своим непробиваемым спокойствием:

— Безосновательных, госпожа ведьма. Вы, как и большинство магически одаренных, не принимаете в расчет тот факт, что все магические ордена, сообщества и черноведьминские сборища функционируют на территории королевства, а значит, подчиняются строгим законам государства. В соответствии с законом вы, как я дважды уже повторял, находитесь под моей опекой.

Судорожно выдохнув, осторожно напонила:

— Черные ведьмы все же вне закона, а что касается ордена Света, то они в состоянии вынудить короля изменить любой закон и...

Мне улыбнулись. А затем очень мягко Джонатан произнес:

— Ни один вменяемый белый маг не станет переходить дорогу ловцу моего уровня.

Потрясенно выдохнув, я облизнула губы, задумалась над сказанным, прикинула расстановку сил и... и после произошедшего у Грехен была вынуждена признать, что в словах Джонатана резон имеется. В конце концов, нас способны убить белые маги, а вот белых магов при необходимости уничтожают как раз таки ловцы.

И тут господин мэр, став вдруг очень серьезным, едва слышно произнес:

— Я со всеми разберусь, Тель, — с ведьмами, магами, орденом и даже преисподней, но как твой опекун я даже себе не позволю прикоснуться к тебе без твоего разрешения.

И посмотрел на меня вопросительно. Не настойчиво, не требовательно, в его карих глазах был вопрос и... и, наверное, еще надежда. А меня не то чтобы бесит, когда так смотрят, просто... неловко стало.

Невольно поежившись, опустила глаза, упорно глядя на третью сверху пуговицу на куртке ловца. В спальне стало тихо-тихо, словно ни я, ни мэр вовсе не дышали. А потом он произнес:

— Госпожа ведьма, я...

Подняла голову, посмотрела на него... почему-то вспомнилось, как он волосатый и взбешенный пожирал ветчину в моей спальне... И как отказался собирать чемоданы... И как устроил мне спуск по тропке вниз в озеро... Но почему-то больше всего вспомнилось, как он, повернув голову, увидел меня впервые и какой у него тогда был взгляд и...

— Морда наглая, — я насупилась, — а почему ты меня при встрече милым дитем обозвал? — Моя черноведьминская гордость требовала немедленного ответа.

Джонатан удивленно вскинул брови, хмыкнул и вполне серьезно ответил:

— Потому что когда ты не в образе, ведьма зловредная, и прекращай обзывать меня мордой, ты очень миленькая.

Выражение «ведьма зловредная, и прекращай обзывать меня мордой» невольно вызвало улыбку. Обняв Джонатана за шею, я поинтересовалась:

— А когда в образе?

— Ужасно красивая, — последовал ответ. — И почему ты меня называешь мордой? — неожиданно поинтересовался Джонатан.

— Породистый, — лаконично ответила я. После добавила: — В смысле ты наглая породистая морда.

— Если рассматривать в этом контексте, то даже как-то льстит, — улыбнулся мэр.

— Я всегда высоко оцениваю своих врагов, — с достоинством сообщила черная ведьма.

Улыбнулся шире, затем, вновь став серьезным, тихо спросил:

— Так я услышу ответ, Телль?

Обняв, прижалась щекой к его груди и подумала, что некоторые все-таки не слишком умны. То есть умны, но не во всем. Иначе бы уже давно догадались, что черные ведьмы, если против, на руках ни у кого не сидят и никого не обнимают и уж точно ни за кого, кто им безразличен, не переживают. И, наверное, мне уже стоит об этом сказать, а то...

Дверь распахнулась в тот самый момент, когда я собиралась некоторых просветить.

Мои волосы заискрились еще до того, как, повернув голову ко входу, увидела сверкающего от боевой магии мэтра Октариона. Вид у рожи оказался до крайности грозным — в голубых глазах вспыхивали молнии, волосы развевал ветер готового сорваться с пальцев магического вихря, доспехи сияли лунным светом, воздух вокруг трещал от напряжения.

Маг медленно перевел взгляд с меня на мэра и глухо, но с

прорывающимся яростным ревом произнес:

— Так значит, мои предположения по поводу вашего личного интереса к ведьме лишь беспочвенные подозрения, господин Вегард?! — И воздух загудел втрое сильнее.

Магия, заполнившая пространство спальни, имела четкий привкус смерти. Я черная ведьма, но даже я чувствую, когда белая сила переходит грань. Сила мэтра Октариона ее перешла! И сейчас концентрировалась, нагнетая напряжение, как в сжатой пружине! И никаких сомнений не осталось — маг пришел убивать. Именно убивать!

Игнорируя что-то попытавшегося сказать мэра, я напряженно напредила:

— Убийство королевского служащего тебе никто не простит, Арвейн.

Полубезумный взгляд мага переместился на меня. Несколько секунд беломагическая рожа испепелял взглядом, затем зло прошипел:

— За связь со смертным тебя объявят вне закона. Ты станешь изгоем даже у черных ведьм, Телль!

Подумаешь, у нас и так среди черных ведьм принято друг друга не любить.

— Переживу, — ядовито улыбнувшись, ответила я.

— Переживешь, — подтвердил мэтр Октарион. И добавил: — Ты переживешь, он — нет! Я не отдам свою ведьму смертному.

Внутри все похолодело. И, несмотря на то, что я отчетливо понимала, насколько слаба в сравнении с белым, все равно призвала свой источник. Потому что за Джонатана я буду сражаться и никакому психованному магу его не отдам, и...

— А теперь очень мягко и спокойно отпусти силу, — раздалось у меня над ухом.

И ловец, сняв с себя мои ладони, сжал их и нежно погладил большими пальцами, прервав мое возмущенное восклицание тихим:

— Я влил в тебя восстанавливающее зелье, гораздо большую дозу, чем в прошлый раз, и использовать магию как минимум час противопоказано. Расслабься.

— Но... — попыталась было я.

Однако, совершенно не слушая, Джонатан поднялся, осторожно переложил пытающуюся возражать меня на постель, подмигнул, а затем, выправившись и глядя на находящегося в ореоле боевой магии белого, холодно поинтересовался:

— Насколько я понимаю, претензии у вас исключительно ко мне, мэтр Октарион?

Рожу передернуло, но, сохраняя остатки разума, маг хрипло спросил:

— А у вас имеются сомнения, господин Вегард?!

— Ни малейших, — заверил мэр. — Просто уточнил. И надеюсь, у вас хватит благородства не вмешивать в наше с вами выяснение отношений госпожу Герминштейн.

— Благородства?! — сдавленно переспросил Арвейн.

— Вам данное слово не знакомо? — усмехнулся мэр.

И эта усмешка стала для белого последней каплей! Я ничего не успела сделать, как маг нанес удар! Исполненный силы, убийственный удар, и синий огонь снес Джонатана!

Мой перепуганный крик раздался одновременно со звоном разбитого телом мэра окна спальни, и, оторопевшая от ужаса, я не успела ничего предпринять, как белый метнулся следом, промчавшись мимо в вихре боевой магии и швырнув в меня молнией заклинания.

И черная ведьма задохнулась от боли, сжимаясь на покрывале. Холод, смертельные оковы холода стиснули запястья и щиколотки, петля на шее сдавила, словно пальцы белого мага. Слезы оказались тем единственным, что было способно двигаться, они и заструились по щекам, злые слезы беспомощной ведьмы, и я призвала источник! Дохрай отозвался разъяренным рыком, магия заструилась по кончикам пальцев, вверх по ладони, чтобы раствориться в ледяных оковах, пройдясь по телу судорогой боли. С трудом выдохнув, закрыла глаза и призвала то, чем пользоваться никогда не планировала, — источник белой магии. Низкий утробный рык Гардэма и накалившиеся докрасна ледяные оковы! Я высвободилась за мгновение до того, как в комнату вбежал мужчина в черном, на лацканах которого отчетливо был виден знак сияющего аркана. Он остановился в дверях, глядя на взбешенную черную ведьму, и задал мне неожиданный вопрос:

— Госпожа Герминштейн, вы не пострадали?

Я?! Пару секунд взидала на него, прежде чем поняла — примчался ко мне на помощь. Он примчался меня спасать! Меня! Черную ведьму! Да не меня сейчас спасать нужно!

Я рванула к окну, черпая силу черного источника и на ходу призывая Дохрая, но с ужасом осознала, что ответа нет! Хранитель не ответил! Он...

Когда подбежала к окну, поняла почему. Дохрай сражался! Не просто сражался — он прикрывал Джонатана, упавшего на одно колено и судорожно пытавшегося сорвать с шеи аркан Найсентран, огромный и движущийся, словно живой питон. Я это точно определила, от такой гадости нас в магистерии учили бежать сломя голову. Потому что создать

подобное способны только очень сильные маги! Одно такое заклинание за минуту сжигает силу двух полноценных черных источников и сильно ослабляет белый. Причем для полного восстановления мэтру Октариону понадобится даже не год — несколько лет! То есть Арвейн пошел ва-банк!

Да ни одному ловцу не справиться с арканом Найсентран! А Джонатан как-то справлялся. Не знаю как, но вместо того, чтобы сейчас лежать на брусчатке содрогающимся в агонии, он лишь опустил на колено и одной рукой удерживал петли аркана, другой пытаясь залезть в карман. И я не сразу поняла, что он достает, пока не увидела маленькую черную коробочку — блокиратор магии! И мэтр Октарион, отбивающийся разом от двух моих хранителей, в то время как его подмастерья и оруженосцы дрались с ловцами Джонатана, тоже это увидел! Увидел и, понимая, что блокиратор уберет с пути Дохрая, выхватил из-за пояса метательный нож, а затем магией отшвырнул от себя Гардэма. Мой тигр, пролетев через половину площади, упал прямо у ступеней, ведущих в лавку черной ведьмы, и... не поднялся. Я застыла в отчаянии. Жители города, которых оказалось немало, просто народ опасливо держался в отдалении под прикрытием домов, побежали на площадь кто с чем — лопаты, грабли, сковородки, ухваты... Джонатан, заметивший поражение Гардэма, рывком оттянул от шеи сверкающий магией аркан и... И тут я поняла, что он сейчас откроет коробочку, тем самым подставив себя под удар белого мага. И одновременно с этим увидела, как из моей лавки выскакивают шесть камышовых котов, обозленных тем, что их предводитель лежит бездыханным. А у котиков против Арвейна вообще ни шанса! Как и у жителей города, которых теперь мэтр беречь не будет — ему терять нечего, судя по всему. И Джонатан совсем не понимает, что блокиратор откроет белому возможность убить его без всякой магии и...

Мэр щелкнул крышкой блокиратора! Дохрай обернулся к нему, словно хотел предупредить об опасности... Белый перехватил нож, готовясь к броску... Жители вбежали на площадь... Шесть камышовых котов, истошно вопя, окружили мэра и белого мага. Гардэм приподнял голову...

В следующий миг одна черная ведьма призвала магию!

Рывок — и блокиратор вылетает из руки Джонатана, взмывает вверх и тонет в стремительно создаваемом мною плетении Паутины Тьмы, куполом накрывшем центр площади и высосавшем меня почти досуха. Да, мы, черные ведьмы, тоже имеем в запасе пару козырей, и мэтр Октарион знал это, как догадывался и о том, что я рискну всем ради Джонатана, потому и стреножил парализующим заклятием. И сейчас Тьма разливалась над площадью, поглощая белую магию, впитывая, как трясина, аркан

Найсентран, который, будто пытаюсь спастись, цеплялся за потрясенного мэра... Но это не помогло, и синий сверкающий питон был втянут черной липкой дымкой Паутины. В следующий миг растворились все заклинания белых, погасло сияние их энергии, и теперь в полумраке сверкал лишь Дохрай, разом усилившийся втрое. Жители города остановились, белые прекратили драку с ловцами и даже мои коты замерли. Площадь разом погрузилась в тишину, а разъяренный мэтр Октарион рывком развернулся к окну, яростно уставился на меня. Я знала, как сейчас выгляжу — распущенные волосы развеваются словно от ветра, глаза сверкают зеленью магии моего источника, кожа фосфорно-белая. Именно так и выглядят все черные ведьмы, когда призывают самое сильное заклинание, на которое способны. Убийственное для них заклинание.

И белый об этом знал.

— Ради чего, Аэтель? — его глухой голос разнесся по всей погруженной в безмолвие площади. — Он же смертный! Он ниже нас. Он...

Я стояла, ощущая, как Паутина Тьмы опустошает мой источник, и с каким-то безразличием понимала, что после такого лишусь способности колдовать лет на пять как минимум. Но Джонатан уже встал, уже увидел метательный нож в руке белого, а значит, оно того стоило.

И я вскинула руку, развеивая Тьму, и попутно спокойно ответила Арвейну:

— Я люблю его.

Это признание далось мне очень просто. Гораздо сложнее было подчинить уже вкусившую свободы и изрядной порции белой магии Паутину, но я справилась. Пошатнулась, правда, но справилась. Непросто оказалось белому принять мой ответ.

— Что?! — его голос сорвался в хрип.

Тьму я развеяла полностью. Оставила лишь маленькое, едва заметное облачко, удерживающее блокиратор магии и простейшее заклинание усиления. Посмотрела на мэтра Октариона и пояснила для непонятливых:

— Я люблю этого смертного.

А этот сумасшедший вдруг выругался, помянув интимный процесс Света и Тьмы, чем вызвал у меня некоторое потрясение по поводу его извращенной фантазии, и как заорет:

— Ты не можешь влюбиться в смертного, Телль!

— Почему это не могу? — резонно удивилась я, чувствуя, как основательно пошатывается.

— Да потому что ты ведьма! — проорал Арвейн.

Ну и?!

— Слушай, ты, рожа беломагическая, кого хочу, того и люблю, и тебя не спрошу, к кому мне чувствами проникнуться! — психанула черная ведьма.

И вот тогда в глазах мэтра Октариона заплескалась ненависть. Уж не знаю, чем ему мои чувства так не угодили, но ненависть на грани безумия — это страшно. Как и залюбившаяся вокруг мага белая энергия, в которой несложно было узнать вновь призванную смертельную магию. И я даже боюсь представить, силу скольких выпитых им черных источников он пустил в ход.

— Не смей! — проговорила одними губами.

Белый улыбнулся. Это был почти оскал, а не улыбка.

— Арвейн, — мой голос звучал ровно, — я не позволю убить Джонатана, даже если мне придется и вовсе лишиться магии.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Точнее, я смотрела — белый выродок сверлил меня полным ненависти взглядом. А затем, тряхнув вновь заискрившимися от энергии волосами, взбешенно выкрикнул:

— Ты мне и без магии сгодишься!

Вскинул руку, не отрывая взгляда от меня, и словно от самого солнца к земле помчался столб света. И ни у кого из присутствующих даже на мгновение не возникло сомнения в том, на чью голову падет это заклинание! Джонатан, собрав остаток сил, метнулся в сторону! Дохрай, отчаянно защищающий мэра, ринулся на белого мага, но был отброшен — мэтр Октарион позаботился о своей защите. Камышовые коты, кинувшиеся на мерзавца, также были откинuty защитным полем. От приближающегося смертельного столба огня стало нестерпимо светло, воздух просто загудел!

Я вскинула руку...

— Телль, не надо! — крикнул Джонатан.

Маг ничего не кричал. То ли догадывался, что я могу выложиться до основания и все равно не перебыю его Огненный шторм, то ли ему было все равно. Но я рисковать всей своей силой не собиралась. И, щелкнув пальцами, я сделала то, чего никак не ожидала озверевшая беломагическая рожа, — открыла усиленный остаточным заклинанием мэровский блокиратор магии.

В следующую секунду испарились все присутствующие в радиусе городской площади магические заклинания. Включая Огненный шторм. Он просто не долетел до земли — то есть вот мчалось, гудя, яростное пламя, а вот исчезло, поглощенное падающим блокиратором магии. Блокиратору, к

слову, мои овации — сильная штука.

И я посмотрела на белого мага. Застала момент, когда нерастерявшийся мэтр Октарион метнул заготовленный клинок в Джонатана. Ловец, подтверждая свою профессию, перехватил оружие, но метнуть обратно не успел. Случилось то, к чему мы с Дохраем готовились, — наша ловушка сработала. И в единый миг на площади материализовались до того скрытые магией термитники, а камышовые коты, сохранявшие нормальное состояние только из-за сдерживающего заклинания, превратились в одержимых духами и в едином порыве бросились на ненавистного им представителя Света, то есть на белого мага, яростно вопя, шипя, озверело рыча и вообще ведя себя неадекватно. А даже один одержимый духом кот — это уже сила, что уж говорить о шести. Мэтр Октарион был погребен под рвущей, царапающей и кусающей его серой лавиной. Но лишь на несколько секунд. Когда из возникших термитников рванула масса оголодавших и злых насекомых, котейки метнулись прочь, а немного очухавшийся Гардэм за ними. И все, кто понял, что сейчас будет, тоже рванули прочь. И мэр Бриджуотера, осознавший опасность, ринулся в фонтан, понимая, что вода станет преградой термитам. А вот мэтр Октарион этого не понял. Он поднялся, шатаясь и стремительно регенерируя, что теперь, после двух использованных им энергопожирающих заклинаний, было не так просто, посмотрел на меня и...

— Ты его не спасешь, Телль.

Мэр Бриджуотера, стоя по колено в воде фонтана, глянул на белого так, что у меня лично возникли сомнения в том, кому кого спасать придется. Потому как, видимо, после его крика мне «Телль, не надо!» отношение к битве с белым у ловца изменилось. Стало личным, что ли. И когда все еще не замечающий несущихся на него термитов белый мэтр вскинул руки, призывая, и я это отчетливо ощутила, силу черных источников, в него полетел кинжал, направленный сильной рукой мэра, который явно пришел в состояние холодной ярости.

И очень вовремя! Потому что в то, что начало твориться на площади, ни одна черная ведьма не полезла бы: схватка между ловцом и мэтром белой магии, свободно оперирующим силой черных источников, — это жутко! А Октарион больше не сдерживал себя, как и Джонатан.

Вскинутые вверх руки белого мага, вспыхнувший между ними язычок зеленого пламени, вихрем сгущающаяся вокруг ладоней тьма и сверкнувший клинок, который метнул вскочивший на бортик чаши фонтана ловец.

И вот тут я возблагодарила Тьму за то, что так предусмотрительно заготовила ловушку с термитами. Именно они и дали шанс Джонатану, атакуя мэтра Октариона и тем самым отвлекая от летящего ножа. Клинок вошел в предплечье! Маг взвыл, затем, невероятным образом подключившись к моему источнику, отправил все многоногое воинство в ту субреальность, где они таились ранее. Я потрясенно пошатнулась! Как?! Это... как?! Мой источник, моя магия, моя ловушка... я... Но свое дело термиты уже сделали — выиграли для мэра несколько секунд. И когда ополоумевший белый маг швырнул в него наполненное тьмой заклятие Багряной смерти, ловец уклонился и метнул свой нож, четко вошедший в грудь белого.

Арвейн захрипел, вырвал нож, попытался сформировать новое заклинание, беззастенчиво пользуясь моим источником, и получил третий клинок, пронзивший его призывающую магию ладонь. И прежде чем сумел вытащить и этот нож, в его тело вонзился следующий. Выглядело жутко, ловец шел к магу, не отрывая от него злого взгляда, и отправлял в полет нож за ножом, четко, уверенно, неотвратно!

И какая, к демонам, магия?! Опыт уверенно выигрывал бой!

И когда мэр Бриджуотера подошел к упавшему на колени мэтру Октариону, противопоставить тому уже было нечего!

— Надеюсь, вы осознаёте, чем вам грозит нападение на должностное лицо? — холодно спросил ловец.

Белый маг хрипел, рычал и пытался спешно регенерировать, судорожно вытаскивая из себя ножи. Не обращая внимания на его потуги, господин Вегард продолжил:

— Как градоправитель Бриджуотера я запрещаю вам появляться на территории моего города без сопровождения вашего вышестоящего начальства, оставляя за собой право казнить, инкриминируя попытку убийства, в случае нарушения моего запрета.

Перестав избавляться от ножей, мэтр Октарион запрокинул голову, с неистовой ненавистью глядя на победившего врага.

— Убирайтесь, — добил его ловец.

Арвейн поднялся с трудом и не с первого раза. Но встал, повытаскивал из себя ножи, швырнул на испачканные его кровью камни. Повернулся и, не взглянув на меня, пошатываясь, двинулся прочь с площади. Люди, оказавшиеся на его пути, стремительно отступали, и никто не произнес ни слова, пока истекающий кровью маг не оказался рядом со своими оруженосцами, которых ловцы мэра отпустили мгновенно. Зигфрид, используя простейшее заклинание излечения, кое-как подлатал даже не

замедлившего шаги белого. Арвейн дошел до своей лошади, с трудом забрался в седло. Едва не упал, но удержался и покинул нас, так ни разу и не обернувшись.

И когда он скрылся из виду, на душе сразу сделалось легче. И я повернулась к Джонатану, радостно улыбнулась ему и... И вот тут этот выглядевший почти непораненным, уверенным, сильным и вообще невредимым ловец вдруг пошатнулся и рухнул прямо на камни!

Из моей груди вырвался какой-то жуткий вопль, но прежде чем я это осознала, подскочившая метла уже была в руке, и я слетела из окна прямо к лежащему раскинув руки Джонатану! А вокруг была кровь! Кровь! И кровь!

Отшвырнув метлу, я рухнула на колени рядом с ним, дрожащими ладонями обхватила лицо и, сама не понимая, как еще держусь, призвала магию...

— Н-н-не надо, — с трудом разлепив губы, проговорил умирающий мэр.

— Что значит «не надо»? — возмутилась я прежде, чем поняла, что он заговорил!

— Не надо магии, — прошептал он, — тебе н-н-не стоит... и т-т-так... уже...

А сам бледный! И я только сейчас заметила, что на животе у него рана и кровь течет! Так вообще курткой закрыто было, а он упал, полы разошлись, и... там кровь!

— Кровь! — истерично взвизгнула я.

— Не моя, — не моргнув глазом, потому что все еще не открыл глаза, соврал мэр.

— Да как же не твоя, если она из тебя течет! — возмутилась перепуганная черная ведьма. — И вообще, умирай дальше, не мешай тебя спасать!

А он взял и открыл глаза. И с явным сомнением на меня посмотрел, и даже снизошел до осмысленной и четко произнесенной фразы:

— Госпожа Герминштейн, вы уверены, что мне стоит последовать вашему совету? Боюсь, в этом случае спасти будет уже некого.

И у меня вдруг появилось жгучее желание придушить одну не в меру наглую мэрскую морду! Вот просто взять и придушить, чтоб не мучился! И...

Материализовавшийся передо мной Дохрай молча протянул зелье заживления, сваренное мной еще в магистериуме и обладающее свойствами похлеще целительной магии. Благодарно взглянув на

хранителя, молча вытерла мокрое от слез лицо и, не взирая на попытавшегося воспротивиться мэра, разорвала на нем рубашку и уставилась на внушительный глубокий порез...

— Джонатан!.. — простонала, уже не сдерживая слез.

— Жечь будет? — заинтересованно глянув на пузырек с зельем, спросил он.

— И еще как! — мстительно заверила я.

— Ну и ладно. — И мэр Бриджуотера снова опустил голову на камни, предоставив себя в мое полное распоряжение. — Главное, давай без магии, тебе и так досталось сегодня, теперь источник долго восстанавливать придется. Не стоило тебе вмешиваться, Телль, да еще и так затратно.

Даже говорить ничего не стала. Молча обработала рану, молча вылила на нее зелье, так же без слов дорвала рубашку до самой шеи, попутно зельем же залечивая и другие порезы. И даже не заметила сама, что с каждым обнаруженным ранением вздрагиваю и, кажется, плачу.

— Телль, перестань, мне проще терпеть боль, чем видеть твои слезы. Оставь, я уже в состоянии подняться.

— Я не плачу, — упрямо заявила, — и ты не поднимешься, ты вообще практически умер.

— Кто умер? — Он удивленно приподнялся.

— Да ты умер, морда несносная, — прошипела взбешенная черная ведьма. — Я тебя сейчас вылечу, а потом убью! Будешь знать, как валиться с ног от кровопотери!

Улыбнувшись, этот... этот он укоризненно покачал головой и произнес:

— Просто слегка устал, Телль, а так со мной все в совершенном порядке и повреждения несильные.

И тут из толпы, которая оказывается давно придвинулась и вообще все рядом теперь были, раздался голос вездесущей госпожи Торникай:

— Да врет он, госпожа ведьма, что вы его слушаете? Он как свалился из окна, этот белый выродок, не давая подняться, его мечом своим покромсал! Мэр-то на силу увернулся, откатился и смог отпор дать!

Что?!

— Уволю, — тихо, но четко проговорил мэр.

Госпожа Торникай тут же заткнулась и даже в ряды присутствующих затесалась. А я, открыв рот, смотрела на эту безмерно благородную мэрскую морду и...

— И ты его после этого отпустил?!

Джонатан неожиданно улыбнулся, так снисходительно как-то, покачал

головой и произнес:

— Белых магов его уровня не убивают посреди города, Телль, если не хотят остаться без этого самого города.

То есть белый превосходно знал, что его никто не убьет?! Да это вообще подло! Да...

— Так, — я вытерла мокрый от слез нос, — сейчас на носилки, в мою лавку и...

Джонатан улыбнулся, рывком сел, затем поднялся, меня поднял и обхватив мое лицо ладонями, поцеловал, пресекая разговоры. А у меня пиетет, чувство гордости, жители Бриджуотера вокруг, но я как-то совсем не против, чтобы он меня целовал. Совершенно не против, вот только тьма опять взяла и повылезла, и меня зашатало.

— Телль, — мэр поддержал, сам шатался, а меня поддержал, не давая упасть, — я же предупредил, тебе час вставать нельзя после восстанавливающего зелья, а ты?!

— А я думала, что он тебя убьет, — тихо призналась, вздохнув.

— Руки короткие.

И Джонатан, пошатываясь, повел меня обратно в мэрию. А я обнимала его, и пусть даже мир шатался перед глазами, но мне все нравилось. Вообще все нравилось.

В этот самый момент из толпы донеслось:

— Господин мэр, это что происходит?

— Это вы чемоданы собирать? — раздался следующий вопрос.

— А белый чего хотел?

— И куда вы нашу госпожу ведьму ведете?!

Джонатан остановился, развернулся к толпе, после чего, громогласно объявил:

— Жители Бриджуотера, госпожа ведьма согласилась стать моей женой, свадьба завтра. Приглашены все. Священника оповестите кто-нибудь.

Я дара речи лишилась! И не только я — присутствующие так же!

Но к тому моменту, как мы вернулись в мэрию и даже поднялись на второй этаж, речь ко мне вернулась, и начала я с:

— Никакой свадьбы!

Мэр улыбнулся.

— Никаких брачных обрядов, я все-таки черная ведьма!

Улыбка стала шире.

— И никаких детей, — почему-то уже не так уверенно потребовала я.

— Это еще почему? — меня положили на постель и нависли,

пошатываясь, но сурово вглядываясь.

Разведя руками, терпеливо объяснила:

— Джонатан, ты пойми, ты смертный, дети, если и появятся, будут простыми смертными, ко всему прочему полукровок уничтожают, и я...

— Мне будет искренне жаль тех, кто попытается уничтожить моих детей, — с угрожающим спокойствием произнес Бенхард Джонатан Вегард. — Ко всему прочему, с раннего детства я научу их противостоять любой магии.

Этот научит, даже не сомневаюсь. Однако искренне сомневаюсь в том, что у нас будут дети. Но высказать свою мысль не успела.

— Можно я тебя теперь просто поцелую? — глядя прямо мне в глаза, хрипло спросил мэр Бриджуотера.

И меня обычно бесит, когда о чем-то просят, а сейчас...

— Тебе все можно, — почему-то прошептала черная ведьма.

Самая счастливая на свете черная ведьма. И еще немного перепуганная собственным заявлением. Потому что теперь все мое будущее вдруг стало таким... неожиданным и совсем не по регламенту. И я понятия не имела, как оно теперь все сложится...

Эпилог

Утро выдалось преотвратным. Настроение тоже было отвратительным. Погода — скверная, потому что с вечера шел дождь. Он и сейчас шел — мелкий, противный, холодный.

Ожесточенно шагая через площадь, я взбешенно смотрела на стайку местных мальчишек, оккупировавших порог моей лавки! То есть эти наглые мордочки опять в моей лаборатории! В очередной раз! Да сколько же можно! Куда смотрит Дохрай?! Гардэм?! Борун?! И их наглomorдый отец в конце концов?!

Естественно мне никто не ответил, потому что я еще даже к лавке не дошла! Но меня уже все бесит!

Преодолев площадь, приблизилась к порогу.

— Доброе утро, госпожа ведьма! — дружно приветствовала меня орава мальчишек, покорно дожидаясь своих предводителей.

В том, что предводители бесчинствуют в моей лавке, уже можно было не сомневаться!

Взбежав по ступеням, распахнула дверь и ворвалась внутрь — Борун даже не успел сдвинуться с места. Никто не успел! И мне представилась дивная картинка — старший наглomorдый и кареглазый сидел на моей торговой стойке, болтая ногой и вчитываясь в мой учебник по запрещенной магии! То есть мне сундук сей фолиант до сих пор не выдает, а этому вот — нате пожалуйста! Средний наглomorдый смешивал несмешаемое — зелье красоты, морозник и порох! Порох! Откуда он вообще приволок эту гадость?! А младший... младший в данный момент кормил моих камышовых котов рыбкой с кровью, плотоядно поглядывая на Гардэма, который, и я в этом даже не сомневаюсь, и подкинул ему эту идею!

Прибью! Всех попросту прибью! Включая Дохрeя, безучастно за происходящим наблюдающего! Я им покажу, как в мою лавку без спросу врываются! Да я...

— Привет, мам, — перелистывая очередную страничку, поздоровался старшая наглая мордочка.

— Ты уже проснулась? — Средний, погрозив предусмотрительно собиравшемуся смяться зелью пальцем, таки сыпанул в него порох.

— А я кису тигрой делаю, — гордо объявил младший, хватая предводителя моего камышового племени и насильственно запихивая рыбешку ему в пасть.

Тьма, за что?!

Почему никто, ни одна сволочь вообще, не предупредила меня, что у черных ведьм от смертных наглomorдых ловцов рождаются исключительно черные маги?!

Не просто сыновья, нет, а основательно черные ведьмаки, которые уже сейчас шутя расправляются не только с моей черноведьминской защитой, но и с белыми магами, последние к слову Бриджуотер стороной еще в день нашей свадьбы с Джонатаном обходить начали, а теперь и вовсе не посещают даже, потому что мой старшенький, в следуя папочкиной схемой, вокруг города защиту поставил. Сам, в семь лет. Теперь при входе на территорию города беломагические источники начинают гасить сами себя! Все, кроме моего, мой источник функционирует прекрасно, и кто бы понял, с чего ему такие привилегии.

— Слушай, мам, — старшенький перестал болтать ногой, — а если я не какого-то абстрактного демона хочу вызвать, а конкретно твоего, мне его имя в схеме чертить нужно?

Тьма, я поседею раньше времени!

— Вестейн, — я постаралась скрыть раздражение, — вызов демона изучается на выпускном курсе магистериума и не ранее. Видишь ли, это очень сложный обряд, требующий множества сил, знаний и владения собственной энергией. Вызывать демона в девять лет не слишком хорошая идея, да это и невозможно.

Породистая наглая мордочка как-то странно скривилась, а взгляд карих глазенок метнулся к моей кухне, откуда, и я только сейчас это услышала, доносились странные чавкающие звуки. Очень странные! И будто в ответ на наше внимание, из кухни высунулась громадная серая шипастая, клыкастая, жующая демоническая физиономия! Житель преисподней сглотнул, плотоядно мне оскалился, повернулся к моему старшему и прорычал:

— А еще святые блины есть?

— Через площадь направо заведение «У отца», — отмахнулся Вест.

А затем уже находящейся на грани обморока мне:

— Мам, ты только не переживай, он просто голодный был, а как наестся, я его обратно отправлю. Я вообще твоего демона хотел вызвать, но появился этот и...

И в этот момент рвануло зелье Бранда. Никаких белых магов тут не было, поэтому Дохрай без труда купировал взрыв, и, едва дым улегся, взору моему представилась средняя наглая мордашка, восхищенно взирающая на зелье, которое после взрыва сменило цвет с зеленого на голубой.

А я вздрогнула от второго взрыва. Хорошо, что Дохрай и тут среагировал мгновенно. Но стоило повернуться, как лавку огласил мой страдальческий стон:

Младший, а ему всего пять только будет, радостно улыбался, глядя на порожденное им чудовище — камышового кота размером чуть меньше Гардэма! Лыбилась эта наглая мордашка недолго! Моргнув, мелкий перевел взгляд на остальных котиков и прошептал:

Все, я так не могу! Сил моих больше нет! Это невыносимо! Нужно срочно к маме и забрать ступку, которая еще меня воспитывала! Иначе я... Я...

Метаморфоза была мгновенна. Вестейн осторожно закрыл мой учебник, не менее осторожно положил на стойку, спрыгнул с нее и, насвистывая так, словно он вообще ничего никогда не делал, направился к выходу из моей лавки. Бранд щелкнул пальцами, и сноп сорвавшихся с них зеленых искорок в момент загнал голубое зелье в бутылочку, пробка закрылась, а мой средний тоже ушагал к выходу. Свейн, как самый маленький и потому разбалованный, еще немного пообнимался с новосотворенным тигром камышового окраса, но стоило братикам выйти из лавки, как тут же бросился за ними следом.

И, видимо, лицо у меня стало вконец несчастным, раз даже демон, вновь высунувшийся из кухни, сжалился и спросил:

Кивнула, прошла в лавку и обессилено рухнула в кресло. Житель преисподней, безжалостно царапая пол когтями, подошел, хмыкнув, глянул на камышового тигра, который обалдело осознавал свои новые размеры, потом уставился на меня и пробасил:

Даже кивать не стала — если не дурак, то сам все понял.

То есть уже понял.

А я говорила Джонатану, что лучше обойтись без пышных торжеств и вообще без торжеств как таковых, но после того, что случилось в ночь

ареста Грехен, мэр как мой опекун и вообще честный человек решил, что обязан на мне жениться. И я еще проснуться после жаркой ночи не успела, а уже вся площадь перед мэрией была в цветах, священник испек громадный торт и готовился провести церемонию, ювелиры сделали нам кольца, а народ Бриджуотера накрывал столы. Впрочем, и пробужденнице у меня было то еще, потому что утром в сопровождении моего настоящего беломагического отца явился рож. Самому белому магу было же запрещено появляться, вот он и прихватил свое начальство!

В схватке «требующий выдачи дочери мэтр белой магии и счастливый смертный ловец» победил последний с преимуществом в «закон на моей стороне». Мэтр Октарион в разбирательствах не участвовал, мрачно сверля слегка растерянную, но безмерно счастливую меня полным ненависти взглядом, словно понял, что между мной и Джонатаном произошло.

В финале беседы в кабинете мэра, где я присутствовала чисто номинально, а все разбирательства вел счастливый и довольный Джонатан, мэтр Октарион, сплюнув на пол, прошипел:

— Ты заплатишь, ведьма.

Зря он так. На его месте после вчерашней битвы и уже полученного от мэра иска я бы вообще помалкивала. А так сам виноват.

— Будьте столь любезны повторить сказанное, мэтр Октарион, — произнес, угрожающе поднимаясь, собственно господин мэр.

Я тяжело вздохнула и попросила:

— Джонатан, мне кажется, все и так уже ясно и...

Мой беломагический отец, во время всего разговора сохранявший ледяное спокойствие, чем продемонстрировал невероятную выдержку, повернул голову, впервые с начала беседы взглянув на меня, и произнес:

— Аэтель, когда мужчины разговаривают, женщины должны помалкивать.

Сам нарвался.

Вскинула руку, молча щелкнула пальцами — сноп зеленоватых искорок осыпал помещение, и в итоге в нем остались я, мэр и два дуба, возмущенно шевелящих веточками.

— Соскучилась по лесу? — догадался Джонатан.

— И не говори, — тяжело вздохнула черная ведьма.

Дубы, встряхнувшись и засияв синевой, вернули себе прежний облик. Мой... хм... отец разъяренно вскочил, гневно посмотрел на меня и...

— Да, одним заклинанием белой магии я все же владею, — мило улыбнулась мэтру, — опробовала его на вашем недоучке... — Пауза и очень коварная улыбка. — Насколько я понимаю, студент все еще влюблен

в дерево? Так и не сняли?

Мэтр белой магии и глава ордена Света Ангус Дерион молча развернулся и гордо покинул кабинет мэра Бриджуотера. Мэтр Октарион отчего-то примеру вышестоящего коллеги не последовал и произнес, не отрывая от меня взгляда:

— Года не пройдет, как ты станешь моей, Аэтелль. И я заставлю тебя заплатить за каждую ночь, которую ты провела, отдаваясь... этому смертному! — Арвейн едва ли не плюнул в сторону мэра.

Ну и получил за чрезмерную распущенность языка. Я даже вмешиваться не стала и меланхолично проследила за тем, как роже повторно начистили... таки рожу, да. Растаскивал их мой отец, которому пришлось вернуться и выволочь подчиненного. А затем мэтр Октарион покинул мэрию.

Прихрамывая, правда.

А Джонатан, с синяком, который заработал во время мордобоя, повернулся ко мне, нервно постукивающей ногтями по подлокотнику дивана, широко улыбнулся и произнес:

— Да какая же свадьба и без драки!

Пророческие слова.

Все началось с того, что Джонатан напрочь отказался внимать моему голосу разума и, наплевав на то, что черные ведьмы не венчаются в церкви, а заключают со смертными брак исключительно гражданский в мэрии и на бумаге, пугая всех своим наливающимся на пол-лица синяком, втащил меня в церковь. А у меня договор с демоном... Гернаримарнахр явился в столпах дыма и пламени в тот момент, когда священник зачитывал «Можете поцеловать невесту» под громкие всхлипывания утирающей глаза госпожи Торникай, которая выла на всю церковь: «Забирают замуж мою девочку, молодюсенькую таку-у-у-ю-ю». И разъяренный демон несколько обалдело огляделся, шокированный происходящим, а затем грозно зарычал, наглядно сообщая всяким наглым мэрам, что черные ведьмы не выходят замуж за смертных...

Мэр в ответ на рев пожал плечами и стал демонстративно закатывать рукава. Народ Бриджуотера внял намеку и ошетинился скалками, сковородками, вилами и всем, что каким-то образом захватил в церковь. Спасла всех я, сообщив демону, что свадебный торт пек сам священник. Гернаримарнахр раздраженно сплюнул на пол, выражая все, что думает по моему поводу, прошел к скамьям и, усевшись рядом с притихшей госпожой Торникай, отобрал у нее платок и тоже завыл на тему: «Вышла замуж моя ведьма безголовая».

Их совместный вой бесил ровно до тех пор, пока Джонатан не поцеловал невесту, то есть меня. Потом уже ничего не имело значения, кроме сияющих счастливых карих глаз моего любимого и не менее счастливой меня. Праздник продолжался до поздней ночи, и таких гуляний Бриджуотер еще не видел. А я так вообще ничего не видела, кроме мэра, который практически не отпускал моей руки. Ловец же, и если уж поймал...

К ночи на метле явилась моя разъяренная мама, следом за ней прибыл и папа со своими людьми. Мы с Джонатаном несколько пропустили их появление, так как самозабвенно смотрели друг на друга, сидя во главе свадебного стола, поэтому когда чье-то заклинание попыталось оторвать меня от мужа, я просто щелкнула пальцами, разрывая путы, а ловец открыл очередную коробочку с блокиратором магии. И только потом до меня дошло, что истеричные вопли «Телль, я убью тебя!» относятся собственно ко мне. Да и поняла это я лишь тогда, когда папа схватил Джонатана за воротник и вытащил из-за стола.

Но драки не случилось.

Королевский ловчий взгляделся в синяк ловца, спросил: «Кто?», получил ответ: «Белый маг», хмыкнул, пожал мэру руку и произнес: «Уважаю». А потом усадил за стол задыхающуюся от бешенства маму и поднял тост за здоровье молодых. Не могу сказать, что моя мать с выбором смирилась, но под конец застолья, после разговора с отцом, махнула на меня рукой и сказала: «Зато будешь счастливой», а после добавила: «Род прервется, жаль, ну да черт с ним, с родом, по крайней мере, не поседеешь раньше времени с такой дочкой, как ты».

И сильно ошиблась! Нет, дочери у меня не получилось, потомственные черные ведьмы рождаются исключительно от белых магов, но Вестейн призвал черный источник и перенесся через всю комнату к моей груди уже через час после рождения. Не могу сказать, что нас это обрадовало, особенно в условиях затяжного судебного процесса, начатого моим настоящим отцом, но Джонатан был счастлив и горд, а покровительство короля решило вопрос. С рождением второго сына мэтру Октариону пришлось смириться с тем, что меня он никогда не получит, о чем свидетельствовало решение королевского суда, в котором «Госпожа Аэтелль Вегард признавалась законной супругой господина Бенхарда Джонатана Вегарда», а брак, освященный церковью, — священным и нерушимым.

Но лишь с рождением третьего сына мы с мамой решились сообщить совету верховных о появлении трех совершенно черных ведьмаков. Во-

первых, у нас была поддержка короля, во-вторых, Джонатан оказался не тем человеком, с которым захотели бы связываться черные ведьмы после истории с Грехен. В итоге моим сыновьям даже позволили в будущем обучаться в магистериуме. Мне сложно представить, что они там будут делать, являясь единственными парнями среди ведьмочек, ко всему прочему обученные отцом как ловцы, но я уже очень жду момента, когда ответственность за все их выходы можно будет переложить на чужие плечи.

Открылась дверь, и демон, который, позабыв о всяческом уважении, все это время откровенно ржал над хмурой черной ведьмой, тенью метнулся обратно на кухню, Гардэм уселся на пол, а камышовые коты ринулись под стол. Тот, которого Свейн превратил в тигра, не рассчитал с новыми габаритами своего тела и стол напрочь снес... Синее зелье разлилось, после чего воспарило и с радостными дергаными движениями поспешило смыться. Дохрай плавно исчез в стене.

Несколько шагов — и теплые широкие ладони легли на мои плечи.

— Судя по тому, что мальчишки вручную чистят конюшню, они уже что-то натворили, — произнес мой обожаемый мэр Бриджуотера.

— Угу, — отозвалась черная ведьма.

Я не стала рассказывать, что наши дети в очередной раз баловались запрещенными заклинаниями, невероятным образом вызвали демона, превратили моего кота в тигра и, насколько я могу судить по тому зелью, которое сейчас смывается на улицу, опять что-то запредельное нахимичили. И это после того, как буквально вчера клялись больше без меня в лавку не заходить.

— Мне разобраться? — осторожно спросил Джонатан.

И ведь если пожалуюсь — разберется, но... я все-таки мама и эти наглые мордашки безумно люблю... особенно когда спят.

— Хватит с них и конюшни, — решила я.

— Это слабое наказание, они же ее только вчера убирали, — напомнил муж.

Эпическая была чистка — Вестейн так зачаровал лопату и вилы, что те и лошадей приняли за мусор, в результате несчастных копытных пришлось выкапывать из-под навоза.

— Ну сегодня же вручную, — уточнила неуверенно.

— Естественно, пусть только попробуют еще раз магию в конюшне применить.

Господин мэр суров, но справедлив. И кстати, вот отца они всегда слушаются.

Запрокинув голову, взглянула в карие такие любимые глаза, улыбнулась, тихо простонала, когда поцеловал. И тут из кухни донеслось:

— А меня кто-нибудь обратно в преисподнюю возвратит или как?

Ответить ничего не успела — Джонатан обошел кресло, подхватил меня на руки и направился к выходу из лавки, крикнув:

— Они заняты пока. Как навоз разгребут — отправят.

То есть мэр сразу просек, кто вызвал демона.

— Так, а ты это, стой, ведьму верни, смертный! — занервничал демон. — Она хоть опытная, а эти же Тьма его знает куда забросят... Э, стойте... Эй!

Но его уже никто не слушал. Нам, черным ведьмам, вообще не до чужих трудностей, а наглым мордам тем более. Хотя...

— Дохрай, спрячь учебник по запрещенной магии до моего возвращения, — крикнула я.

— А когда ты вернешься? — попытался выяснить вызванный житель преисподней.

Ответить ничего не смогла, так как в принципе и не знала. В смысле понятия не имела, какие планы у Джонатана. Улыбнувшись мне, он сообщил:

— Я с мальчишками вечером в лес с ночевкой, ты с нами?

Отрицательно покачала головой. Нет, все понимаю, но мэр их там будет учить всяческим ловцовским штучкам и выживанию в лесу, причем учить строго и сурово, а мне детей жалко, пусть даже это и делается для их блага.

— Не кривись, будут ловцами, — пообещал мой муж.

— Джонатан, они будут ведьмаками, — в очередной раз напомнила я, — уже и бумаги из магистериума пришли, их берут на обучение.

— Ведьмаки с опытом и знаниями ловцов, — мечтательно протянул мэр. — Я уже искренне сочувствую тем, кто решит перейти дорогу нашим мальчикам.

Я тоже. Особенно если учесть, что все трое преспокойно и с белым источником управляются... о чем пока никто, кроме меня, не в курсе.

— Как тебе идея провести день вдвоем? — внес предложение мэр Бриджуотера.

Мне в принципе нужно было сварить зелье от угревой сыпи для младшей Блошич и еще изготовить сердечных капель для прибывшего недавно нового священника, который заменил прежнего, оставившего сан ради собственной таверны «У отца», посещаемую Гернаримарнахром почти ежедневно, но... если учесть, что моя любимая наглая морда заберет

все три наглые мордочки, которые его копии, ухудшенные тяжелой полученной от меня наследственностью, то я все успею сделать ночью, так что...

— Замечательная идея, — согласилась самая счастливая на свете черная ведьма.

Конец